

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 15

1 августа

№ 15

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

1 9 3 7

СПИСОК КНИГ,

ПОСТУПИВШИХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА“

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП (б)

ЛЕНИН В. И., СТАЛИН И. В. Июльская демонстрация. 1937. 64 стр. 40 коп.

ДИМИТРОВ Г. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. 1937. 172 стр. 4 р. 50 к.

Положение о выборах в Верховный Совет СССР. 1937. 16 стр. 10 к.

Яковлев Я. А. О проекте «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». Доклад на 4-й сессии ЦИК СССР VII созыва 7 июля 1937 г. 24 стр. 15 коп.

ЧЕРНОВ М. О введении правильных севооборотов. Доклад на июньском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. 28 стр. 15 коп.

ЭРНАНДЕС Х. Почему ушло правительство Ларго Кабальеро. Доклад на митинге в Валенсии 28 мая 1937 г. 1937. 24 стр. 15 коп.

Подрывная работа японской разведки. 1937. 20 стр. 10 коп.

ЗАКОВСКИЙ Л. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. 1937. 40 стр. 20 коп.

Сталинский маршрут продолжен. Сборник. 1937. 108 стр. 2 р. 60 к.

Северный полюс завоеван большевиками. 1937. 156 стр. 6 руб.

СОЦЭГНИЗ

ЛИТВИНОВ М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927—1937 гг. 2-е дополненное издание. 1937. 432 стр. 7 р. 50 к.

Национально-колониальные проблемы. Сборник материалов 1937 года. 136 стр. 2 руб.

ЦИММЕРМАН В. История крестьянской войны в Германии (по летописям и рассказам очевидцев). Перев. с немецкого. Т. I. 1937. 388 стр. 8 руб.

ЛАН В. Классы и партии в США. 2-е, дополненное и переработанное издание. 1937. 636 стр. 9 р. 50 к.

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Комсомол и антирелигиозная пропаганда. Сборник статей и очерков. 1937. 144 стр. 2 руб.

КУЙБИШЕВ В. В. Эпизоды из моей жизни. 1937. 156 стр. 2 р. 50 к.

ВОДОПЬЯНОВ М. Мечта пилота. 1937. 168 стр. 2 р. 25 к.

ФРУНЗЕ М. В. О молодежи. 1937. 120 стр. 2 р. 75 к.

Шпионаж капиталистических государств. 1937. 118 стр. 1 рубль.

Как провести отчетно-выборное комсомольское собрание. 1937. 16 стр. 15 коп.

БЕЛЛАНЖЕ РОЖЕ. Мне двадцать лет. Перев. с французского. 1937. 172 стр. 2 р. 75 к.

„АКАДЕМИЯ“

ПУШКИН А. С. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. 1937. 36 стр. 8 руб.

ГОРЬКИЙ М. Мои университеты. 1937. 130 стр. 9 руб.

ЛЕРМОНТОВ М. Ю. Демон. 1937. 58 стр. 8 руб.

НЕКРАСОВ Н. А. Полное собрание стихотворений. Т. II. Кн. 1-я и 2-я. 1937. 974 стр. 16 руб.

КОРОЛЕНКО В. Г. Избранные сочинения. 1937. 780 стр. 12 руб.

ЛЕСКОВ Н. С. Избранные сочинения. 1937. 594 стр. 15 руб.

МЕЛЬНИКОВ П. И. (АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ). В лесах. Т. II. 1937. 580 стр. 14 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Вл. И. Из прошлого. 1936. 384 стр. 9 руб.

СЛОВУТИНСКИЙ С. Генерал Измайлов и его дворня. 1937. 464 стр. 8 руб.

ШЕКСПИР В. Трагедия о Гамлете, принце датском. 1937. 430 стр. 6 р. 50 к.

ЮВЕНАЛ. Сатиры. 1937. 156 стр. 6 руб.

ГЕЙНЕ Г. Атта Троль. 1936. 232 стр. 7 руб.

ГОФМАН Э. Т. А. Повелитель блох. 1937. 314 стр. 8 руб.

ФРАНС А. Полное собрание сочинений. Т. V. 1937. 462 стр. 9 руб.

ФРАНС А. Полное собрание сочинений. Т. XI. 1937. 484 стр. 9 руб.

ФРАНС А. Боги жаждут. 1937. 206 стр. 8 руб.

ФРАНС А. Кренкбиль. 1937. 154 стр. 10 руб.

БАЛЬЗАК, ОНОРЕ. Новеллы и рассказы. В двух томах. Т. I. 1937. 414 стр. 8 руб.

ДЮМА А. Висконт де Бражелон или десять лет спустя. Т. I. 2-е, исправленное издание. 1937. 496 стр. 12 руб.

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический
двухнедельник
ЦК ВКП(б)

XIV год издания

Адрес редакции:
Москва, Ленинградское
шоссе, ул. „Правды“, 24
Тел. Д 3-30-11,
Д 3-06-05

№ 15

1 АВГУСТА

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ — Фронт мира против фашизма и войны.	1
О. ШМИДТ и М. ШЕВЕЛЕВ — Большевики на Северном полюсе. .	8
М. БЕРМАН — Второй сталинский канал готов.	18
Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ — VI съезд ВКП(б).	26
А. ЕРУСАЛИМСКИЙ — Германский империализм и возникновение войны 1914 — 1918 гг.	41

Из материалов Института Маркса—Энгельса—Ленина

Заметки В. И. Ленина на книгу Шулятикова «Оправдание капита- лизма в западно-европейской философии».	54
М. КАММАРИ — О заметках Ленина на книгу Шулятикова. . . .	67

Международный обзор

Е. ЖУКОВ — Японская авантюра в Северном Китае.	79
А. ЛОЗОВСКИЙ — Положение рабочего класса капиталистических стран.	93

Критика и библиография

В. КИРПОТИН — Сорок лет (к выходу в свет IV тома повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина»).	105
---	-----

ФРОНТ МИРА ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ

Не прошло и двух десятилетий после окончания первой мировой империалистической войны, за которую народы заплатили свыше чем десятью миллионами убитых, как фашистские агрессоры стремятся снова бросить народы в еще более преступную, еще более разрушительную войну.

Новая мировая бойня еще не началась, но уже сложились основные очаги военной опасности, на которые указал товарищ Сталин: на Дальнем Востоке — в зоне Японии, в Центральной Европе — в зоне Германии. Эти очаги уже пылают огнем войны: в Восточной Азии — против Китая, на крайнем югозападе Европы — против Испанской республики.

На собственном историческом и политическом опыте рабочий класс и трудящиеся всего мира начинают познавать средства, методы и пути организации войны, начинают понимать тайну, «в которой война рождается» (Ленин).

В сравнении с периодом возникновения первой мировой войны бдительность народных масс по отношению к поджигателям войны в огромной степени возросла. В этом величайшая заслуга Советского союза: проводя открытую, ясную и последовательную сталинскую политику мира, он разоблачает интриги и тайные происки фашистских организаторов войны, козни их покровителей, их пособников и агентов. В этом величайшая заслуга братских коммунистических партий — инициаторов и организаторов единого пролетарского и народного фронта во всех странах, — неутомимо мобилизующих массы на борьбу против фашизма и войны.

Повсюду народные массы все глубже проникаются сознанием того, что фашистская Германия — главный зачинщик новой мировой войны, главный поджигатель войны против Советского союза, ударный кулак международной контрреволюции, разбойник, стремящийся задушить и ограбить испанский народ; что союзник Германии, военно-фашистская Япония, — зачинщик войны на Дальнем Востоке, организатор нападений на Советский союз, империалистический хищник, грабящий и закабаляющий великий китайский народ; что другой союзник Германии, фашистская Италия, — зачинщик колониальной войны в Африке, палач абиссинского народа, хищный шакал, набросившийся на Испанию и готовящий нападение против других стран и народов.

Растет не только понимание военной опасности и ее источников, но и воля к борьбе с ней. Ново то, что в активную антифашистскую и антивоенную борьбу вовлекаются огромные, многомиллионные народные массы во всем мире. В авангарде идет рабочий класс, вокруг которого объединяются широкие круги крестьянства, трудовой интеллигенции, мелкой буржуазии. На борьбу против фашизма и войны поднимается все передовое и прогрессивное человечество. Эта борьба начинает приобретать более высокие, организованные формы. Начало положено, многое уже сделано, но требуются еще титанические усилия всех друзей мира, чтобы организовать отпор фашизму и нанести сокрушительный удар этому врагу демократических свобод и всеобщего мира.

Последние годы научили народные массы познавать тайну, под прикрытием которой фашизм подготавливает и развязывает войну. В особенности события в Испании раскрыли фашистские методы военной агрессии. Учитывая растущее противодействие народов, принимающее все более организованные формы, и заинтересованность большинства государств в сохранении мира, фашистские диктаторы пытаются прорвать фронт мира рядом «локализованных» войн, чтобы создать наиболее благоприятные условия для всеобщей войны за новый передел мира.

Фашизм стремится застичь народы врасплох политикой «внезапного удара» и катастрофически убыстряет сроки начала мировой войны народов. Фашистская Германия организует под прикрытием лозунгов о борьбе с большевизмом сговор с другими фашистскими государствами, стремящимися к войне и захватам.

Фашизм — враг всеобщего мира. Фашистские поджигатели войны стремятся произвести передел мира. Фашизм заинтересован в скорейшем начале всеобщей войны, ибо он не хочет допустить, чтобы международный пролетариат успел создать единство в своих рядах.

Современные агрессоры особенно активно создают свою агентуру в тех странах, которые намечены ими в качестве первой жертвы. Такой агентурой является в Испании кучка генералов, возглавляющая фашистские организации фалангистов и рекетистов; в Чехословакии — Гейнлейн и его фашистская организация судетских немцев; во Франции — фашистская организация де ля Рока, Дорио и других; в Бельгии — рексисты во главе с Дегрелем; в Румынии — «железная гвардия»; в Австрии, Швейцарии, Венгрии — организации гитлеровцев. На эту свою агентуру фашизм возлагает задачу — подорвать

устой мира, организовать мятеж, спровоцировать военную интервенцию фашистских государств и тем облегчить осуществление их захватнических планов.

Особое место в подготовке новой империалистической войны занимает деятельность фашистской разведки и ее агентов — диверсантов, шпионов, вредителей. Фашистские разведки направляют главные усилия к подрыву социалистического строительства в нашей стране. Фашистские агрессоры особенно стремятся подорвать мощь Советского союза — этого оплота всеобщего мира, — чтобы тем самым облегчить свое гнусное дело и добиться осуществления своих захватнических планов. Прямая находка для фашистских разведок — троцкисты и правые, которые превратились в оголтелую банду вредителей, диверсантов, шпионов, способных на любую гадость. Используя самые гнусные методы политической маскировки, эти банды убийц и шпионов пролезают во все щели и норы, выполняя задания фашистских поджигателей войны. Такова преступная деятельность троцкистов, бухаринцев и других заклятых врагов социализма и всеобщего мира. Разгром и выкорчевывание троцкистских и иных шпионских, вредительских, диверсионных банд вызывают бешеный вой всех поджигателей войны.

В отличие от периода возникновения первой мировой империалистической войны, когда друг другу противостояли две соперничающие империалистские группировки, одинаково заинтересованные в войне, теперь единому фронту фашистских поджигателей войны противостоит крепнущий фронт народов, отстаивающих дело мира. Опыт последних лет показал, что если бы этот фронт защиты демократии и мира выступал организованно и с полной решимостью дать отпор фашистским агрессорам, последние неизбежно вынуждены были бы отступать. Имеются, однако, такие буржуазно-демократические страны (а в некоторых странах — влиятельные буржуазные политические силы), которые все еще проявляют склонность к попустительству и даже к покровительству агрессорам. Такая политика усиливает наглость и захватнические аппетиты агрессоров, строящих на ней свои расчеты. Это доказано на опыте военной интервенции фашистских государств в Испании.

Варварское уничтожение Герники, Дуранго, провокационный обстрел Альмерии германской военной эскадрой открыли новый этап откровенно разбойничьего, фашистского набега на испанский народ. С помощью политики наглого вымогательства фашистские агрессоры стали добиваться от Англии и Франции открытого содействия своей военной интервенции. Они рассчитывают, что на современном этапе готовность Англии и других капиталистических держав к попустительству агрессорам безгранична.

Между тем итало-германская фашистская интервенция направлена не только против испанского народа, но и против всеобщего мира. Стремясь задушить испанскую демократию и свободу, Германия и Италия ведут вместе с тем захватническую войну.

В самой Испании Гитлер и Муссолини делят между собой сферы политического влияния и источники военно-стратегического сырья. Во имя своих преступных целей — создания плацдарма для европейской войны — они заливают кровью героическую Испанию. Фашистские агрессоры уже создают на ее территории морские и авиационные базы, чтобы начать борьбу против западных держав. Они уже устанавливают тяжелую артиллерию, угрожающую Гибралтару.

В войне против Испании была установлена фашистская «ось Рим—Берлин». Для осуществления планов совместной агрессии против миролюбивых держав и в первую очередь против Советского союза установлена «ось Берлин — Токио». Так формируется блок военных агрессоров, в разных концах земного шара совершающих одно и то же кровавое дело и разжигающих пожар новой мировой войны. Сегодня фашистские агрессоры творят свое

преступное дело у Мадрида, завтра они пойдут на другие столицы Европы. И на других континентах агрессоры посягают на мир и свободу народов: подобно тому, как за Мукденом следует Бэйпин, за Бэйпином может последовать и Нанкин.

Усиление японской агрессии на Дальнем Востоке стоит, несомненно, в непосредственной связи с общей международной политической ситуацией, в частности с планами фашистских агрессоров в Европе. За последние годы каждый акт фашистских агрессоров в Европе облегчался провокационными выступлениями японского империализма на Дальнем Востоке, и наоборот. Для агрессивной политики фашистской Германии чрезвычайно важны провокации японской военщины по отношению к Китаю, к Советскому союзу и к Монгольской народной республике.

После того как военно-фашистская Япония под прикрытием соглашения «о борьбе против Коминтерна» заключила тайный военный союз с фашистской Германией, контакт агрессоров стал еще более тесным и непосредственным. Новое военное выступление Японии в Северном Китае учитывает создавшуюся в Европе обстановку в связи с развертыванием итало-германской фашистской интервенции в Испании и окончательным крахом так называемой политики невмешательства. Япония, как и ее союзник в Европе — фашистская Германия, — рассчитывает воспользоваться политикой попустительства, которую проводят Великобритания и другие державы, способствовавшие японской агрессии на протяжении последних лет.

Со времени захвата Манчжурии японский империализм планомерно осуществляет свои грандиозные захватнические планы. Закрепившись в Манчжурии и создавая там плацдарм против Советского союза и Монгольской народной республики, Япония вскоре захватила Жэхэ, несколько уездов провинции Чахар и проникла в Северный Китай. Верная своим захватническим целям, японская военщина не изменила и методов военной империалистической экспансии: сначала создается «инцидент», затем следуют «карательные действия» против местных китайских властей, наглые требования «компенсации», «удовлетворения» и «гарантии» при одновременном отказе от переговоров с центральным нанкинским правительством, затем следует широкая международная политическая кампания на тему о все передвигающейся «жизненной линии обороны» Японии, создание и поддержка местного марионеточного правительства и, наконец, — признание этого «правительства» как форма прикрытия японской оккупации и захватов китайских провинций.

Внимание всего мира приковано к событиям, разворачивающимся в Северном Китае в связи с новыми актами японской военной агрессии. Захват японцами Бейпина, бомбардировка японскими войсками Тяньцзиня и Баодина — это не только очередной «местный инцидент», спровоцированный японской военщиной: это события, исход которых чреват огромными последствиями для будущности Китая. В этой борьбе китайский народ уже начинает проявлять ту сплоченность, которая, принимая организованные формы, может подняться на более высокую ступень и перерасти в мощное движение национального фронта против японских захватчиков. События, однако, только начинают разворачиваться. Путь к окончательной победе китайского народа пролегает через дальнейший подъем национально-освободительного движения, через объединение всех подлинно демократических, прогрессивных и патриотических элементов Китая, готовых бороться за освобождение своей страны от иноземных захватчиков.

Война германского и итальянского фашизма против Испании, война японского империализма против Китая, помимо своих непосредственных империалистических целей, является также лабораторией, в которой агрессоры проверяют свои военно-технические средства, свою тактику, свои методы нападения для лучшей организации будущей «большой» войны. Те средства

и методы, которыми фашизм начал захватническую войну против Испании, он готовится применить и против других стран: Франции, Чехословакии, Бельгии, Австрии и т. д. Понимая, что только разобщение сил, заинтересованных в сохранении мира, может обеспечить успех военной агрессии, фашистские поджигатели стремятся взорвать систему коллективной безопасности, ликвидировать Лигу наций, сорвать пакты о взаимной помощи, заключенные Францией и Чехословакией с Советским союзом. Фашистские захватчики стремятся парализовать волю народов к сопротивлению прежде всего в тех странах, которым непосредственно грозит опасность агрессии. Используя наиболее реакционные круги правящих классов некоторых стран (Бельгии, Югославии и др.), а также свою прямую агентуру, они толкают эти страны на путь «нейтралитета», облегчая тем самым подготовку всеобщей империалистической войны. Они хотят обмануть тех, кто еще верит, что, провозгласив «нейтралитет» на бумаге, можно гарантировать ту или другую страну от фашистской агрессии! «Политика нейтралитета» расшатывает систему коллективной безопасности, прикрывает поджигателей войны, позволяет им безнаказанно обрушиться на облюбованную жертву. Попытки создать блок «нейтральных» государств — это попытки создать блок прямых пособников фашистской агрессии. Можно ли удивляться, что тут особенно усердствует фашистская Польша? Дипломатия господина Бека, навязывающая Румынии и другим странам планы «санитарного кордона» против Советского союза, выполняет прямые задания фашистской Германии — этого главного поджигателя войны.

«Во всем мире нет народа, который хотел бы войны» (Сталин). Понимание необходимости организовать отпор фашистским поджигателям войны проникает в сознание широчайших народных масс. Фашистско-каннибальской пропаганде войны народные массы начинают противопоставлять идеи предотвращения войны, отпора агрессорам и организации мира. Политика единого пролетарского фронта и народного фронта против фашизма и войны — эти исторические решения VII конгресса Коммунистического интернационала находят на практике свое политическое воплощение.

Народы Испании, осуществляя программу правительства народного фронта, ведут героическую борьбу против фашизма, за демократию, против иностранных захватчиков, за укрепление всеобщего мира. Новое правительство успешно сплачивает народные массы под лозунгом «Победить фашизм, выиграть войну, а с нею — революцию!» Правительство народного фронта учло уроки первого года войны, уроки Малаги и Бильбао. За разгромом фашистских интервентов под Гвадалахарой последовало успешное наступление республиканцев к северозападу от Мадрида. В борьбе с фашистскими интервентами на фронте и их фашистско-троцкистской агентурой в тылу растет сплоченность трудящихся масс Испании. Каждодневно усиливается авторитет коммунистической партии — главного организатора народного фронта и побед над мятежниками и интервентами. В борьбе с фашизмом складываются предпосылки для создания единой партии пролетариата Испании.

Во Франции мощное движение народного фронта наносит удары фашизму: антифашистский народный фронт успешно отбивает атаки наиболее реакционных групп финансового капитала, пытающихся перейти в контрнаступление. Коммунистическая партия стала мощным фактором в политической жизни французского народа.

В Китае поднимается могучее движение за объединение всего народа для борьбы против японской агрессии. Его сила, значение и размах уже отчасти сказались во время последних событий в Китае. Народное движение против японских захватчиков, несомненно, развернется еще больше. Оно является новым великим фактором в борьбе против военной агрессии, выходящим далеко за пределы Китая.

Политика «умиротворения агрессора», проводимая, в частности, определенными кругами II интернационала, — прямое преступление перед широчайшими народными массами. На это преступление способны те лидеры II интернационала, для которых, как правильно заметил тов. Димитров, «главный враг не фашизм, а коммунизм». Подобная политика господ Ленсбери, Ситрина и др. тем более преступна, что в нынешних условиях грозной военной опасности, развертывания фашистской интервенции в Испании и военного нападения Японии на Китай необходимо, как никогда, единство действий всех организаций рабочего класса.

Потребовалось много усилий со стороны Коммунистического интернационала, потребовались многократные обращения о помощи со стороны всех организаций народного фронта Испании, потребовался сильный нажим со стороны рабочей массы, чтобы «руководители Второго Интернационала лишь через долгие месяцы, после мучительных колебаний, согласились на совместное совещание с делегацией Коммунистического Интернационала в Анне-массе и опять не для практического установления единства действий международных рабочих организаций, а только для признания целесообразности совместных действий «там, где это возможно»» (Д и м и т р о в).

Опыт последних лет показывает, что борьба народных масс против фашизма и войны, за демократию и мир, нарастает и усиливается. Но впереди стоят задачи огромного, исторического значения. Фашизм с неизменно сопутствующей ему войной — главный враг человечества, прогресса. Против этого главного врага нужно объединить все силы, заинтересованные в сохранении мира. Нужно вести беспощадную борьбу против всех врагов и саботажников единого фронта, для которых личные или групповые интересы выше общих, классовых интересов международного пролетариата, крестьянства и всех трудящихся. Нужно окончательно разгромить троцкистских и иных агентов фашистских разведок. Советский союз показывает пример расправы с этими врагами народа.

Предпринятые республиканским правительством Испании меры по очищению тыла от троцкистских агентов Франко, дезорганизаторов антифашистской борьбы, вредителей рабочего движения, являются необходимым и важным элементом организации победы над фашизмом. Нужно расширять и укреплять единый пролетарский и народный фронт, чтобы окончательно обуздать фашистских агрессоров, которые сегодня ведут преступную войну против Испании, против Китая, чтобы завтра начать войну против других народов, чтобы вызвать всеобщую войну.

Теперь уже каждому ясно, что фашистская интервенция в Испании, война японских агрессоров против Китая — преддверие к той всеобщей войне, которую готовят агрессоры. Поэтому «положение складывается теперь так, что сохранить международный мир это значит добиться прежде всего поражения фашистских захватчиков в Испании и Китае» (Димитров). Победа республиканской армии под Гвадалахарой — это серьезный удар по фашизму, удар, который развеял в прах созданную фашистами легенду о непобедимости агрессора. Окончательное поражение фашистских интервентов в Испании, японских захватчиков в Китае даст поджигателям войны предметный урок, покажет, что человечество не хочет бесконечно терпеть разбойничьи набеги, что оно в силах обуздать поджигателей войны.

В основном политические расчеты фашизма сводятся к тому, чтобы не допустить единого выступления государств, заинтересованных в сохранении мира, чтобы не допустить создания единого антифашистского фронта мира, чтобы подорвать диверсией, шпионажем и вредительством мощь Советского союза и его Красной армии. Фашизм понимает, что если ему удастся осуществить эти расчеты, — значит, ему удастся создать такую обстановку,

которая облегчит развязывание всеобщей войны, и добиться нового передела мира в своих интересах.

Вот почему так нужно единое выступление государств, заинтересованных в сохранении мира. Вот почему высшим велением переживаемого момента является единство действий международного пролетариата. Вот почему необходимо создание единого, всемирного фронта борьбы против фашизма и войны. Вот почему нужно выкорчевать всех фашистских агентов, шпионов, троцкистских и всяких иных врагов. Вот почему нужно крепить мощь социалистического государства рабочих и крестьян.

Народы Советского союза под руководством гениального вождя — товарища Сталина — стоят на передовых позициях борьбы за мир. Непобедимая Красная армия зорко охраняет неприкосновенность наших границ. Великий советский народ, беспредельно преданный своей социалистической родине и своему вождю товарищу Сталину, выкорчевывает самым решительным образом троцкистскую, бухаринскую и всякую иную шпионскую нечисть — агентуру фашистских поджигателей войны. Разгром шпионской банды Тухачевского и др. является мощным ударом по фашистским агрессорам и крупнейшим шагом в укреплении всеобщего мира.

Великие, всемирноисторические победы социализма каждодневно укрепляют мощь советского государства. Социалистическое государство рабочих и крестьян, руководимое партией Ленина — Сталина, высится как гранитный утес, о который разбиваются мутные волны фашизма. СССР указывает человечеству верный путь борьбы против фашизма и войны.

Страна, которая имеет Сталинскую Конституцию, высоко несет знамя человеческой культуры, завоевывает высоты науки и техники, страна, которая в мирном труде рождает героев, которая имеет таких летчиков, как Чкалов и Громов, такую армию, как героическая Красная армия, страна, которой руководит великая партия большевиков во главе с товарищем Сталиным, — такая страна непобедима. Советский народ, занятый социалистическим строительством, защищает дело всеобщего мира. Но он разгромит и раздавит всех фашистских авантюристов, которые посмеют посягнуть на завоевания социалистической революции. Велика любовь советского народа к своей родине, и страшен будет гнев нашего народа, если захватчики посмеют поднять руку против великой советской социалистической державы.

Нужно постоянно помнить предостерегающие слова товарища Сталина: «Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляются. Они просто начинаются». Поджигатели войны не застигнут Советский союз врасплох: социалистическое государство рабочих и крестьян всегда готово ответить грозным ударом на вылазку поджигателей войны.

В 23-ю годовщину первой мировой империалистической бойни, в международный день борьбы против военной опасности, пролетариат всех стран, трудящиеся всего мира — все передовое и прогрессивное человечество — демонстрируют не только свою ненависть к фашизму и войне, но и свое стремление к сплоченности и единству в борьбе против фашизма и войны. С надеждой и упованием трудящиеся всех стран смотрят на социалистическое государство — оплот мира во всем мире. Они убеждаются, что социализм — это мир, фашизм — это война.

Мы переживаем удивительные дни. Почти каждый день приносит новые замечательные события.

Еще совсем недавно вся страна радовалась успеху группы отважных ученых, летчиков, зимовщиков, достигшей Северного полюса и основавшей там станцию. Спустя немного недель уже был совершен замечательный перелет товарищей Чкалова, Байдукова и Белякова в Америку через полюс. А вскоре и этот перелет не только был повторен товарищами Грозовым, Юмашевым, Данилиным, но сделан и дальнейший шаг. Если Чкалов был первым, установившим связь через полюс с Америкой, то Грозову удалось не только повторить это, но и пролететь по прямой дальше, чем летал кто-либо до него, перекрыть мировой рекорд, который до настоящего времени держали французские летчики Кодос и Росси. Теперь мировой рекорд полета по прямой принадлежит нам, и завоеван он тем же Грозовым, который в свое время на таком же самолете поставил рекорд дальности по замкнутой кривой.

Все эти достижения Советского союза, конечно, не случайны: в них сказываются особенности сталинской эпохи, особый стиль нашей работы, в них полностью проявляется могучий технический рост нашей страны, рост наших людей.

Сотни лет человечество стремилось к завоеванию Северного полюса. Тяга к полюсу вызвана не только тем, что это воображаемая точка земной оси, но и своеобразием географического положения: расположенный в холодной части земного шара, полюс окружен льдами, трудно доступен и стал поэтому как бы символом человеческих дерзаний; с другой стороны, полюс— это символ власти природы, которая не хочет уступить своих тайн человеку. Может быть, именно поэтому из всех географических задач достижение и освоение полюса является особенно популярной и заманчивой задачей.

Однако успех дался здесь человечеству не сразу. Лет 100 или 150 назад неисследованных, неизвестных точек и площадей на земном шаре было довольно много. Не только полюс, но и Центральная Африка, и Центральная Австралия, и даже некоторые области Южной Америки оставались неизвестными. Но такие области, как Центральная Африка, гораздо скорее были изучены и в какой-то степени капиталистически освоены, т. е. туземцы были поработаны, и компании монополистов стали извлекать оттуда прибыль, насаждая плантации и пр. На Северном полюсе плантацию создать нельзя и быстрой непосредственной прибыли не получишь. Поэтому лучшие идеи прежних исследователей Арктики далеко не всегда получали осуществление. Такая задача борьбы с природой, как изучение и освоение Арктики, требует больших, концентрированных сил и больших средств. Это не может быть делом отдельных людей или даже отдельных групп лиц. Между тем в условиях царской России или капиталистических стран при наличии несомненного общественного интереса к полярным исследованиям этот интерес был все же недостаточно велик для того, чтобы привести к организации работ государственного масштаба, а частная инициатива была ограничена в своих возможностях и, что самое главное, зачастую преследовала

специфические цели. Получить поддержку того или другого достаточно богатого человека полярные исследователи могли только принаравливаясь к его вкусам или потребностям его фирмы. Капиталисты, финансировавшие экспедиции, обычно были прямо заинтересованы только в одной из сторон экспедиции: например газетные короли — в сенсации, магнаты кинопромышленности — в кинокартине. И естественно, что такой благополучный исход экспедиции, как, скажем, нашей, совсем не соответствовал бы их интересам. Наоборот, известное количество погибших, обмороженных людей увеличивало бы сенсацию, обеспечивало бы больший сбыт газет или кинокартин, а следовательно, большую прибыль.

Крупнейшие исследователи Арктики и в прошлое и в настоящее время горько жаловались на отсутствие поддержки. Какие трудности испытывал Нансен! Сколько горечи осталось в писаниях Амундсена! И даже замечательный современный исследователь, работающий в районе обоих полюсов, главным образом в Антарктике, адмирал Бэрд также жалуется, что трудно было выклянчить — он буквально так и пишет — деньги для экспедиции.

Полярные исследователи в нашей стране, в условиях победившего социализма, имеют мощную государственную поддержку. Дело исследования Арктики стало делом всей страны. Мы никогда не испытывали трудностей материального порядка — ни в смысле получения денежных средств, ни в смысле изготовления всего того, что нам нужно.

Наша экспедиция — не изолированное предприятие: она явилась следствием всей работы по овладению Арктикой, работы, проводимой по инициативе товарища Сталина. Отправляясь на полюс, мы выполняли сталинское задание и в этом сознании черпали силу и настойчивость в достижении цели.

Самая мысль о высадке научной станции на дрейфующий лед возникла очень давно, но до опыта, который нам дал «Челюскин», эта мысль многим казалась утопичной. Два месяца, проведенные на льдине коллективом в 105 человек, дали громадный опыт, легший в основу снаряжения и оборудования дрейфующей научной станции, и, главное, продемонстрировали полную надежность этого предприятия.

На очередь стал вопрос о способе доставки этой научной станции к полюсу. Из всех возможных транспортных средств (предлагались ледоколы, подводные лодки, дирижабли) мы выбрали самолет.

Возможность посадки самолета, да еще с большой нагрузкой, вызывала большие сомнения. Этот вопрос ныне решен: общий вес грузов, оставленных нами для группы Папанина, для его полярной станции, — 10½ тонн. Сюда входят все научное оборудование, радиостанция, 2½-годовой запас продовольствия и горючего.

Характерно, что даже лучшие исследователи не очень доверяли авиации как средству достижения полюса. Даже известный американский летчик Бэрд, который первым пролетел над полюсом, считал невозможной или маловероятной посадку самолета на льдине. Правда, он говорил, что опытный летчик всегда найдет место для посадки, но придется немедленно убираться ввиду движения льдов, которые могут поломать маленькую посадочную площадку. Вилькинс, единственный, сделавший с летчиком Эйельсоном посадку на полярный лед, писал, что летчик, сев на льдину, должен будет высадить научную партию, немедленно снова подняться, а через некоторое время снова быстро сесть на льдину и подобрать ученых.

Кое-какая дискуссия происходила и в нашей прессе. Даже Водопьянов — Герой Советского союза, один из главных участников нашей экспедиции, один из инициаторов этой экспедиции в ее летной части, — в своей известной книге «Мечта пилота» предполагал, что к полюсу полетит большой самолет, имея на горбу маленький самолет, который спустится и расчистит площадку для посадки большого самолета.

Герой Советского союза Слепнев выдвигал в своей статье такой план: сбросить на парашюте людей, и, когда они приготовят площадку, тогда может спуститься самолет. Профессор Молчанов уверял, что потребуются дирижабль, который будет каждые пять дней летать на полюс (поскольку дирижабль не может перевезти большой груз) и таким образом доставлять продовольствие живущим там. Однако следует сказать, что даже один полет дирижабля в тысячу раз труднее полета аэроплана: дирижабль вообще гораздо больше зависит от всех неприятностей погоды.

После нашей экспедиции вопрос о возможности посадки на дрейфующий лед в районе полюса перестал быть спорным. Самолеты экспедиции совершили 13 посадок на 7 различных ледяных полях. Каждый раз поля для посадок выбирались с воздуха, причем в отдельных случаях при крайне неблагоприятной погоде, в условиях плохой видимости. И все же эти посадки были сделаны без единого повреждения или поломки самолетов. Конечно, нельзя сказать, что посадка на дрейфующую льдину — простое дело. Требуются большой опыт в распознавании льдов, большое умение, для того чтобы благополучно посадить машину. Но тот громадный опыт, которым располагает личный состав полярной авиации Советского союза, позволяет просто и уверенно решать задачу посадки на дрейфующие льды. И на базе опыта нашей экспедиции мы сейчас уверенно можем посылать воздушные корабли в любую точку Центральной Арктики с целью научных наблюдений. Это один из важнейших результатов нашей экспедиции в области освоения авиацией полярных районов.

* * *

Мы решили идти к полюсу на самолетах, тяжелых 4-моторных самолетах, весом в 24,5 тонны каждый, причем лететь целой эскадрилей. Это шло вразрез с обычными представлениями. И все же это не было скачком в неизвестность, а основывалось на нашем богатом опыте изучения льдов и имело определенные теоретические предпосылки.

В самом деле, почему предполагалось, что самолету на полюсе сесть трудно? Считалось, что там лед торосистый, льдины раскалываются, при переменном ветре льдина лезет на льдину, образуются торосы и ровной площадки быть не может. При этом опирались главным образом на впечатления путешественников: действительно, вдоль кромки полярных льдов, где, как это бывает всегда на границе двух сред, пертурбации довольно сильные, лед имеет дикий вид и места для посадки не найдешь. Мы предполагали — и это оправдалось, — что большого торошения в Центральном полярном районе не будет, что торосы следует рассматривать не изолированно, как некий феномен природы; нужно вдуматься, откуда они происходят, отчего создается нагромождение льда, почему море замерзает ровным слоем, потом этот слой ломается, льдины раскалываются на куски, куски льда лезут друг на друга. Очевидно, все это происходит от того, что движение льда наталкивается на препятствия под влиянием ветра и течения. Вследствие этого, по инерции, задние льдины напирают на передние, разламывают их, лезут на них, или же боковые льдины задевают препятствия, происходит перекос, образуются трещины, и одна льдина лезет на другую.

Однако, так как мы наличия земли на Севере не предполагаем и придерживаемся теории об общем дрейфе в сторону Гренландии, мы считали, что льды Центрального полярного бассейна имеют мало препятствий на своем пути, пока они движутся в Центральном полярном бассейне: глубины там огромные, направление более или менее постоянное, препятствий нет, стало быть, нет основания для сильного торошения льдов. Тем не менее сравнительно хрупкий, пусть даже 2—3-метровый, покров на огромном пространстве не может удержаться, и переменные ветры его так или иначе поломают. Мы и не предполагали, что там будет сплошной, ровный покров; зна-

ли, что будут трещины, которые затем заживают, но не будет сильного торошения и место для посадки найдется. Это подтвердилось.

Осуществление нашего плана потребовало длительной подготовки.

Оборудование современных воздушных кораблей, какие были у нашей экспедиции, состоит из нескольких сотен сложнейших аппаратов и приборов. Все это оборудование, до последней гайки, как и сами самолеты, сконструировано советскими инженерами, построено руками рабочих заводов могучей оборонной промышленности, выросшей в нашей стране под личным руководством товарища Сталина. Заводы разных отраслей промышленности шли нам навстречу горячо, с энтузиазмом; много творческой энергии прилагали рабочие, инженеры и техники к тому, чтобы сконструировать и построить наилучшее оборудование для экспедиции.

Одна английская газета прислала в лагерь на полюс запрос: будем ли мы претендовать на территорию полюса? Мы ничего не ответили. Но мы вправе были ответить: «На море господствует тот, у кого самый сильный флот; на полюсе господствует тот, у кого самая лучшая в мире авиация».

Только нашему Советскому союзу, обладающему лучшей в мире авиацией, удалось прочно и уверенно овладеть полюсом.

Когда наш самолет «Н-170», самолет Водопьянова, пробивал облачность, чтобы, будучи над геометрической точкой полюса, попытаться найти место посадки, мы, конечно, не знали, что увидим внизу. И эти минуты, пока мы шли сквозь облачность, не зная, продолжается ли облачность до конца, до самого льда, или нам останется промежуток для ориентировки, были самыми интересными, драматическими.

Оказалось, что облачность кончалась между 500 и 600 метрами. И мы, выйдя на 500 метров, увидели картину, которая могла нас только обрадовать: огромная льдина, на ней лишь небольшие трещины, в одном месте полынья в виде озера, величиной в 200—300 квадратных метров. Посоветовались с Водопьяновым и с Бабушкиным и решили, что подходящей для посадки является льдина рядом с большой полыней. Полынья очень помогла Водопьянову: ведь кругом все бело; снижаясь он присматривался к льдине по этой полынье; она служила ему ориентиром: черное пятно на белом фоне.

Самолет был посажен мастерски, остановился без толчков, люди выпрыгнули на лед: «Мы на полюсе или где-то очень близко, в районе полюса!» Естественно, что мы обнялись, поцеловались; первым нашим движением было провозгласить «ура» в честь товарища Сталина, а затем мы стали присматриваться, где же мы находимся. Вель мы не дети. Мы знали, что земная ось не торчит так, чтобы она была видна, хотя и получили по этому поводу ряд остроумных телеграмм и пожеланий вроде того, чтобы «хорошенько смазать ось, а то она поскрипывает в последнее время». Но было ощущение, что полюс — все-таки полюс и он должен чем-то отличаться, должно быть что-нибудь специфическое. Невольное, быть может, с детских лет оставшееся представление.

Осматриваемся: солнца нет, но видимость прекрасная, километров на 50—70. Взошли на торос. Куда ни взглянешь — на все четыре стороны, — всюду лед, лед и лед. Величественное одиночество ничем не нарушается. Полюс величественен, но величие его не в резких контрастах, а в покое. Таким и должен быть полюс — как-никак вечная, за много миллионов лет мало переместившаяся верхушка нашего земного шара! Он величественен и спокоен. Ему словно нет никакого дела до того, прилетели мы или не прилетели!

Такие минуты полной тишины, как в первые дни прилета, потом выпадали редко: прилетает один самолет за другим, между самолетами прокладываются тропинки, в одном самолете шумит примус, в другом идет мелкая починка, выгрузка, погрузка, утепляют палатку или просто отдыхают, шум, смех — молодые ребята! Для того чтобы ощутить полярную тишину, прихо-

дилось уходить довольно далеко от лагеря. Отойдя за несколько гряд торосов, в особенности к той самой полынье, о которой мы говорили, видя, как она дышит: то сжимается, то разжимается (легкое движение льда происходит все время), сев здесь на бережок, можно было ощутить и представить себе, что как-никак, а почти 1000 километров отделяет нас от ближайшей точки суши и на много тысяч километров отдален ближайший населенный пункт.

Красив ли полюс? Красота — термин чрезвычайно субъективный как в общежитии, так и в применении к природе. Нам кажется, что красиво то, что внешне отвечает внутренней идее. В этом смысле полюс красив. Не надо думать, что белый цвет — скучный цвет. Не даром он составлен из всех цветов; он никогда не бывает чисто белым. Лед и снег дают бесконечное количество оттенков: то бирюзовая льдина, то зеленоватая. И снег имеет то розоватый оттенок, то — чаще — лиловатый, иногда своеобразный желтый.

Астрономическая особенность полюса заключается в том, что солнце, делая полный круговорот в течение суток, не имеет при этом вертикального хода: оно движется на одной и той же высоте. Летом это порядочная высота, до 24° ; зимой солнце скользит под горизонтом. Но нет косо́го хода солнца — нет ни восхода, ни заката. Мы были единственными людьми на земном шаре, которые видели, как солнце восходит на западе. Наверное, многие помнят шутливое стихотворение:

Блеснул на западе румяный царь природы...
И изумленные народы
Не знают, что начать:
Ложиться спать или вставать?

Да, так бывает. Наши самолеты вылетели с Новой Земли, направляясь к Земле Франца-Иосифа. На Маточкином Шаре, откуда они вылетели, есть день и есть ночь; день довольно длинный, как в Ленинграде, ночь коротка, но все-таки это ночь. Когда мы вылетели, солнце село где-то на северо-западе. Мы вылетели в белую ночь, довольно светлую; солнце ушло под горизонт, чтобы через несколько часов вновь взойти на востоке. Но мы шли на самолете на север, причем шли очень быстро, и через два с половиной часа оказались в таком районе, где солнцу в эти дни уже не полагается заходить, где день продолжается круглые сутки; солнце не успело перейти на восточную половину, мы его нагнали, и для нас оно поднялось на западе.

* * *

Цель нашего полета на полюс может быть правильно понята только в свете всей той работы, которую наша великая страна вела в районе Арктики за долгий ряд лет и особенно интенсивно за годы обеих пятилеток, когда исследование Арктики было, по личной инициативе товарища Сталина, поднято на высоту самостоятельной задачи большого государственного значения. За это время мы накопили порядочный опыт и постепенно выработали тот стиль и те методы работы в Арктике, которые, по единодушному признанию специалистов всех стран, поставили Советский союз на первое место в области арктических исследований.

В большой содержательной статье тов. Бергавинова (см. «Большевик» № 11 за 1937 год) детально изложена громадная работа, проделанная Советским союзом в Арктике за годы первой и второй пятилеток.

Мы хотели бы только напомнить, что на советской стороне имеется на всех островах и на побережье густая сеть полярных станций. Считая только те, которые находятся на берегу Ледовитого океана, мы имеем 57 полярных станций против 3 станций такого же типа на американской стороне. Эти цифры говорят сами за себя. Они, может быть, не столь эффектны, но суть

как раз в них, суть в том, что Советский союз всерьез взялся за изучение и освоение полюса, что мы развернули в Арктике целую сеть опорных пунктов, чего наши капиталистические соседи не сделали.

Эта сеть станций плюс накопленный годами опыт плавания и полетов в Арктике позволили нам не ограничиться полетом над полюсом или кратковременным пребыванием там, а обосноваться в районе полюса прочно, для длительных научных наблюдений. В чем же состоят научные наблюдения в районе полюса, проводившиеся участниками нашего полета и продолжаемые отважными зимовщиками? Какие цели при этом ставятся, и к каким результатам наблюдения уже привели?

Вряд ли кому известно, кроме узкого круга специалистов-синоптиков, что засуха в Поволжье вызывается непосредственно притоком лишенных влаги воздушных масс из центральной части Арктики. Эти массы сухого воздуха, спускаясь на юг, нагреваются и, выходя на территорию европейской части Союза, вызывают посевы. В плане, социалистическом хозяйстве возможность предсказывать погоду имеет исключительно важное, государственное значение не только для сельского хозяйства, но и для промышленности и для железнодорожного транспорта (заносы, гололедица). В ходячем выражении «Ключи погоды находятся на полюсе» значительно больше правды, чем это кажется на первый взгляд. Погода на всей территории нашего Союза определяется взаимодействием холодных воздушных масс приполярного района и теплых воздушных масс, приходящих к нам с Атлантического океана и с юга. Столкновением этих масс, наступлением и отступлением одной или другой и вызываются наблюдаемые нами явления погоды.

Данные о характере, качестве, температуре, влажности воздушных масс, приходящих с Атлантического океана и с юга, мы можем своевременно узнавать от станций, расположенных к западу и к югу от нашей территории. Но относительно воздушных масс, приходящих к нам из Центральной Арктики, многое оставалось неясным. Современная синоптическая наука предполагает наличие в районе полюса постоянной так называемой полярной шапки — сплошной холодной воздушной массы, обладающей низкими температурами и относительно малой влажностью. Наблюдения нашей экспедиции и дрейфующей научной станции показали, что это предположение нуждается в существенных коррективах, что «полярная шапка» часто не представляет собой единой массы, а распадается на отдельные части и в промежутках между этими частями нередко в районе полюса происходит у самой земной поверхности проникновение теплых масс.

Погода в районе самого полюса оказалась значительно более теплой, чем мы предполагали до сих пор, более влажной, а ежедневные данные о погоде, которые сообщает дрейфующая станция, совершенно по-новому освещают состояние атмосферы. Эти данные позволяют нам с большей уверенностью определять предстоящую погоду на территории Советского союза. Уже один этот крупный результат нашей экспедиции мог бы оправдать ее посылку.

С каждым годом количество судов, плавающих Северным морским путем, резко увеличивается и будет расти и дальше по мере развития экономики районов Крайнего Севера. Если при малом количестве судов, проходящих Северным морским путем, мы могли довольствоваться данными о состоянии льдов в период навигации непосредственно перед самым проходом судов, то сейчас, с ростом грузооборота, нам нужно знать, какие льды мы встретим не за день, а за 2—3 месяца, чтобы суметь правильно планировать операции. Для этого надо знать законы образования льдов, их таяния, их дрейфа.

Наблюдения, которые мы ведем круглый год вдоль прибрежной полосы, дали богатейший научный материал. Но связь между состоянием льдов в при-

брежной полосе и ледовым положением в Центральной Арктике для нас до сих пор не была ясна и не могла быть ясна, ибо никто в мире не мог сказать, что делается в центральной части Арктики. Говорить о точной картине движения льдов в Центральном полярном море пока еще рано. Можно сказать лишь одно: что большинство существовавших до сих пор теорий, объясняющих причины и направление дрейфа, оказалось неверным. Наблюдения за дрейфом льдов, проведенные на станции «Северный полюс» и в местах посадок самолетов Героя Советского союза А. Д. Алексеева и полярного летчика Л. Г. Крузе, показали, что в общем направление дрейфа совпадает с предположениями, выдвинутыми Нансеном, и нуждается лишь в некоторых коррективах.

Общая циркуляция льдов представляется нам следующим образом: в Северный Ледовитый океан мощным потоком вливается великое атлантическое течение — Гольфстрем. Гольфстрем идет по поверхности до Шпицбергена, а затем, разбиваясь на отдельные струи, уходит на довольно значительные глубины. Гидрологические разрезы, проведенные нашими экспедициями в 80-х широтах, в районе архипелага Земли Франца-Иосифа и Северной Земли, показали наличие мощных струй Гольфстрема на глубине 200, 400, 500 метров ниже поверхности моря. В районе полюса также на глубине 400 метров обнаружены относительно теплые атлантические воды. Громадные массы воды, приносимые Гольфстремом, уходят вглубь и, увеличивая количество воды в Ледовитом океане, естественно, заставляют вышележащие слои скатываться обратно в Атлантический океан, поскольку уровень океана примерно одинаков на всем земном шаре.

Гольфстрем, уходя вглубь, разбивается на ряд струй; повидимому, эти струи могут менять свое направление, а сам Гольфстрем меняет свою интенсивность, как установлено нашими многолетними наблюдениями по Кольскому меридиану. Это крайне усложняет картину перемешивания атлантических вод с холодными водами Ледовитого океана. На стыке этих течений образуются завихрения; ветер, меняя свое направление, влияет на направление движения льдов, образующееся под влиянием течений. В результате мы имеем очень сложную картину дрейфа льдов в самых разнообразных направлениях в разных частях Центрального полярного моря. Чрезвычайно важно то, что установлено с полной очевидностью генеральное направление этого дрейфа от полюса в пролив между Гренландией и Шпицбергом.

Уже эти результаты дают ключ к пониманию некоторых вопросов, имеющих непосредственный практический интерес для проводки судов. Нужно длительными наблюдениями охватить ряд других районов, в частности районы, лежащие к северу от моря Лаптевых и Чукотского моря, для того чтобы полностью ответить на те вопросы, которые ставятся навигацией по Северному морскому пути. Но основной вопрос — куда же идут льды Центрального полярного моря — для нас стал ясным.

В результате экспедиции нашего выросло наше опытное знание в области воздушной навигации. Дело в том, что обычные магнитные компасы в полярном районе перестают быть надежными (стрелка компаса выходит из равновесия при малейшем колебании самолета); тем важнее установить для района полюса точное направление стрелки и величину магнитного склонения.

Наблюдения, которые регулярно проводит дрейфующая научная станция, дадут нам карту склонений в отдельных точках Арктики. Только имея такую карту, мы сумеем правильно выдерживать угол между направлением стрелки и направлением нашего полета, сообразуясь с тем, что будет нам говорить карта измеренных углов склонения для каждой данной точки.

Важнейшим средством для воздушной навигации в районах Арктики является астрономическая навигация, т. е. прокладка курса самолета путем наблюдения солнца, луны и других небесных светил. Специальные приборы,

созданные нашей промышленностью (солнечный указатель курса, авиационный секстант), блестяще оправдали себя на работе в Арктике при любых температурах.

Еще большую помощь нам оказали специальные таблицы упрощенных вычислений, разработанные флаг-штурманом экспедиции Героем Советского союза тов. И. Т. Спириным. Пользуясь этими таблицами, наши штурманы с помощью несложных операций очень быстро могли установить местонахождение самолета во время полета.

Одним из важнейших результатов экспедиции было наблюдение за прохождением радиоволн. Метод радионавигации, т. е. ведение самолета по радиомаякам или с помощью радиокompаса, является важнейшим средством для самолетовождения в Арктике. Известно, что распространение радиоволн в Арктике имеет много особенностей, но, не зная, в чем они заключаются, мы, естественно, с некоторой опаской подходили к использованию радионавигации.

Наблюдения показали, что длинные волны, более пригодные для целей радионавигации, распространяются в Арктике значительно лучше чем в средних широтах. Дальность действия длинноволновых станций одинаковой мощности в Арктике в 5—6 раз больше чем в средних широтах. Так например дрейфующая станция держит связь с островом Рудольфа только на длинных волнах, порядка 600 метров, причем используются они обыкновенно при этом мощностью всего лишь около 20 ватт. Дальность действия такой станции в средних широтах вряд ли превышала бы 100—200 километров.

В то же время в распространении коротких волн мы имели ряд сюрпризов, которые порой совершенно срывали связь. Так, на коротких волнах несколько раз наступал период полного молчания, когда даже близко расположенные мощные коротковолновые станции совершенно не были слышны. Наибольший из этих периодов продолжался около недели. Ряд неожиданностей принесла нам также радиопеленгация на коротких волнах. Поэтому использование коротких волн в Центральной Арктике требует еще очень большой работы по наблюдению за их распространением, в то время как длинные волны можно считать совершенно надежным способом связи.

Самым большим врагом в полете на Севере является обледенение.

Мы научились взлетать, лететь и садиться вслепую.

Наша промышленность выпускает замечательное оборудование, которое позволяет вести самолет вслепую совершенно спокойно и уверенно, не утомляя летчика.

Но при каждом пробивании облачности во время полетов мы обязательно встречались с обледенением в той или иной форме. Обледенение встречается во многих видах, и, кажется, мы имели возможность во время нашего полета наблюдать все существующие виды обледенения. Опасность обледенения заключается в том, что постепенно нарастающая ледяная корка увеличивает вес самолета и ухудшает его аэродинамические свойства, создает выступы и неровности, мешающие плавному обтеканию воздушной струи, и, в конце концов, может создаться такое положение, когда самолет не в состоянии будет лететь и просто упадет. Поэтому в ряде случаев мы вынуждены были отказываться от вылета, если грозило сильное обледенение. Этот враг еще не побежден, и полярная авиация с ближайшей зимой создает специальную летающую лабораторию по изучению физической природы обледенения, которая до сих пор неясна, и средств борьбы с обледенением.

* * *

Таковы первые итоги научных наблюдений, проведенных нами во время экспедиции и продолжаемых оставшейся отважной четверкой работников дрейфующей станции: эти наблюдения имеют уже сугубо практическое значение. Прделано много таких работ, которые хотя и не имеют практиче-

ского применения сегодня, но важны для различных отраслей науки и в будущем могут сыграть большую практическую роль. Особенно много трудов и времени отнимает у Папанина и его товарищей измерение глубин моря. Такие измерения в районе полюса делаются впервые в истории человечества. Изучение океанской фауны, изучение птиц, встречающихся в районе полюса, наблюдение радиации солнца и т. д. — таковы другие работы дрейфующей станции.

Есть ли птицы на полюсе? Вопрос сам по себе интересный с чисто научной точки зрения (ибо промыслового значения, конечно, это дело иметь не может). Разрешение его дало очень интересный ответ на вопрос, необходима ли для птиц земля. До сих пор еще на картах Арктики можно встретить нанесенные пунктиром земли, существование которых предполагалось лишь на том основании, что исследователи наблюдали перелет птиц вдали от земли, в каком-то определенном направлении. Отсюда делался вывод, что в этом направлении должна находиться земля, и предполагаемое ее нахождение наносили на карту. Много таких земель мы уже «ликвидировали» за время работы в Арктике: ледоколы свободно проходили по тем местам, где на картах была обозначена земля. Повидимому, не одну землю еще придется «закрыть» в ближайшие годы.

На второй или третий день нашего пребывания на полюсе в лагере появилась пуночка — небольшая птица, величиной с воробья. Ее появление вызвало много споров. Сторонники теории отсутствия животного мира в районе полюса утверждали, что пуночка свила себе гнездо на одном из наших самолетов на острове Рудольфа и таким путем попала на полюс. Но через несколько дней в лагере появился чистик, и, наконец, прилетела чайка. Эти птицы уже, конечно, в самолет незамеченными попасть не могли, и поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что птицы водятся и вдали от всякой земли (ибо в районе полюса ближе 800 километров земли нет) и что наличие птиц вовсе не служит признаком близости земли, как это предполагали раньше.

Какова будет судьба льдины, на которой расположен лагерь тов. Папанина? Это гадательно. Любопытно, что, отправляясь на полюс, наша четверка изучала существующую литературу. Они поверили, что льдину понесет круговым движением к противоположной нам стороне Центрального бассейна. В этом они разочаровались. Мы и раньше были уверены и теперь убедились, что они попадут не туда, куда им хочется, а туда, где им быть важнее и выгоднее, хотя и опаснее: в пролив между Шпицбергом и Гренландией. Но это произойдет не сразу, на пути у них будет несколько петель и заворотов. То обстоятельство, что станция не остается на полюсе, а дрейфует, увеличивает ее научную ценность, ибо позволяет охватить наблюдением большее пространство.

Должен ли дрейф наполнять нас тревогой? Нет. Мы надеемся, что дрейф будет в достаточной мере медленным, что в течение года он даст возможность выполнить все задания; через год мы найдем наших зимовщиков на той же самой льдине, может быть, несколько «постаревшей», в том же районе Полярного бассейна, хотя и немного южнее.

Но если бы наши предположения не оправдались, если бы работники дрейфующей станции попали в быструю струю и их вынесло бы в Атлантический океан, тогда мы пойдем к ним на помощь на ледоколе. Если это случится полярной ночью, задача будет труднее. Но это будет следующее задание, возложенное на нас, и мы приступим к нему с тем же спокойствием и с той же уверенностью, с какими мы приступали к выполнению сталинского задания — создать полярную станцию на Северном полюсе.

Во всяком случае, научная станция обеспечена всем необходимым на случай поломки льдины, на случай образования трещин и разводей, хотя все говорит за то, что льдина останется в целости до окончания зимовки.

Станция имеет в своем распоряжении большие шлюпки, нарты, двойной комплект радиооборудования; палатки устроены таким образом, что четыре человека, взявшись за углы рамы, на которой раскреплена палатка, легко могут поднять и перенести ее на другое место. Словом, весь опыт, вынесенный из лагеря челюскинцев, был учтен при оборудовании дрейфующей станции. Поэтому, что бы ни случилось со льдиной, каким бы сжатиям и поломкам она ни подверглась, мы можем быть уверены, что Папанин и его товарищи, имея огромный опыт работы в Арктике, блестяще со всем этим справятся.

Когда мы улетали с полюса, грустно было расставаться с товарищами, которых знаем уже много лет по совместной работе в Арктике, с которыми три месяца вместе жили, работали, побеждали трудности. По-человечески было грустно. Но по существу мы были абсолютно спокойны за них, как и за себя, в какие бы тяжелые обстоятельства наша экспедиция ни попадала. Очень трудно описать словами это чувство, лежащее где-то глубоко в подсознании, испытываемое советскими людьми в нашу эпоху ощущение, что за тобой надежная, любовная поддержка миллионов граждан нашей родины, уверенность, что партия и правительство следят за нашей экспедицией и в случае необходимости помощь будет организована и страна бросит на это дело все силы, находящиеся в ее распоряжении. Замечательно выразил это командир отряда тяжелых кораблей нашей экспедиции Герой Советского союза М. В. Водопьянов в простых словах, сказанных на аэродроме при прилете в Москву: «Меня спрашивали, когда я готовился к полету: «Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь машину — пешком-то далеко идти?» Я говорю, что сяду. Если поломаю, пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: товарищ Сталин не бросит человека!»

Это чувство спокойной уверенности испытывают и наши товарищи, оставшиеся на дрейфующей льдине. Это чувство, присущее только сынам нашей чудесной родины, поднимает их на новые и новые великие подвиги. Мы уверены, что наши товарищи вернутся после полярной ночи с новыми замечательными научными данными, которые будут положены в основу дальнейшего наступления на Центральную Арктику. Эти научные данные в большей своей части будут немедленно использованы для практических нужд нашей страны, ибо только в СССР наука так неразрывно связана с практикой и результаты, только что добытые наукой, немедленно используются для нужд всего народного хозяйства. Тт. Чкалов и Громов во время своих перелетов уже непосредственно пользовались данными станции тов. Папанина.

Успех нашей экспедиции решили люди, замечательные люди сталинской выучки, воспитанные в сознании того, что «нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

Завоевание полюса — не частный успех побывавших там 41 человека. Это победа всей нашей могучей родины, железной партии Ленина — Сталина, воспитавшей всех нас, партийных и непартийных большевиков.

И прежде всего этой победой мы обязаны любимому вождю, мудрейшему из людей, товарищу Сталину, который учит нас бороться и побеждать, открывая нам новые горизонты, вдохновляет и посылает нас на новые и новые научные завоевания.

ВТОРОЙ СТАЛИНСКИЙ КАНАЛ ГОТОВ

М. Берман

Мудрая идея соединения глубоководным каналом рек Москвы и Волги была выдвинута инициатором, вдохновителем и организатором великих побед страны социализма, вождем партии и народа — товарищем Сталиным.

Строительство канала Москва—Волга является вторым звеном в осуществлении гениальной идеи товарища Сталина о коренной реконструкции водных путей Советской страны.

Первым звеном исторического плана соединения советских морей внутренними глубоководными путями был Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина.

Канал Москва—Волга — второй сталинский канал, гигантская стройка второй пятилетки — представляет собой одно из крупнейших в мире гидротехнических сооружений.

15 июня 1931 года Пленум ЦК ВКП(б) по докладу тов. Кагановича принял историческое решение о строительстве канала Москва—Волга.

В сентябре 1932 года приступили к строительству канала.

10 июля 1935 года было опубликовано постановление Совнаркома и ЦК о генеральном плане реконструкции Москвы.

Через два месяца, 9 сентября 1935 года, было опубликовано постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о ходе и задачах строительства канала Москва—Волга. Это постановление наметило конкретный план строительства и освоения канала, который является составной частью генерального переустройства столицы СССР и системы речного транспорта нашей страны.

5 июля 1937 года было опубликовано постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об окончании строительства канала Москва—Волга». А 15 июля 1937 года мы рапортовали нашему правительству и партии, трудящимся нашей страны, вождю народов товарищу Сталину, что канал готов. С 15 июля на втором сталинском канале открылось нормальное пассажирское и грузовое движение.

Ошибка природы, в результате которой столица Советской страны была лишена мощной водной артерии, исправлена большевиками. Москва получает прекрасные водные пути, становится крупным портом; окончательно разрешена проблема дальнейшего снабжения столицы питьевой водой.

С момента опубликования постановления июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1931 года о постройке канала Москва—Волга до дня сдачи канала в постоянную эксплуатацию прошло всего 6 лет, а с момента начала работ по строительству до дня сдачи канала в эксплуатацию — всего 4 года 8 месяцев. Срок для такого грандиозного сооружения исключительно короткий!

Постройка канала Москва—Волга решает одновременно три задачи: первая: создается глубоководный судоходный путь, соединяющий нашу пролетарскую столицу с рекой Волгой;

вторая: обеспечивается полное и бесперебойное снабжение волжской питьевой водой трудящихся пролетарской столицы и удовлетворение растущей потребности в воде промышленных предприятий столицы;

третья: Москва-река и ее притоки получают дополнительное количество воды для своего освежения и обводнения.

При царизме Московская городская дума не раз ставила вопрос об увеличении водных ресурсов Москвы-реки для водоснабжения города. Но буржуазии не под силу было разрешить эту задачу, и, само собой разумеется, она и не ставила самой трудной задачи — превращения Москвы в порт, доступный для глубокосидящих судов.

Задыхаясь в пыли и грязи, старая Москва, наконец, в XIX столетии заговорила о водопроводе. 26 лет тянулась стройка первого московского водопровода. Этот водопровод давал Москве только 30 тысяч ведер воды в сутки.

В то время по улицам ползли водовозы, доставляя москвичам затхлую замоскворецкую и черногорязскую воду. Только в 1835 году в двух верстах от Крестовской заставы построена была насосная станция. Насосы качали московскую воду к Сухаревой башне; здесь, на втором этаже, стоял чугунный бак, откуда по чугунным трубам вода отводилась в пять водоразборных фонтанов. Эти фонтаны поили всю Москву. У фонтанов толпились извозчики, тут же вытягивались вереницы водовозных кляч. Бедный люд, рабочие окраины, попрежнему пили затхлую воду из речонки Черногорязки, Нищенки и др. Когда городская дума все же решилась провести водопровод в отдельные рабочие районы, возникли совершенно неожиданные препятствия. Так, в газете «Голос Москвы» от 7 июля 1909 года мелким шрифтом была напечатана заметка:

«Город приступил к устройству водопровода на Рождественской улице, в Бутырках. Для прокладки труб были вырыты канавы. Когда же на следующий день, утром, рабочие явились продолжать работу, изумлению их не было предела: от канав никакого следа. Они засыпаны и даже земля утрамбована. Оказалось, что канавы уничтожены по приказанию священника церкви «рождества богородицы» на том основании, что улица проложена по церковной земле. Жители в отчаянии. По воле местного батюшки они остаются без воды».

Московская купеческая дума установила две нормы потребления воды: первая норма — для центральных улиц — 6—8 ведер в сутки на человека; вторая норма — для рабочих окраин — 2 ведра. Ее называли верблюжьей нормой. До Октябрьской революции рабочее население Москвы жило на этой верблюжьей порции воды.

Только после Великой пролетарской революции началась коренная реконструкция московского водопровода.

Сотни километров новых водопроводных труб подведены к окраинам. Тысячи населенных рабочими домов получили воду. Уже сейчас Москва потребляет ежедневно около 60 миллионов ведер воды.

Только советская власть, только коммунистическая партия могли поставить грандиозную задачу строительства канала Москва—Волга и разрешить ее в такой короткий срок, как неполные 5 лет.

Сооружение канала — блестящая победа советской техники, триумф сталинской индустриализации, выражение технического могущества нашей страны. Вот как Правительственная комиссия по приему канала Москва—Волга оценивает произведенные работы:

«При проектировании канала и его сооружении строителями был принят ряд новых инженерных решений как в сооружениях (типы шлюзов, насыпные и намывные земляные плотины), так и в конструкциях механизмов для эксплуатации канала (пропеллерные насосы, автоматическое управление механизмами).

В производстве работ следует отметить удачное применение концентрированной работы экскаваторов, широкое развитие гидромеханизации в земляных работах, а также подачу, в массовых количествах, бетона транспортерами.

На строительстве был использован трепел в качестве добавок к бетону, что снизило потребность в цементе при одновременном увеличении плотности бетона.

Строителями канала были преодолены в процессе работ значительные трудности, связанные с возведением крупнейших плотин и шлюзов на мягких грунтах.

Срок строительства канала в четыре года восемь месяцев от начала подготовительных работ на нем до ввода его в эксплуатацию — следует считать коротким сроком для возведения подобного сооружения.

Архитектурное оформление канала и отдельных его сооружений — удачно, и канал в целом создает архитектурный ансамбль, хорошо связанный с окружающей природной обстановкой.

Качество работ по основным гидротехническим сооружениям и другим видам работ в общем хорошее.

Строители канала уложились в утвержденную сметную стоимость.

По состоянию всех сооружений канала и механизмов канал может обеспечить с 15 июля сего года бесперебойное движение судов и подачу волжской воды как для обводнения реки Москвы, так и для снабжения питьевой водой города Москвы.

Канал Москва—Волга является крупнейшим мировым инженерным и гидротехническим сооружением. Открытие канала означает окончание одной из основных частей генерального плана реконструкции Москвы и плана переустройства внутренних водных путей Союза ССР.

Осуществление такого грандиозного сооружения, каким является канал Москва—Волга, выполненное строительством в труднейших гидрогеологических условиях, в исключительно для такого сооружения короткий срок, целиком из советских материалов, силами советских специалистов, является крупнейшей победой социалистического строительства, сделавшейся возможной только благодаря наличию в стране мощных заводов, создавших и изготовивших крупные механизмы для сооружения и эксплуатации канала, благодаря сплоченности и упорству в работе коллектива строителей, помощи всей страны и повседневному руководству этой стройкой со стороны нашего правительства, Центрального комитета ВКП(б) и лично товарища Сталина».

* * *

Канал Москва—Волга — ярчайшее выражение сталинской заботы о человеке. Только партия большевиков способна с таким невиданным в истории размахом и смелостью ставить на службу трудящимся несметные природные богатства нашей родины.

Что же дало нам возможность вести это грандиозное строительство боевыми темпами, преодолевать возникавшие в ходе строительства трудности, построить отличные по качеству сооружения, красиво оформить их в смысле архитектурном и выполнить всю работу по утвержденной правительством смете, без перерасходов?

Первым, важнейшим и решающим условием нашего успеха в строительстве канала Москва—Волга является то, что Центральный комитет, Совет народных комиссаров и лично товарищ Сталин, наш вождь и учитель, на протяжении всех этих шести лет осуществляли руководство, оказывали исключительное внимание, огромную помощь, заботу и поддержку коллективу строителей, которому было доверено это историческое дело.

В самые трудные моменты нашей стройки, когда не хватало цемента, кабеля, когда надо было создавать мощные экскаваторы, когда стройке нужны были автомобили, когда не было достаточных кадров знающих инженеров, — всякий раз товарищ Сталин давал указания, и наша стройка полу-

чала все необходимое. Надо прямо сказать, что строить канал Москва—Волга было легко, легче, чем осуществлять любую другую стройку в Союзе, ибо каждый из нас, строителей, каждодневно в своей практической деятельности ощущал особую любовную заботу об этой огромной стройке со стороны товарища Сталина, тт. Молотова, Кагановича, Ежова и Хрущева.

Это первое условие — забота, руководство и помощь руководителей партии и правительства — заставляло и обязывало нас работать так, чтобы получаемые нами ресурсы были использованы с максимальным эффектом, чтобы механизмы и агрегаты, доверенные нам, принесли максимум пользы и дали максимум производительности, чтобы народные деньги, ассигнованные на эту стройку, использовались самым эффективным образом.

Второй предпосылкой, обеспечившей нашу победу в строительстве канала, является то, что за годы сталинских пятилеток страна наша, с успехом осуществившая, по указанию товарища Сталина, индустриализацию, построившая заводы для производства машин, оснастила, снабдила нашу стройку сложнейшими механизмами, что дало возможность в огромной степени развить механизацию, в особенности земляных и бетонных работ.

Успехи индустриализации нашей страны видны ярче чем на какой-либо другой стройке на строительстве канала Москва—Волга; такой канал нельзя построить, не имея развитой индустрии, не имея сотен экскаваторов, тысяч автомобилей, тысяч моторов, мощных насосов и т. д.

Серьезным условием победы явилось также то, что, следуя указаниям товарища Сталина, наша партия и весь наш народ за эти годы создали свою техническую интеллигенцию, вырастили сотни и тысячи преданных партии и правительству молодых инженеров-энтузиастов, которые пришли на строительство канала прямо со школьной скамьи и сумели освоить сложнейшие вопросы управления сотнями механизмов и организовать труд десятков и сотен тысяч людей в сочетании с наиболее эффективным использованием механизмов.

Канал Москва—Волга построен от начала до конца советскими инженерами, с помощью советских механизмов и из отечественных материалов.

От Волги до Москвы — по всей трассе — на любом механизме гордо красуется марка наших отечественных заводов. Строители канала избежали привлечения какой бы то ни было иностранной консультации или экспертизы иностранных специалистов. Наоборот, отдельные сооружения канала, как например Волжская намывная плотина, Сестринские намывные дамбы, могут послужить неплохим образцом для изучения иностранными специалистами.

Важным обстоятельством, обеспечившим успех работы, является также то, что канал строила вся наша Советская страна. Внимание, любовь, забота, желание досрочно выполнить заказы для строительства канала Москва—Волга — вот что характеризует десятки фабрик и заводов, поставлявших нашему каналу сложнейшие механизмы, агрегаты, моторы, различные строительные материалы и т. д.

Сотни инженеров и техников, тысячи квалифицированных работников, тысячи стахановцев на предприятиях Москвы, Ленинграда, Харькова, Урала, Краматорска, Днепропетровска, Сормова, Гороховца, Коврова, Вольска, Новороссийска готовили для канала оборудование и материалы, объединяя все эти заказы одним наименованием — Сталинский заказ для канала Москва—Волга.

Внимание партийных и профессиональных организаций этих заводов и фабрик дало нам возможность в очень короткий срок смонтировать сложнейшие механизмы, опробовать их и наладить их нормальное действие.

Серьезной предпосылкой успешного окончания строительства является то, что за последние два—три года — после того как партия и правительство поставили тов. Л. М. Кагановича во главе железнодорожного транс-

порта и транспорт стал подниматься в гору — наша стройка была обеспечена привозом всех необходимых ей материалов. Достаточно сказать, что на стройку завезено около 920 тысяч вагонов только таких материалов, как цемент, железо, горючее, камень, песок, гравий, лес. Можно прямо сказать, что без нормальной и четкой работы железнодорожного транспорта строительство канала Москва—Волга не могло бы быть закончено в указанный партийный срок.

Канал Москва—Волга отличается от всех других каналов — и наших и иностранных — тем, что он, будучи каналом машинным, энергетическим, представляет собой сложный комплекс более двухсот ответственных сооружений, связанных одной общей идеей и задачей.

Наш канал не самотечный: вода из Волги в Москву «самотеком» пойти не хотела — ее надо было заставить пойти.

Природа воздвигла между Волгой и Москвой препятствие в виде отрогов Валдайской возвышенности. Ныне это препятствие устранено: природные условия подчинены интересам народного хозяйства, и наши пять прекрасных насосных станций со своими двадцатью уникалами — пропеллерными насосами — перекачивают через эту возвышенность волжскую воду в пролетарскую столицу.

Приведем несколько цифр для характеристики размеров канала.

В соответствии с проектом, утвержденным ЦК ВКП(б) и Советом народных комиссаров СССР, сооружено:

искусственных судоходных каналов 108 километров при ширине 85,5 метра по зеркалу и глубине 5,5 метра;

2 линии водопроводного канала протяжением по 28 километров каждая, в том числе по 9 километров железобетонных труб и по 19 километров бетонированных открытых каналов;

8 однокамерных железобетонных шлюзов каждый длиной по 300 метров, шириной в 30 метров и глубиной в 5,5 метра;

2 двухкамерных шлюза с камерами тех же размеров;

малый Перервинский шлюз;

3 железобетонных плотины;

8 земляных плотин;

5 насосных станций для перекачки волжской воды производительностью по 100 кубических метров в секунду каждая, оборудованных 20 пропеллерными насосами общей мощностью в 60 тысяч киловатт;

8 гидростанций общей установленной мощностью в 67 тысяч киловатт;

7 стокиловольтных подстанций;

7 больших железнодорожных мостов;

8 больших шоссежных мостов;

2 тоннеля под каналом;

Волжский аванпорт в головной части канала;

Московский речной вокзал и грузовая пристань на Химкинском водохранилище;

Сталинская водопроводная станция в числе 17 сооружений и 30 километров трубопроводов;

7 предохранительных ворот на канале;

железобетонная труба для пропуска реки Сестры под каналом и свыше 100 других искусственных сооружений.

Для осуществления строительства канала были произведены следующие основные работы:

Земляные работы 151 400 тысяч кубических метров

Кроме того сделано земляных работ для добычи нерудных мате-

риалов 46 миллионов кубических метров

Уложено бетона и железобетона 2 миллиона 900 тысяч кубических метров

Мошение откосов канала камнем 3 миллиона 800 тысяч квадратных метров

Забито свай 101 000 штук

Забито металлического шпунта 4 500 тонн

Монтаж металлоконструкций и мостовых ферм 34 700 тонн

Эксплуатационное промышленное
и гражданское строительство . . . 632 тысячи кубических метров
Высоковольтные линии электропередачи . . . 307 километров
Линий постоянной связи . . . 471 километр
Перенесено железнодорожных путей и построе-
но новых . . . 176 километров
Перенесено и построено постоянных шоссе-
ных дорог . . . 287 километров
Перенесено из зон затопления . . . 6 700 хозяйств
Построено рабочих поселков
и производственных зданий . . . 7 миллионов кубических метров
Произведено топографических съемок 6 980 квадратных километров
Пройдено буровых скважин и шурфов . 615 000 погонных метров

Повторяем, все эти работы выполнены в течение 4 лет и 8 месяцев.

И так же, как в свое время, построив Беломорско-Балтийский канал, мы тем самым крепко «подправили» географию, дав возможность нашим пароходам попадать из Ленинграда в Белое море, не огибая более Скандинавский полуостров, а проходя прямым путем через Ладожское и Онежское озера, по Беломорско-Балтийскому каналу в Мурманск, Сороку и Архангельск,—так и теперь, построив канал Москва—Волга, мы внесли еще одну серьезную поправку в географию водных путей нашей страны.

Соединив столицу СССР кратчайшим путем с величайшей советской речной артерией—Волгой,—канал после окончания постройки плотины и шлюзов на Волге, у города Рыбинска и города Углича, сократит водный путь от Москвы до Рыбинска с 1500 до 400 километров, т. е. на 1100 километров, а от Москвы до города Горького—с 960 до 850 километров, т. е. на 110 километров.

Общее протяжение канала от Волги до Москвы-реки составляет 128 километров, из которых 19,5 километра судовой ход идет по водохранилищам, а на остальном протяжении—в выемках и насыпях. При глубине канала в 5,5 метра, при нормальной ширине по дну 46 метров и по урезу воды 85,5 метра канал обеспечивает беспрепятственное плавание трехпалубных волжских паротеплоходов и стальных волжских барж грузоподъемностью до 18 тысяч тонн, с осадкой до 4,5 метра.

Общее количество воды, которое должно подаваться по каналу из Волги в водораздельные водохранилища, составляет в среднем 82 кубических метра в секунду летом и 63 кубических метра зимой. Так как насосные станции будут работать лишь 16 часов в сутки (в период провалов графика нагрузки электростанции Мосэнерго), то каждая насосная станция оборудована сейчас 4 пропеллерными насосами; каждый из них дает 25 кубических метров воды в секунду, а все вместе—до 100 кубических метров, т. е. примерно в 10 раз больше, чем имеет воды Москва-река в летний период. С учетом дальнейшего развития водопотребления канал Москва—Волга рассчитан на пропуск 125 кубических метров воды в секунду.

Если сравнить объем работы канала Москва—Волга и других каналов—Беломорско-Балтийского имени товарища Сталина и Панамского,—то получается следующая картина:

Название каналов	Длина (в километрах)	Земляные работы (в мил- лионах куби- ческих метров)	Бетонные работы (в тысячах кубических метров)
Беломорско-Балтийский канал имени товари- ща Сталина	227	21	400
Канал Москва—Волга	128	200	3 000
Панамский канал	80	160	3 800

Эти цифры подтверждают, что канал Москва — Волга — одно из самых крупнейших и сложнейших гидротехнических сооружений.

Другой характерный признак, показывающий мощность ресурсов строительства и в первую очередь мощность нашей страны, — это оснащение нашей стройки машинами. На стройке работало:

Экскаваторов	171	
Гидромониторов	191	
Автомашин	1 600	
Паровозов	161	
Мотовозов	225	
Железнодорожных платформ . .	2 113	
Бетономешалок	240	
Электровибраторов	1 100	
Электромоторов разных мощностей	5 750	
Транспортеров стационарных . .	12 000	погонных метров
Рельсов железнодорожных широкой и узкой колеи	500	километров пути.

Это дало возможность почти полностью механизировать бетонные работы и транспорт материалов и произвести механизированным способом 70 миллионов кубических метров земляных работ.

На строительстве канала была впервые в широких размерах применена гидромеханизация земляных работ. Произведено земляных выемок размывом и намыто насыпей свыше 10 миллионов кубометров, в том числе намытым способом выполнены наиболее ответственные земляные сооружения — плотина на Волге и ряд дамб на канале.

При общей сметной стоимости канала в 1742 миллиона рублей, работы, произведенные по отчету на 16 июня 1937 года, выполнены без перерасходов по смете.

Третий ряд показателей, свидетельствующих об огромном развитии нашей индустрии за годы сталинских пятилеток, говорит сам за себя. Так, на строительстве канала израсходовано:

Цемента	900 000 тонн
Железа	170 000 тонн
Леса	4 миллиона кубометров
Кирпича	102 миллиона штук
Горючего	101 000 тонн
Каменного угля и кокса	600 000 тонн

Наконец, четвертый ряд показателей:

помимо значительного количества заключенных, отбывающих наказание за совершенные ими преступления против советской власти, которых советская власть допустила к участию в этой грандиозной исторической стройке, — на строительстве канала было занято около 25 тысяч вольнонаемных работников, из них 3500 инженеров и техников.

Наличие такого огромного коллектива советских инженеров и техников характеризует размеры и масштаб стройки, причем дело не только в том, что на строительстве работало большое количество инженеров и техников: самое важное — это то, что подавляющее их большинство окончил советские вузы. Это — молодое племя советских гидротехников, получивших на строительстве канала Москва—Волга такой огромный опыт организаторов, строителей, механизаторов, что партия и правительство смо-

гут возложить на этот коллектив новые задачи в области реконструкции водных путей нашей цветущей родины.

Коллектив строителей, партийных и непартийных большевиков, начиная от нашего блестящего главного инженера тов. С. Я. Жука и его ближайших помощников и кончая любым рядовым прорабом, горит желанием засучив рукава приступить к выполнению нового задания Центрального комитета партии и советского правительства — к постройке грандиозного Куйбышевского гидроузла в 2,5 миллиона киловатт установленной мощности.

Коллектив, насчитывающий в данный момент несколько тысяч квалифицированных работников самых разнообразных специальностей, готов по первому зову вождя нашей партии товарища Сталина, в случае нужды сменить все те инструменты и орудия, при помощи которых большевики покоряют природу, на боевое оружие, взять в руки винтовки для того, чтобы защищать священную землю нашей могучей родины и разбить любого врага нашей коммунистической партии, нашего советского правительства, нашего народа.

Коллектив строителей сознает, что не все в его работе сделано одинаково хорошо, что многое могло бы быть выполнено значительно лучше, — и надеется избежать этих ошибок на новых стройках.

С приходом в Наркомвнудел боевого наркома тов. Н. И. Ежова чекисты почувствовали крепкую, большевистскую руку и большевистское руководство тов. Ежова, успешно раскрывающего самые потаенные замыслы наших врагов.

Партия и правительство в своих недавних постановлениях от 4 и 14 июля высоко оценили работу коллектива строителей канала Москва — Волга. Каждый из нас не имеет другой мысли, другого желания, кроме того, чтобы отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь за дело партии, за дело Ленина — Сталина.

После февральской буржуазно-демократической революции партия большевиков оказалась в совершенно новых условиях борьбы. Еще не было в истории революции такой благоприятной обстановки для массовой пропаганды и агитации, для массовой организационной работы. Но вместе с тем никогда еще партия не стояла перед такими большими и сложными задачами. Февральская буржуазно-демократическая революция покончила с царизмом, но остались еще не добытыми монархические элементы, которые прикрывались на время демократическими лозунгами и вместе с партиями меньшевиков и эсеров стремились создать плотину против революционного потока, грозившего смести не только остатки монархических учреждений, но и власть капиталистов. Революция переходила ко второму своему этапу: под руководством большевистской партии она перерастала в социалистическую. В борьбе за социалистическую революцию партия большевиков одна стояла во главе рабочего класса и широких масс крестьянской бедноты, миллионов солдат и матросов, жаждавших конца войны и расправы с помещиками и капиталистами. Партия большевиков имела против себя коалицию всех других партий и всех враждебных социализму сил не только в России, но и во всем мире.

Важнейшими датами истории партии на этом этапе следует считать приезд в Россию Ленина и опубликование его «Апрельских тезисов». Огромное значение имел приезд товарища Сталина и его борьба против капитулянтских, оппортунистических и штрейкбрехерских элементов, в особенности борьба против Каменева.

«Понадобились, — писал впоследствии товарищ Сталин в предисловии к книге «На путях к Октябрю», — знаменитые «апрельские тезисы» Ленина для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу»¹.

Со времени февральской революции и апрельских дней произошли огромные перемены в политической обстановке в России. И Ленин и Сталин не раз указывали на то, что февральская революция совершилась в короткий срок благодаря тому, что налицо была «коалиция» различных классовых сил.

«С чего пошла революция? — на этот вопрос товарищ Сталин на VI съезде партии отвечал: — С коалиции 4-х сил: пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии и союзного капитала. Почему шел на революцию пролетариат? Потому, что он — смертельный враг царизма. Почему шло крестьянство? Оно доверяло пролетариату, и оно жаждало земли. Почему шла либеральная буржуазия? Потому, что она в ходе войны разочаровалась в царизме. Она думала, что царизм даст

¹ И. Сталин «На путях к Октябрю». Статьи и речи, стр. VIII. Гиз. 1925.

ей возможность завоевать новые земли. Не надеясь на увеличение емкости внутреннего рынка, она избрала путь наименьшего сопротивления: путь расширения внешнего рынка. Но она ошиблась: царизм и его войска не смогли даже оградить границы и отдали противнику 15 губерний. Отсюда — измена либеральной буржуазии царизму. А союзный капитал? Он смотрел на Россию, как на подсобное предприятие для своих империалистических целей. Между тем царизм, первые 2 года подававший надежды на сохранение единства фронта, стал склоняться к сепаратному миру. Отсюда — измена союзного капитала царизму.

Царизм оказался изолированным и тихо и спокойно помер.

Эти четыре силы Февральской революции, шедшие вместе, имели разные цели. Либеральная буржуазия и союзный капитал хотели маленькой революции для большой войны. Но масса рабочих и крестьян шла не для этого на революцию. У них были другие цели: 1) покончить с войной и 2) побороть помещиков и буржуазию.

Вот основы противоречия революции»¹.

Очень важно иметь в виду именно эту обстановку в начале февральской буржуазно-демократической революции. Товарищ Сталин подчеркивает, что все классы, участвовавшие в революции, участвовали в ней каждый по-разному и если они «вместе» свалили царизм, то у каждого класса были свои особые интересы в этой революции. Для того, чтобы понять все, что произошло в последующие месяцы, необходимо остановиться подробнее на этом моменте, ибо вся революция, всякие изменения в ее ходе в конце концов сводятся к социальным сдвигам, к изменению в соотношении классов, к упрочению или ослаблению власти и силы того или иного класса.

Ленин также не раз обращал внимание на то, что в февральской революции налицо было своеобразное «объединение» сил для натиска против царизма. В первом «Письме из далека» Ленин писал:

«Не будем делать себе иллюзий.

Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Миллюкова и Гучкова с К^о к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах избияния новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это — с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу»².

И, возвратившись уже в Россию, Ленин в статье «К лозунгам» повторил эту мысль о «коалиции» различных классов в феврале—марте 1917 года: «27 февраля все классы оказались вместе против монархии»³.

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 107. ИМЭЛ—Партиздат. 1934.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 16—17.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 35. Разрядка моя. — Ем. Я.

От этой «коалиции» различных классовых сил, объединивших свои усилия для свержения царского самодержавия, не осталось следа ко времени VI с'езда партии большевиков. И русская буржуазия и иностранный, союзный капитал после свержения царизма перешли в лагерь контрреволюции, усиленно готовили контрреволюцию против рабочих и крестьян. С другой стороны, революция получала все более глубокий характер. Экономическая разруха росла. Революция врывается в сферу производства, ставился вопрос о рабочем контроле, в деревне ставился вопрос не только о конфискации помещичьей земли, но и о конфискации инвентаря. Революционная организованность пролетариата делала возможным и необходимым вмешательство рабочих масс в хозяйственную жизнь.

Характеризуя политическую обстановку в стране, процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, товарищ Сталин в своем докладе на VI с'езде партии говорил:

«Между тем война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер. Революция врывается в сферу производства — ставится вопрос о контроле. Революция врывается в сельскохозяйственную сферу — ставится вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации инвентаря, живого и мертвого. Поскольку большевики являлись глашатаями пролетарской революции, они верно определили ее характер. Те, которые предлагали ограничиться закреплением революционных завоеваний, были не революционерами. Путь соглашения, избранный меньшевиками и эсерами, был обречен на бессилие. Не было никакой силы, не было никакой возможности остановить революцию на полпути. Таким образом, тот факт, что у нас революция развивалась и шла вперед, толкал нас на путь необходимости перешагнуть через революцию буржуазную к революции социалистической»¹.

«Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ставится практически вопрос о социалистической революции»², — указывал товарищ Сталин.

С каждым месяцем все больше увеличивалось влияние большевистской партии в массах. Июньская демонстрация 1917 года наглядно показала этот рост влияния нашей партии. Июньская демонстрация, как и апрельская, нарастала стихийно. Однако к этому времени большевики уже имели крепкие опорные пункты в рабочих массах Петрограда и уже могли ввести в русло организованной борьбы стихийно нараставшее недовольство.

Центральный комитет большевистской партии назначил на 10 июня мирную демонстрацию. Лидеры меньшевиков и эсеров, узнав о готовящемся выступлении, провели через происходивший тогда с'езд советов запрещение демонстрации. Постановление о запрещении демонстрации было вынесено с'ездом советов. Учитывая это, Центральный комитет нашей партии подчинился постановлению с'езда и отменил демонстрацию, назначенную на 10 июня.

Однако, учитывая настроение масс, с'езд советов постановил назначить на 18 июня манифестацию, чтобы дать выход настроению масс. Эсеры и меньшевики рассчитывали взять в свои руки манифестацию и провести ее под соглашательскими лозунгами.

«Восемнадцатое июня было выбрано для манифестации не случайно. Мелкобуржуазные лидеры знали, что в этот день начинается наступле-

¹ Протоколы шестого с'езда РСДРП(б), стр. 108.

² Там же.

ние на фронте. Манифестация доверия с'езду должна была одобрить и наступление на фронте»¹.

Но 18 июня стало днем торжества большевистской партии и провала соглашателей. В этот день около полумиллиона демонстрантов вышло на улицы Петрограда под лозунгами большевистской партии, против Временного правительства, против меньшевиков и эсеров.

«Демонстрация 18 июня стала демонстрацией сил и политики революционного пролетариата, указывающего направление революции, указывающего выход из тупика»².

В чем был смысл этой демонстрации?

«Довольно колебаний — говорил авангард пролетариата, авангард рабочих и солдатских масс России. Довольно колебаний. Политика доверия капиталистам, их правительству, их реформаторским потугам, их войне, их политике наступления, эта политика безнадежна. Крах ее недалек. Крах ее неизбежен. Это будет крах и правящих партий эс-эров и меньшевиков. Разруха надвигается все ближе. От нее не лезя спастись иначе, как революционными мерами стоящего у власти революционного класса»³.

Вот смысл событий 18 июня. Еще несколько месяцев назад существовало большое доверие соглашательским партиям, Временному правительству. А июньская демонстрация — это уже массовая, полумиллионная демонстрация открытого недовольства Временным правительством, соглашательскими партиями, демонстрация под большевистскими лозунгами, под большевистскими знаменами.

Политическая обстановка перед VI с'ездом

Еще более крупные политические сдвиги произошли в июльские дни, когда открыто создан блок буржуазии с соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров — блок, поставивший в порядок дня штык, разгром революции, разгром большевистской партии, репрессии против партии пролетариата и методы царской охранки против вождей большевистской партии.

Затянувшаяся война усиливала хозяйственную разруху. Транспорт был совершенно расстроен, число больных паровозов доходило до 50%. Резко сказывалось отсутствие угля, отсутствие металла. Продуктов становилось все меньше. Дороговизна росла. Все это явилось результатом войны и хозяйничанья буржуазного Временного правительства, в котором активно участвовали меньшевики и эсеры.

Хозяйственная разруха, поражения на фронте еще больше углубили революционное брожение в армии и среди рабочих, что привело к новому выступлению — 3—4 (16—17) июля 1917 года.

События 3—4 июля явились следствием стихийного выступления солдат и рабочих, недовольных соглашательской политикой руководства советов, помогавшего буржуазии вести империалистическую войну.

После июльских дней положение в стране круто изменилось. Буржуазия в союзе с меньшевиками и эсерами разгромила рабочую и солдатскую демонстрацию, обрушилась на нашу партию. Помещение редакции «Правды» было разгромлено, «Правда», «Солдатская правда» и ряд других большевистских органов были закрыты. На улице был убит рабочий Воинов только за то, что он распространял «Листок Правды». Керенский требовал

¹ «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 227.

² В. И. Ленин. Соч., Т. XX, стр. 548.

³ Там же, стр. 549.

закрытия «Социал-демократа» — московской газеты нашей партии, разоружения наших боевых дружин. Революционные части войск были отправлены на фронт. Были случаи расправы с большевиками на улицах. Производились аресты в тылу и на фронте.

Вожди меньшевиков и эсеров непосредственно участвовали в погромах против большевиков. За подписью меньшевика Чхеидзе посылались приказы о присылке воинских частей для подавления революционных рабочих и солдат. Эсеры Гоц и Авксентьев послали телеграфное распоряжение в Гельсингфорс о немедленной расправе с финскими рабочими и солдатами, если они вздумают пойти на помощь петроградскому пролетариату.

После июльских дней 1917 года двоевластие окончилось. Власть перешла в руки контрреволюционной буржуазии.

Массы все больше отходили от меньшевиков и эсеров. Рабочие, солдаты и крестьяне становились под знамена большевистской партии. Партия наша быстро росла и крепла.

Видя этот громадный рост влияния большевистской партии, Временное правительство при прямой поддержке меньшевиков и эсеров старалось разгромить большевистскую партию. Двадцать лет назад меньшевики и эсеры, желая разделить власть с кадетами, желая удержать эту власть для себя, добивались разгрома партии большевиков. Для этого буржуазия воспользовалась июльской демонстрацией. В июле 1917 года появилось сообщение прокурора петроградской судебной палаты о том, что Ленин и ряд других большевиков привлекаются к суду за измену и за организацию вооруженного восстания. Обвинение было сфабриковано в штабе генерала Деникина, в ставке, на основании показаний белогвардейского шпиона контрразведчика прапорщика Ермоленко и других провокаторов. К этому делу приложили грязную руку предатель Алексинский и адвокат Переверзев. Временное правительство поручило вести дело прокурору Александрову, который помогал царскому правительству сфабриковать дело Бейлиса.

В такой обстановке 26 июля (8 августа) 1917 года собрался VI съезд партии. Ленин вынужден был скрыться, так как буржуазия вместе с меньшевиками и эсерами добивалась расправы с ним, и, если бы он попал в руки озверевших юнкеров и Керенского, его, несомненно, постигла бы участь Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

В организации спасения Ленина большое участие принял товарищ Сталин. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях А. Аллилуев:

«В июльские дни, когда В. И. Ленину пришлось скрываться от преследования взбесившейся буржуазии, — Владимир Ильич в то время с 6 по 11 июля находился у меня на квартире, — т. Сталин заходил ко мне проводить т. Ленина. Во время отъезда Владимира Ильича в Сестрорецк к т. Емельянову — это было вечером 11 июля — мы с т. Сталиным провожали Ильича на Сестрорецкий вокзал, находившийся в то время на набережной реки Большой Невки в Новой Деревне. Шли все время пешком с 10-й Рождественской до вокзала.

За время пребывания в шалаше на Разливе у т. Емельянова, а затем в Финляндии Владимир Ильич время от времени через меня посылал записки к т. Сталину; записки приносились ко мне на квартиру, и так как на записки нужно было своевременно отвечать, то т. Сталин в августе месяце перебрался ко мне на Рождественскую, д. 17, и поселился в той же комнате, где скрывался Владимир Ильич в июльские дни»¹.

Июльские дни, таким образом, резко изменили политическую обста-

¹ «Пролетарская революция» № 8, стр. 155. Партиздат. 1937.

новку, и партия сочла необходимым в этот момент временно снять лозунг «Вся власть советам». В статье «К лозунгам» Ленин подвел итоги происшедшим классовым сдвигам:

«Цикл развития партийных отношений закончился. 27 февраля все классы оказались вместе против монархии. После 4 июля контр-революционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эс-эров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере»¹.

VI съезд партии собрался в обстановке невероятной травли со стороны всей буржуазной и мелкобуржуазной печати. Съезд происходил полулегально. Хотя в газетах было объявлено о созыве съезда, но нигде не было объявлено место его заседаний. Сначала заседания происходили на Выборгской стороне. В последние дни съезд собирался в здании школы у Нарвских ворот.

Буржуазная печать требовала ареста съезда, и сыщики Временного правительства с ног сбились, чтобы найти место заседаний. Такова была «свобода» в Российской республике после июльских дней. Через 5 месяцев после свержения царизма большевики вынуждены были собираться тайком, а вождь пролетарской партии — Ленин — скрывался в шалаше близ станции Разлив! Такова была меньшевистско-эсеровская, кадетская «демократия» 1917 года.

Ленин принимал руководящее участие в подготовке съезда. Он изложил письменно свои взгляды по всем основным вопросам; все резолюции съезда он просматривал, прежде чем они шли на утверждение съезда. Съезд организован товарищами Сталиным и Свердловым. Политическое руководство съездом и защита важнейших решений партии принадлежали товарищу Сталину.

Значение VI съезда партии в деле подготовки Великой пролетарской революции огромно. Директивы Ленина, доклады товарища Сталина, решения съезда были подчинены единой цели: наметить линию и подготовить вооруженное восстание для свержения буржуазного строя и завоевания диктатуры пролетариата.

На съезде присутствовало 157 делегатов с решающим и 110 — с совещательным голосом. Партия к тому времени насчитывала (согласно докладу тов. Свердлова) около 240 тысяч членов. Если принять во внимание, что из подполья партия вышла с количеством членов вряд ли более чем 40 тысяч, то надо считать, что партия за это время выросла численно примерно в 5—6 раз.

Поражение в июльские дни не только не уменьшило, но еще больше увеличило влияние нашей партии и, тягу к ней со стороны рабочих масс. К 3 июля партия имела, по неполным анкетным данным, опубликованным на VI съезде, 41 печатный орган, из них 27 — на русском языке и 14 — на других языках.

Одним из первых встал на съезде вопрос о явке Ленина на суд. Для всех большевиков — участников съезда — было ясно, что этот суд и все обвинение есть гнуснейшая мера против нашей партии.

Временное правительство арестовало Раскольникову, Коллонтай, Луначарского и ряд других товарищей. По поводу явки в суд Ленин заявил, что ни в коем случае нельзя верить всякого рода посулам Временного правительства, что было бы величайшей глупостью доверяться каким бы то ни было обещаниям, гарантии и являться в суд. Вот что Ленин писал 8 (21) июля по поводу явки в суд:

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 35.

«Судя по частным беседам, есть два мнения по этому вопросу. Товарищи, поддающиеся «атмосфере Советов», нередко склоняются к явке.

Более близкие к рабочим массам склоняются, повидимому, к неявке»¹.

Некоторые рассуждали тогда так: «Как же так — не явиться в суд? Скажут, что Ленин боится показываться в суд. Он должен явиться в суд. Пусть его судят, пусть он разоблачит суд» и т. д.

Между прочим, примерно так рассуждал тогда один из участников съезда — Володарский. Ленин высмеивал такие рассуждения:

«Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я являюсь».

Это рассуждение наивное до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что нужно власти. Засадить их и держать — вот что надо гг. Керенскому и К^о. Так было (в Англии и Франции), так будет (в России)»².

Вопрос о явке Ленина на суд возник перед самым съездом и в связи со съездом; съезд с самого начала должен был ответить на этот вопрос, потому что в правительстве ставился даже вопрос об аресте или предании суду участников съезда, если съезд не скажет, где находится Ленин.

Доклад по поводу явки Ленина на суд делал Серго Орджоникидзе. Он категорически выступил против явки. Тов. Серго рассказал съезду о своих переговорах с меньшевиком Чхеидзе и заявил: «Ясно, их безумная травля есть определенная политика... Мы ни в коем случае не должны выдавать т. Ленина...»³.

Против этой четкой позиции были лишь отдельные члены съезда, например Володарский, Лашевич. Съезд единогласно отверг их предложения и принял приветствие Ленину.

VI съезд партии — съезд подготовки к вооруженному восстанию против буржуазии — проходил в обстановке огромного сочувствия большевикам со стороны солдат и рабочих. Съезд получил десятки приветствий.

Важнейшие вопросы VI съезда

Политический доклад о деятельности ЦК сделал на VI съезде товарищ Сталин. Он поставил вопросы, имевшие громадное принципиальное значение для всей пролетарской революции. Прежде всего товарищ Сталин подчеркнул, что речь идет о нарастании социалистической революции:

«Прежде чем перейти к докладу о политической деятельности ЦК за последние 2½ месяца, я считаю нужным отметить основной факт, определивший деятельность ЦК. Я имею в виду факт развития нашей революции, ставящей вопрос о вмешательстве в область экономических отношений в форме контроля над производством, о передаче земли в руки крестьянства, о передаче власти из рук буржуазии в руки Советов Р. и С. Д. Все это определяет глубокий характер нашей революции. Она стала принимать характер социалистической, рабочей революции»⁴.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 24.

² Там же, стр. 24—25.

³ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 32.

⁴ Там же, стр. 14. Разрядка моя. — Ем. Я.

Товарищ Сталин определенно и твердо поставил вопрос о пролетарской социалистической революции. Ему пришлось тогда выдержать бой с оппортунистами, которые не верили в самую возможность пролетарской революции в России. На VI съезде повторился тот спор о характере русской революции, который имел место на апрельской конференции. Каменев, Рыков и Ногин утверждали, что постановка вопроса о социалистической революции у нас — чистый утопизм, отступление от марксизма, что если вообще пролетарская революция начнется, она начнется на Западе, а не у нас. Тов. Ногин, повторяя на VI съезде свои правооппортунистические возражения, заявлял: «В чем разница между резолюцией товарища Сталина и резолюциями апрельской конференции? Тогда мы находили, что еще стоим перед переходом к социалистической революции. Неужели, товарищи, наша страна за два месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму?»

Товарищ Сталин доказывал, что не обязательно, чтобы социалистическая революция началась на Западе; что она может начаться и в России. Ясное дело, что Рыков и другие, отрицавшие на VI съезде возможность победы социалистической революции в России, были враждебны ленинизму. Тот вывод, который сделал Ленин в 1915 году из закона о неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма: что возможна победа социализма в одной стране, — был не по душе правым оппортунистам, точно так же как и троцкистам. Товарищ Сталин на VI съезде решительно разоблачил этих оппортунистов.

Разоблачая троцкистскую позицию Преображенского, товарищ Сталин говорил:

«Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»¹.

Таким образом, борьба против троцкистских установок о невозможности победы социализма в одной стране, без социалистической революции на Западе, развернулась в 1917 году, на VI съезде партии, в период подготовки социалистической революции. Ленинская точка зрения, которую защищал товарищ Сталин, была принята всей партией и подтверждена съездом. Когда троцкист Преображенский предложил в виде поправки к резолюции сказать, что, взяв власть, мы направляем ее к социалистическому переустройству общества лишь «при наличии пролетарской революции на Западе», товарищ Сталин ответил ему:

«Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в З. Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства»².

Эта постановка товарищем Сталиным вопроса о социалистической революции имела особенно важное значение. Сам VI съезд был подготовкой к социалистической революции. Поэтому особенно важно было вооружить партию ленинской теорией о социалистическом характере нашей революции и о возможности победы социализма в нашей стране. В своей речи, касаясь выступления Бухарина, товарищ Сталин снова со всей твердостью поставил вопрос о социалистическом характере предстоящей революции. Отвечая Ангарскому, Ногину и другим, тянувшим партию назад, и указывая, что мы стоим перед социалистической революцией, товарищ Сталин говорил:

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 234.

² Там же, стр. 233—234.

«Теперь несколько слов тт. Ангарскому и Ногину по поводу социализма. Еще на апрельской конференции мы говорили, что настал момент, чтобы начать делать шаги в сторону социализма (читает конец резолюции апрельской конференции «О текущем моменте»).

«Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистических преобразований.

Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму».

Товарищи отстали на три месяца. Что же совершилось за эти три месяца? Мелкая буржуазия расслоилась, низы уходят от верхов, пролетариат организуется, разруха растет, ставя еще настоятельнее на очередь вопрос об осуществлении рабочего контроля (например, в Питере, Донецкой области и т. п.). Все идет на пользу положений, принятых еще в апреле. А товарищи тянут назад»¹.

Товарищ Сталин на VI съезде партии со всей отчетливостью указал, что переход к социалистической революции неизбежен и возможен, и большевистский съезд одобрил эту ленинскую позицию.

Таким образом, на VI съезде партии четко наметились две линии: одна — ленинская, которую защищал товарищ Сталин, которая была принята всей партией и была рассчитана на победу социалистической революции и победу социализма в России; другая — троцкистская и правопортунистическая, в защите которой объединились правые и «левые», — и Рыков и Преображенский, отрицающая возможность победы социализма и социалистической революции в России раньше, чем победит пролетарская революция на Западе.

Еще апрельская партийная конференция 1917 года нацелила партию на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. VI съезд в своих решениях поставил перед пролетариатом задачу — «напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества»².

С тех пор прошло 20 лет. Победа социализма стала фактом, а те, кто выступал двадцать лет назад с возражениями против ленинско-сталинской установки, очутились в лагере злейших врагов народа, стали предателями социалистической родины, союзниками и агентами фашистов.

Теперь особенное значение приобретают выступления товарища Сталина двадцать лет назад в защиту идей, осуществленных ныне миллионами рабочих и крестьян под руководством нашей партии, в борьбе против всех врагов народа, врагов социализма.

Весь политический доклад товарища Сталина был посвящен вопросу о подготовке социалистической революции, о подготовке к свержению буржуазного правительства и к захвату власти пролетариатом и беднейшим крестьянством. В докладе товарища Сталина был разъяснен вопрос о временном снятии лозунга «Вся власть советам» в связи с новой, изменившейся обстановкой.

Товарищ Сталин исходил здесь из точки зрения, которая была развита Лениным в ряде статей: до 4 июля можно было ставить вопрос о мирном завоевании советов, о том, чтобы в советах изжить ту борьбу, которая происходила между различными партиями. После 4 июля положение резко изменилось.

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 139—140.

² Там же, стр. 241.

В статье Ленина «Политическое положение» исчерпывающе доказано, почему большевики в этот период должны были снять лозунг «Вся власть советам»:

«Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5—9 июля, т. е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эс-эров и меньшевиков революции на деле. Не авантюры, не бунты, не сопротивления по частям, не безнадежные попытки по частям противостать реакции могут помочь делу, а только ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к решительной борьбе, условия победы коей теперь страшно трудны, но возможны все же при совпадении отмеченных в тексте фактов и течений. Никаких конституционных и республиканских иллюзий, никаких иллюзий мирного пути больше, никаких разрозненных действий, не поддаваться теперь провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к решительной борьбе, если ход кризиса позволит это в действительно массовом, общенародном размере. Переход земли к крестьянам невозможен теперь без решительной борьбы, ибо контр-революция, взяв власть, вполне объединилась с помещиками как классом.

Цель борьбы может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии»¹.

Эту же мысль Ленин развивал подробно в статье «К лозунгам».

Отстаивая ленинскую точку зрения, товарищ Сталин говорил на VI съезде:

«Я хотел бы разъяснить одно место в резолюции: до 16 (3) июля была возможна мирная победа, мирный переход власти к Советам. Если бы Съезд Советов решил взять власть в свои руки, кадеты, я полагаю, не осмелились бы выступить открыто против Советов, ибо такое выступление было бы обречено заранее на гибель. Но теперь, после того, как контр-революция организовалась и укрепилась, говорить, что Советы могут мирным путем взять власть в свои руки,— значит, говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период не-мирный, период схваток и взрывов...»².

Но временное снятие лозунга «Вся власть советам» вовсе не означало, что большевики выступают против советов.

Большевики оставались в советах, в том числе в Центральном исполнительном комитете, разоблачая меньшевиков и эсеров, и завоевывали советы на свою сторону — на сторону пролетарской революции.

Большевики завоевали ряд важнейших советов во время корниловщины и тотчас после нее. К Октябрьским дням мы опирались уже на ряд советов; многие советы стали большевистскими раньше, чем власть в центре перешла в руки рабочих и крестьян. Но надо было силой оружия свергнуть власть Временного правительства, для того чтобы советы стали реальной силой власти. Для этого понадобилась Октябрьская революция; подготовкой к ней и был VI съезд.

На VI съезде партия, временно сняв лозунг «Вся власть советам», боролась за социалистическую революцию, за установление диктатуры пролета-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 27.

² Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 111.

риата и беднейшего крестьянства в форме советской власти. На с'езде ряд делегатов, не понимая необходимости смены лозунгов, выступил против этого, считая, что временное снятие лозунга «Вся власть советам» означает отказ от советов как формы государственной власти. Товарищ Сталин специально раз'яснил этот вопрос и показал всю неверность позиции выступавших против тактики партии. Временное снятие лозунга «Вся власть советам» не означало «Долой советы!» Ленин специально подчеркивал, что партия будет стоять за построение государства по типу советов. Но для этого советы должны были стать большевистскими. Главный, решающий вопрос, как подчеркивал на с'езде товарищ Сталин, состоял в том, в руки какого класса должна перейти власть. Таким классом был пролетариат, поддерживаемый беднейшим крестьянством. С'езд принял положения, выдвинутые в докладе товарища Сталина, и подтвердил обоснованную Лениным и Сталиным необходимость смены лозунгов.

VI с'езд партии указал в резолюции по докладу товарища Сталина о политическом положении:

«Лозунг передачи власти советам, выдвинутым первым под'емом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкой буржуазией ее иллюзий.

В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового под'ема»¹.

VI с'езд нацелил партию на вооруженное восстание.

* * *

В подготовке пролетарской революции огромное значение имела правильная линия партии в отношении крестьянства. На VI с'езде партия, определяя отношение пролетариата к различным слоям крестьянства в ходе социалистической революции, должна была разгромить антиленинские взгляды Бухарина, выступавшего на с'езде. В то время как партия готовила победу диктатуры пролетариата под лозунгом союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, — Бухарин предлагал линию, обрекавшую пролетариат на изоляцию, отдававшую многомиллионные массы крестьянства России в руки буржуазии: «...наше крестьянство, — говорил Бухарин, — является собственнической группой, и в этом корень глубокого принципиального различия между крестьянством и пролетариатом. Если пролетарий может дойти до антиоборонческой точки зрения, то это может сделать только пролетарий, потому что он не связан с собственностью. Крестьянину есть что терять, и он настроен оборончески, он не может стать на интернационалистскую точку зрения». «Крестьянин, как собственник, неизбежно должен был подать руку союзному империализму».

VI с'езд дал решительную отповедь этой антибольшевистской оценке Бухариным союзника пролетариата в революции. Фактически это была троцкистская точка зрения, сводившаяся к тому, что у пролетариата Рос-

¹ Протоколы шестого с'езда РСДРП(б); стр. 240.

сии нет никаких союзников, кроме западноевропейского пролетариата, и поэтому социалистическая революция может развернуться только в союзе с пролетариатом Запада и против крестьянства.

Эта вреднейшая, антибольшевистская точка зрения подверглась резкой критике на VI съезде партии. Давая отпор Бухарину, товарищ Сталин указывал, что бухаринский анализ «неверен в самой основе». По мнению Бухарина, на первом этапе мы шли к крестьянской революции. Это утверждение ничего общего не имело с действительным ходом революции. Развитие крестьянской революции не могло не совпасть с рабочей революцией. Рабочий класс, составляя авангард революции, боролся вместе с тем за свои собственные требования.

На втором этапе, как утверждал Бухарин, должна была совершиться пролетарская революция при поддержке Западной Европы; но крестьянство,—утверждал Бухарин,—не примет участия в этой революции, ибо оно, получив землю, не будет заинтересовано в проведении пролетарской революции.

В своей «игрушечной схеме», как назвал ее товарищ Сталин, Бухарин не дал ответа на вопрос о том, против кого направлена пролетарская революция.

Таким образом, Бухарин на VI съезде защищал антиленинскую, путаную точку зрения, которая сочетала и каменевщину и троцкизм и поэтому съездом была решительно отвергнута.

VI съезд под руководством товарища Сталина установил правильную, ленинскую линию по отношению к крестьянству, создав таким образом важнейшую предпосылку победы революции.

Во всех главнейших решениях VI съезда партии: в резолюции о политическом положении, в резолюции по текущему моменту, в резолюции по докладу ЦК — заключается требование перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Союз пролетариата с беднейшими слоями крестьянства, который на деле был осуществлен, обеспечил победу социалистической революции. В резолюции о политическом положении говорится:

«Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема»¹.

Во всех решениях съезда эта постановка вопроса о союзнике пролетариата была проведена твердо и неуклонно.

Само собой разумеется, что союзником российского пролетариата в социалистической революции является международный пролетариат. Эту мысль о наших союзниках товарищ Сталин формулировал на съезде следующим образом:

«После того как контрреволюция с полной очевидностью вскрыла связь нашей буржуазии с союзным капиталом, стало еще очевиднее, что в нашей революционной борьбе мы должны опираться на три фактора: российский пролетариат, крестьянство и международный пролетариат, так как судьбы нашей революции тесно связаны с западноевропейским движением»².

* * *

Для того, чтобы осуществить руководящую роль в отношении крестьянства и выполнить все коренные задачи социалистической революции, рабочий класс должен был прежде всего организовать свои ряды. Нужно было обеспечить большевистское влияние и руководство в профсоюзах. На съезде был поставлен специальный вопрос — о профессиональных союзах и о боль-

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 24С.

² Там же, стр. 140.

шевистской работе в них. Съезд показал всю оппортунистическую суть меньшевистской теории «нейтральности» профсоюзов и предложил всем членам партии вступать в профессиональные союзы и вести там большевистскую работу, добиваясь превращения их в боевые классовые организации. Основное внимание было направлено на то, чтобы повести профсоюзы под руководством партии на борьбу за свержение буржуазного строя, за победу пролетарской революции.

К этой цели — подготовке сил пролетариата к вооруженному свержению власти буржуазии и завоеванию диктатуры пролетариата — были направлены все решения VI съезда партии.

* * *

Съезд обсудил вопрос об уставе партии. Устав большевистской партии не мог вызвать особых возражений. Съезд подтвердил устав, за который партия большевиков боролась на протяжении многих лет против меньшевиков. Но, учитывая иную обстановку, иные политические возможности, партия развернула внутрипартийную демократию, и вместе с тем она приняла ряд мер к отбору и вовлечению в свои ряды лучших людей рабочего класса. В уставе партии, принятом VI съездом, предлагалось принимать новых членов по рекомендации двух членов партии и утверждать их на общем собрании партийной организации.

VI съезд принял группу межрайонцев в партию.

Почему они были приняты VI съездом в партию? Известно, что среди членов организации межрайонцев были и бывшие большевики, и такой старый меньшевик, как Троцкий. Но мы должны помнить, что с самого приезда в Россию и еще раньше Ленин указывал на то, что основным признаком, по которому можно решать теперь вопрос об объединении с теми или иными социал-демократическими группами, — это вопрос об отношении к войне и к вооруженному восстанию. Во время войны межрайонцы занимали по ряду важнейших вопросов центристскую позицию, но после февральской буржуазно-демократической революции они стали в более близкие отношения с большевистской партией, выступая совместно с большевиками против эсеров и меньшевиков. Во время VI съезда организация межрайонцев заявила, что она просит принять ее в партию.

Вместе с другими межрайонцами в 1917 году вступил в партию и Троцкий. До этого он всячески тормозил вступление межрайонцев в партию. Он не только предостерегал своих сторонников против опасности этого вступления, но уговаривал их войти в партию «компактной группой» и сохранить ее, не растворяясь в большевистской партии. Троцкий на деле сохранил свою «компактную группу» на всем протяжении пребывания в ВКП(б) для борьбы против большевизма, для того, чтобы в тот или иной момент сделать попытку подменить большевизм троцкизмом.

Еще во время борьбы большевиков с межрайонцами Ленин сделал запись, из которой видно, что Троцкий не был тогда большевиком. В мае 1917 года Ленин, составляя план брошюры «Об апрельской конференции 1917 г.», отметил, что Троцкий в то время был выразителем колебаний мелкой буржуазии. Ленин записывает:

«Колебания м(елкой) б(уржуа)зии: Троцкий

Ларин и Биншток

Мартов

«Нов(ая) Жизнь»¹.

¹ Ленинский сборник IV, стр. 296.

Всякому ясно, что Ленин считал Троцкого в то время, по возвращении его из-за границы, представителем левого крыла колеблющейся мелкой буржуазии. VI с'езд, принимая межрайонцев в большевистскую партию, в своей резолюции записал, что партия противопоставляет опасному лозунгу единства всех свой классовый революционный лозунг: «единство всех интернационалистов, порвавших на деле с меньшевиками-империалистами...»¹.

Вступая в партию вместе с межрайонцами, Троцкий тем самым заявил, что порывает со своим меньшевистским прошлым и становится на позиции большевистской партии. Но это был подлый обман; Троцкий только на словах свернул свои разногласия с большевистской партией. По выражению товарища Сталина, Троцкий «спрятал в шкаф» свое меньшевистское оружие, которое он не раз извлекал позже для борьбы против большевизма, пока он не был исключен из партии и изгнан из Страны советов как злейший враг, как контрреволюционер.

«...троцкизм был фракцией меньшевизма до вступления троцкистов в нашу партию, он стал временно фракцией коммунизма после вступления троцкистов в нашу партию, он стал вновь фракцией меньшевизма после изгнания троцкистов из нашей партии. «Собака вернулась к своей блевотине»².

Мы знаем, что троцкизм в дальнейшем стал головным отрядом фашизма, превратился в самую отвратительную и гнусную, шпионско-диверсантскую, террористическую агентуру германо-японского фашизма.

* * *

Двадцатилетие VI с'езда является и двадцатилетием существования коммунистического союза молодежи. Среди комсомольцев есть немало товарищей, родившихся после VI с'езда, уже успевших доказать свою преданность большевизму. Этому приходится только радоваться. Приходится радоваться тому, что партия Ленина—Сталина воспитала ленинский комсомол — могучую организацию, которая проходит великолепную школу воспитания под руководством ВКП(б). Это люди ленинско-сталинской закалки, которые учатся и в теории и на практике великой науке строительства социализма. Громадное значение имело решение VI с'езда об организации союза молодежи. Одни склонялись к тому, что такой союз должен с самого начала организовываться под крепким руководством большевистской партии. Другие считали необходимым подчеркнуть, что этот союз является беспартийным союзом. Третьи придавали особенное значение тому, чтобы не было никакой опеки над союзом молодежи. VI с'езд, учтя в своей резолюции особенности условий, в которых создавался союз молодежи, предложил партийным организациям на местах обратить самое серьезное внимание на дело организации молодежи.

«VI с'езд имеет исключительное значение в истории партии. Он заседал перед новым под'емом революции. Апрельская конференция большевиков нацелила партию на перерастание буржуазной революции в социалистическую, VI с'езд нацелил партию на вооруженное восстание»³.

На основе решений VI с'езда партии проведена была огромнейшая работа в предоктябрьский период. Решения VI с'езда получили глубокую, все-

¹ Протоколы шестого с'езда РСДРП(б), стр. 253.

² Ответ товарища Сталина тт. Олехновичу и Аристову по поводу письма в редакцию «Пролетарской революции» «О некоторых вопросах истории большевизма», «Большевик» № 16 за 1932 год, стр. 47.

³ «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 320.

стороннюю историческую проверку. Они были абсолютно правильными. На основе этих решений VI съезд партии подготовил массы к вооруженной борьбе, подготовил свои боевые кадры, укрепил влияние партии на крестьян, рабочих, солдат и матросов, усилил работу военных организаций. То был съезд боевой подготовки большевистской партии к октябрьским боям, к Великой пролетарской революции.

Осуществляя дело Ленина, товарищ Сталин на VI съезде сплотил партию вокруг боевого и решающего вопроса — свержения буржуазного правительства и захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством. Делегаты съезда раз'ехались на места с твердой установкой. Началась усиленная подготовка к свержению диктатуры контрреволюционной буржуазии, подготовка Великой пролетарской революции.

Двадцать лет, прошедших со времени VI съезда, представляют собой целую эпоху борьбы за социализм. В историю партии VI съезд вошел как съезд боевой подготовки к Октябрьской революции, к началу мировой социалистической революции. Он собрался в условиях необычайно тяжелых, когда буржуазия стремилась разгромить нашу партию. Но большевики знали, куда ведет путь ленинизма. Уверенные в правильности этого пути, опираясь на крепкую организацию, опираясь на широкие рабочие, солдатские и крестьянские массы, большевики решительно отбросили колебания оппортунистов, капитулянтов, малOVERов, штрейкбрехеров Октября. Большевистская партия отбросила тех, кто не верил в путь социалистической пролетарской революции, и смело повела массы к боевому Октябрю и в этой величайшей схватке привела пролетариат к диктатуре, к построению социалистического общества.

В свете опыта двух десятилетий, истекших со времени VI съезда, становится еще более значительной та роль, которую играл на этом съезде вождь большевистской партии, ее боевой знаменосец и верный ленинец — товарищ Сталин.

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

А. Ерусалимский

Мировая война 1914—1918 годов была войной империалистической со стороны держав обеих группировок, участвовавших в ней, ибо она являлась продолжением той политики «грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения», которую «в течение десятилетий, почти полувека» вели «правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России» (Ленин).

Все участники войны ставили себе целью империалистический передел мира. Однако в силу неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, в эпоху господства финансового капитала, наибольшей агрессивностью отличался германский империализм, выступивший на арену мировой политики, когда лучшие «места под солнцем» были уже захвачены его соперниками. Говоря о германском империализме довоенного периода, Ленин подчеркивал, что по сравнению с англо-французской группой империалистов это была «...еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию, превращающую старый капитализм, капитализм эпохи свободной конкуренции, в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей»¹.

М. Н. Покровский и его историческая «школа» всячески пытались доказать обратное. Развивая антиленинскую концепцию о миролюбии, якобы свойственном довоенному германскому империализму, Покровский игнорировал объективные исторические факты, искажая исторический вопрос о корнях первой мировой империалистической войны. Эта антинаучная, антиисторическая концепция Покровского является оправданием позиций германского империализма.

Не так давно Гитлер просто запретил говорить об агрессивной роли Германии в 1914 году. Но предшествовавшие Гитлеру правительства еще пытались вести дискуссии по этому вопросу. Насколько далеко заходит апологетическая концепция Покровского, видно из того, что одна из его исторических работ была использована в Германии в качестве официального документа в приложении к меморандуму, составленному в 1919 году по заданию германского правительства, чтобы доказать отсутствие у Германии агрессивных замыслов перед мировой войной.

Между тем Ленин указывал, что именно Германия, наиболее агрессивная из всех империалистических держав, сочла обстановку летом 1914 года достаточно благоприятной для себя, чтобы приступить к вооруженной борьбе за передел мира. Именно Германия была главным зачинщиком империалистической войны 1914—1918 годов.

«На деле немецкая буржуазия, — писал Ленин, — предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить нацио-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 336—337.

нальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией»¹.

* * *

Общая оценка обстановки, создавшейся в 1914 году, как ситуации, благоприятной для начала войны, сложилась в руководящих политических кругах Германии еще до сараевского убийства. Что война неизбежна, что она даже необходима, являлось аксиомой для всех основных империалистических держав. Дело заключалось лишь в выборе момента. И вот после балканских войн 1912—1913 годов и особенно к весне 1914 года в Берлине стала все более укрепляться мысль о том, что время начинает работать против Германии и ее австро-венгерского союзника. Постепенно назревал вопрос, не пора ли принять то «великое решение», которое потрясет мир, но которое должно привести к значительному расширению «места под солнцем» для Германии.

Обстоятельства складывались как будто благоприятно. Во всяком случае казалось, что вряд ли можно ожидать более благоприятного момента. Еще до сараевского убийства, при свидании в Конопиште, австрийский эрцгерцог (престолонаследник) Франц-Фердинанд убеждал императора Вильгельма, что царская Россия нестрашна, ибо «внутренние затруднения там слишком велики, чтобы позволить этой стране вести агрессивную внешнюю политику»². Собственно, убеждать в этом Вильгельма не приходилось: он сам, как и его ближайшее окружение, полностью разделял эту точку зрения. Считали, что не подготовлена и Франция, ибо принятый там закон о трехлетней военной службе еще не был полностью проведен в жизнь. Считали, что и Англия не готова к большой континентальной войне, да и едва ли будет стремиться к ней в ближайшее время, так как испытывает ряд внутренних затруднений; подъем стачечного движения в Англии и казавшееся неминуемым начало гражданской войны в Ирландии — все это (так думали в Берлине) заставит английское правительство, по крайней мере на ближайший период, избегать серьезных внешнеполитических осложнений. Некоторое опасение вызвала поездка короля Георга V и английского министра иностранных дел Эдуарда Грея в Париж весной 1914 года, но из Лондона были получены самые благоприятные и успокаивающие заверения.

Казалось, никогда еще большинство английского общественного мнения и правительственные круги не были настроены столь благожелательно к Германии, как весной 1914 года. Английский флот участвовал в торжествах при открытии Кильского канала. Более того: намечалось урегулирование одного из острейших вопросов англо-германской борьбы — вопроса о багдадской железной дороге. Соглашение было уже накануне подписания. Урегулирован был и вопрос о разделе португальских колоний.

Правда, в Берлине вызвали беспокойство секретные переговоры между Россией и Англией о заключении морской конвенции. Однако Грей начисто отрицал даже самый факт ведения переговоров, хотя в Берлине получены были «из Петербурга секретные, но безусловно надежные сообщения.. относительно начатых уже... переговоров между Англией и Россией»³. Самый факт

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 61—62.

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette». Bd. XXXIX, № 15736.

³ «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914». Bd. I, № 6.

разоблачения в печати приостановил течение этих переговоров. К тому же эти опасения в известной степени компенсировались некоторым охлаждением между царской Россией и Англией в связи с их усилившимся империалистическим соперничеством в Персии.

Германская дипломатия со своей стороны делала все возможное, чтобы углубить и разжечь эти трения, которые действительно зашли столь далеко, что обнаружились явные признаки кризиса старого соглашения 1907 года. На Балканах же дело складывалось так, что хотя не исчезли надежды на лояльное выполнение Румынией ее союзных обязательств, но ее дальнейшая позиция вызывала и в Берлине и в Вене подозрения, особенно после июньского визита Николая II и русского министра иностранных дел Сазонова в Констанцу. Зато укрепилось австро-германское экономическое и политическое влияние в Болгарии и в Турции, и можно было ожидать, что вскоре, если понадобится, они примкнут к Тройственному союзу.

Правда, дальнейшие судьбы Тройственного союза вызывали в Берлине серьезные опасения. Италия ввиду ее противоречий с Австро-Венгрией на Балканах, а также в связи с национальной политикой Австрии по отношению к населяющим ее итальянцам явно отходила в сторону Антанты.

Будущее Австро-Венгрии, раздираемой классовыми и сложными национальными противоречиями, также не сулило ничего утешительного. В Вене все более укреплялось мнение, что сохранить от развала многонациональную австро-венгерскую монархию удастся лишь путем внешней победоносной войны. Такую войну Австро-Венгрия готовила против Сербии. После балканских войн окончательно возобладало мнение, что главный враг — это Сербия, центр притяжения живущих в Австро-Венгрии южных славян, стремящаяся завершить свое национальное воссоединение.

Наконец, рознь между австрийской буржуазией и венгерскими магнатами все увеличивалась. Во время свидания с Вильгельмом в Конопиште австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд жаловался на венгерцев и на все усиливающееся влияние главы их правительства графа Тиссы. «Уже теперь, — говорил он, — как только Тисса собирается в поездку, Вена начинает дрожать, и как только Тисса прибывает в Вену, все падают перед ним на брюхо»¹. Триалистические планы² Франца-Фердинанда обостряли эту рознь, вызывая недовольство и венгерцев и многих австрийских деятелей. Чего же можно было ждать в будущем?

Гитлер в своей книге «Моя борьба» критикует довоенный германский империализм за то, что он связал свою судьбу с «мумией» — австро-венгерской монархией. К 1914 году, как-никак, Австро-Венгрия пока еще стояла на ногах, Италия и Румыния окончательно еще не отошли от группировки центральных держав; в неприятельском лагере Россия еще не закончила своей программы вооружений; чванливые статьи, исходящие от русского военного министра Сухомлинова («Россия готова, должна быть готова и Франция!»), отнюдь не могли ввести в заблуждение германский генеральный штаб, который от своих агентов из окружения того же Сухомлинова знал, что Россия еще отнюдь не готова к войне; германскому генштабу было известно также, что Франция не закончила своей программы вооружений. Позиция Англии казалась достаточно благоприятной, чтобы можно было рассчитывать на ее нейтралитет, по крайней мере в начальный период войны. Зато германская армия находилась в полной боевой готовности, и в Берлине считали, что молниеносным ударом можно сразу разгромить

¹ «Die Grosse Politik». Bd. XXXIX, № 15736.

² Эти планы предусматривали превращение двуединой австро-венгерской монархии в триединое государство, в котором южные славяне должны были занять положение, аналогичное австрийцам и венгерцам. Разумеется, эти планы могли быть осуществлены только после разгрома Сербии.

противников на континенте и изменить в свою пользу соотношение сил в Европе.

Правда, внутреннее положение Германии омрачалось для правящих буржуазно-юнкерских кругов подъемом социалистического рабочего движения, но это было одним из мотивов в пользу «великого решения». Такой вдумчивый наблюдатель, как Камбон, французский посол в Берлине, еще в конце 1913 года отметил, что эти круги «желают войны из социальных соображений, так как они хотят переключить внимание на интересы внешнеполитического характера, которые одни только в состоянии помешать росту влияния демократических и социалистических масс».

Таковы были в своей совокупности настроения правящих политических и военных кругов Германии, когда вечером 28 июня было получено известие, что в Сараеве молодым сербом убит эрцгерцог Франц-Фердинанд. Император Вильгельм, очевидно, в первый момент несколько растерявшийся от неожиданной вести, сказал: «Придется начинать все сначала».

Правящие круги в Берлине и в Вене были потрясены убийством австро-венгерского престолонаследника. В Будапеште с трудом скрывали радость по поводу избавления от ненавистного носителя триалистических идей. Со стороны европейских правительств последовали искренние или притворные официальные соболезнования. В широких народных массах убийство не произвело особенно сильного впечатления. Следует отметить, что социал-демократическая пресса рыдала над гробом эрцгерцога: «Этот слепой выстрел в один страшный момент положил конец всем ожиданиям и стремлениям, всем помыслам и намерениям, которые могли осуществиться и вернуться на основе императорской власти!»¹. В финансовых кругах Вены считали, что выстрелом в Сараеве устранен один из главных организаторов войны и, следовательно, шансы мира поднимаются. Одновременно пошел вверх и курс государственной ренты. В Италии в связи с убийством кое-где состоялись демонстрации, в которых выражалась нескрываемая радость по поводу убийства ненавистного австрийского престолонаследника. Европейская пресса большей частью выражала убеждение, что австро-венгерское правительство теперь возьмет более спокойный и умеренный внешнеполитический курс.

Но в Вене, не раскрывая карт перед внешним миром, уже решили действовать. Началось обсуждение вопроса о том, как подготовить общественное мнение. В Берлине также решили, что настало время действовать. «Теперь или никогда!» — написал Вильгельм на полях донесения германского посла в Вене фон Чиршки, который сообщал, что в Вене высказывают «пожелание, что нужно, наконец, основательно посчитаться с сербами». Не будучи еще информирован о настроениях берлинских правящих кругов, Чиршки воспользовался своим влиянием в Вене, «чтобы спокойно, но весьма настойчиво и серьезно предостеречь от слишком поспешных шагов». Эта непрошенная инициатива Чиршки привела германского императора в неистовство. «Кто его на это уполномочил? — пишет Вильгельм. — Это очень глупо! Это его совсем не касается, так как исключительно делом самой Австрии является, что она намерена предпринять дальше. А потом, если дела пойдут плохо, скажут: Германия не хотела! Пусть Чиршки соблаговолит оставить этот вздор! С сербами нужно покончить, и именно сейчас же»².

О позиции, занятой Германией с самого начала, австро-венгерское правительство еще не было осведомлено. Но через несколько дней эта позиция была официально разъяснена, и для сомнений не осталось места. 5 июля австро-венгерский посол в Германии граф Сегени был принят в Потсдаме Виль-

¹ «Арbeiter цейтунг» от 29 июня 1914 года.

² «Die Deutschen Dokumente». Bd. I. № 7.

гельмом, которому он вручил привезенное накануне начальником канцелярии австро-венгерского министерства иностранных дел графом Гойошем письмо императора Франца-Иосифа вместе с меморандумом, составленным министерством еще до убийства в Сараеве. В меморандуме заключалась программа усиления позиций австро-германского империализма на Балканах.

Франц-Иосиф в своем письме зондировал позицию Германии относительно возможного конфликта с Сербией. Очевидно, и Австро-Венгрия и Германия отдавали себе полный отчет в том, что австро-сербский конфликт не может остаться локализованным. По позднейшему свидетельству графа Гойоша¹, в потсдамских переговорах 5 июля 1914 года он прямо заявил, что Австро-Венгрия считает «по внутренним и внешнеполитическим причинам... момент подходящим для выступления против Сербии, даже с риском вызвать конфликт с Россией. Мы, с другой стороны, точно знали, — признает Гойош, — что подобная политика может спровоцировать мировую войну».

Австро-венгерское правительство, таким образом, запрашивало своего германского союзника, считает ли Германия со своей стороны благоприятной обстановку для вооруженного конфликта и готова ли вооруженной рукой поддержать Австрию. На это, как указывает Гойош, и германский канцлер Бетман-Гольберг и помощник статс-секретаря по иностранным делам Циммерман дали совершенно недвусмысленный ответ: «Вы можете во всяком случае рассчитывать на нашу поддержку, поддержку верных союзников, и мы считаем, что если война должна разразиться, было бы лучше, чтобы это случилось сейчас, чем через два года, когда Антанта сделается более сильной»².

Буржуазная историография стран Антанты в апологетических целях содала версию, что 5 июля в Потсдаме состоялся «коронный совет», на котором было принято решение начать войну. В ответ на это германская апологетическая историография легко доказала, что никакого «коронного совета» не было, и тем самым пыталась создать впечатление, что подобного решения быть не могло. Действительно, никакого «коронного совета» не было. Вопрос, очевидно, настолько назрел и решение казалось настолько само собой разумеющимся, что не требовалось совещаний. Представителям австро-венгерского правительства было просто сказано, что поддержка в затеваемой ими войне против Сербии при всех возможных условиях обеспечена полностью и целиком. После этого к Вильгельму были вызваны представители военного и морского министерства, и он отдал приказ начать подготовительные мероприятия на случай войны. Несколько дней спустя — уже по другому поводу — Вильгельм повторил слова Фридриха II: «Я против военных советов и совещаний, ибо всегда получает перевес более трусливая сторона»³.

В Вене шла напряженная закулисная дипломатическая, военная и политическая подготовка к объявлению войны Сербии. Австрийское правительство, как, впрочем, и германское, стремилось подготовить общественное мнение к предстоящей войне и вместе с тем не дать повода Антанте заподозрить наличие этого решения. Австрийская дипломатия повсюду заверяла, что в Вене ничего не замысливается. И даже позднее, всего за 5 дней до предъявления ультиматума Сербии, австрийский посол в Петербурге граф Сапари уверял Сазонова «в полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией». «Он был кроток как ягненок»⁴, — заметил Сазонов после этой беседы с австрийским представителем.

¹ «Журналь де деба» от 12 ноября 1931 года.

² Там же.

³ «Die Deutschen Dokumenten». Bd. I, № 29.

⁴ «Международные отношения в эпоху империализма». Серия III. Т. IV, стр. 329.

В правящих кругах Австро-Венгрии шли между тем споры и о методах, и о целях расправы с Сербией. Граф Тисса, в частности, опасался, что присоединение сербского населения к Австро-Венгрии после разгрома Сербии усилит славянский элемент в ущерб влиянию венгерцев. Австрийское правительство заботилось и о дипломатической подготовке войны против Сербии, с тем чтобы вина пала на правительство Сербии. Война в принципе была решена, и надо было, с одной стороны, представить ее народным массам самой Австро-Венгрии как войну оборонительную, а с другой стороны, позаботиться о впечатлении, какое может создаться в других балканских странах и в Европе.

Наконец, еще не закончено было расследование обстоятельств сараевского убийства, и никак не удавалось сформулировать претензии к Сербии. Возникла опасность: а вдруг Сербия удовлетворит предъявляемые ей требования? Сообщая об этих опасениях Берхтольда, австровенгерского министра иностранных дел, Чишки указывал, что если бы сербы приняли все предъявленные им требования, это было бы «крайне несимпатичным» решением вопроса, и он еще обдумывает, какие можно было бы выставить требования, которых Сербия совершенно не в состоянии была бы принять. Но в Берлине сочли, что незачем ломать себе голову над этим. «Очистить Санджак! и тогда сейчас же свалка налицо! — написал Вильгельм на полях донесения из Вены. — Австрия, безусловно, должна сейчас же вернуть его себе, чтобы не допустить объединения Сербии с Черногорией и выхода Сербии к морю»¹.

Пока в Вене изыскивали формулы для таких требований, которые Сербия никак не могла бы удовлетворить, германское правительство со своей стороны занялось подготовкой общественного мнения внутри страны и за границей к предстоящим событиям, стремясь вместе с тем подчеркнуть свою полную непричастность к ним. Специальной секретной инструкцией германское правительство предлагало своим дипломатическим представителям за границей повлиять на прессу в таком духе: необходимо уверить общественное мнение Европы, насколько возможно, в правоте Австрии и «самым тщательным образом скрыть все то, что может возбудить подозрение, будто мы (т. е. Германия. — А. Е.) подстрекали австрийцев к войне»².

Одновременно, с целью обработки народных масс в самой Германии, близкая к правительству пресса начала помещать статьи о назревающем австро-сербском конфликте «в умышленно мягком тоне, с оглядкой на европейскую дипломатию». Германский статс-секретарь по иностранным делам Ягов указывал, что «высокоофициозной газете не следует заранее бить тревогу», просил Чишки раз'яснить это австрийскому правительству, чтобы такой тон германской прессы не был в Вене «ложно истолкован как отказ Германии от своей решимости»³ полностью и целиком поддержать выступление Австро-Венгрии.

Германская дипломатия особое внимание обращала также на то, чтобы добиться от Италии лояльного выполнения союзных обязательств в случае войны. Уже в середине июля в Берлине пришли к убеждению, что за эту лояльность Италии придется платить — за чужой счет, конечно. Ягов считал, что Триент — достаточная компенсация: «Это настолько жирный кусок, что он заткнул бы глотку даже самым австрофобским элементам» Италии⁴.

Из Германии неустанно продолжали указывать австровенгерскому правительству, что нужно действовать против Сербии самым энергичным обра-

¹ «Die Deutschen Dokumente». Bd. I, № 29.

² Там же, № 36.

³ Там же, № 70.

⁴ Там же, № 46.

зом, ибо обстановка для этого складывается максимально благоприятная. На чем основывалась подобная оценка международной политической конъюнктуры?

Германское правительство, несомненно, исходило из того, что время начинает работать против Германии: если Австрия не предпримет военного похода против Сербии, это ускорит распад придунайской монархии, и тогда Германии в ближайшем будущем грозит потеря последнего союзника.

«И по внутренним и по внешним основаниям, — развивал эти мысли Ягов, — для нас необходимо сохранение Австрии, притом, по возможности, сильной Австрии. Охотно признаю, что ее не удастся сохранить навеки. Но со временем найдутся, быть может, другие комбинации». Это письмо интересно тем, что оно раскрывает характерные для правящих кругов Германии политические расчеты и настроения.

«Мы должны постараться локализовать конфликт между Австрией и Россией, — писал Ягов. — Удастся ли это, будет зависеть прежде всего от России или же, во вторую очередь, от умеряющего влияния ее собратьев по Антанте. Чем решительнее проявит себя Австрия, чем энергичнее мы ее поддержим, тем вернее будет хранить спокойствие Россия. Правда, без некоторого брицания оружием в Петербурге дело не обойдется, но по существу Россия сейчас небоеспособна. Франция и Англия тоже не захотят сейчас воевать. Через несколько лет Россия, по общему мнению людей компетентных, будет готова к войне. Тогда она забьет нас численностью своих солдат, тогда у нее будут построены балтийский флот и стратегические дсрoги. Между тем наша группировка становится все слабее. В России об этом прекрасно знают и потому решительно хотят покоя еще на несколько лет».

Однако отсутствовала полная уверенность в том, что эта политика угроз будет удачна. Не было также уверенности — и не без оснований — в том, что русский царизм не бросится в военную авантюру. В Берлине, конечно, полностью учитывали, что разгром Сербии при нейтралитете царской России будет равносителен поражению последней еще до начала войны. В таком случае царская Россия потеряла бы свое политическое влияние на Балканах и лишилась бы возможности активно участвовать в империалистической борьбе. Иначе говоря, германский империализм без единого выстрела создал бы условия, по существу, равнозначные крупной победе.

Но все говорило за то, что царская Россия при всей своей неподготовленности выступит на стороне Сербии и что расчеты на локализацию конфликта — несбыточная иллюзия. Ягов указывал, что в случае перерастания австро-сербского конфликта в австро-русский Германия неизбежно должна бросить на весы свой меч. «Мы не сможем принести Австрию в жертву, — указывал Ягов. — Тогда мы оказались бы в состоянии изоляции, которую нельзя было бы назвать гордой. Я не хочу превентивной войны, но если придется воевать, то нельзя же нам дрейфить (kneifen). Я и сейчас еще надеюсь и верю, что конфликт удастся локализовать, причем большое значение будет иметь позиция Англии»¹.

Так писал Ягов германскому послу в Лондоне Лихновскому, одному из немногих, кто взывал к осторожности и предостерегал германское правительство об опасностях избранного пути. Напрасный труд! Правящие круги в Берлине были твердо убеждены в благоприятной ситуации для развязывания превентивной войны против империалистических соперников, также подготовляющихся к войне. Другие же «не могли сметь свое суждение иметь» и поддакивали, поскольку вся военная и политическая верхушка решила воевать. Эти настроения довольно точно передал Сегени, австрийский посол. Он писал, что «император Вильгельм, равно как и все другие руко-

¹ «Die Deutshen Dokumente». Bd. I, стр. 72.

водящие здесь лица... самым решительным образом подбадривают нас, убеждая не упустить момента и решительно выступить против Сербии, чтобы раз и навсегда навести порядок в тамошнем гнезде революционных заговорщиков». Нажим со стороны этих кругов был столь значителен, что даже сам Сегени призадумался, что все это может означать и чем все это объясняется:

«В последнее время в Германии окрепло убеждение, что Россия не просто учитывает войну как некую возможность в будущем, а непосредственно строит свои расчеты на ней. Но... вооружаясь изо всех сил в расчете на войну в будущем, Россия не замышляет ее в настоящий момент или, лучше сказать, сейчас еще недостаточно подготовлена к войне. Поэтому абсолютно не предрешено, что в случае войны Сербии с нами Россия придет к ней на помощь с оружием в руках; если русская империя даже решится на это, она сейчас еще далеко не готова в военном отношении и не так сильна, как, предположительно, будет через несколько лет. Далее, германское правительство полагает, что... Англия в настоящий момент менее всего стремится к войне и совершенно не склонна таскать каштаны из огня для Сербии или, в конечном счете, для России»¹.

Локализация войны между Австро-Венгрией и Сербией представлялась Германии желательной, однако было очевидно, что это наименее возможный вариант. Становилось ясным, что Россия при всей своей неподготовленности не останется в стороне, что за ней последует и Франция и что, таким образом, европейский конфликт неизбежен. Но и на это правящие круги Германии шли со спокойным сердцем, в уверенности, что германские войска смогут, по плану Шлиффена, одним ударом разгромить Францию, а затем обрушиться на Россию.

Более устойчивой была надежда на нейтралитет Англии. Британская дипломатия, со своей стороны, долгое время старалась не разубеждать Германию в этом. Наоборот, линия английского правительства, заявление короля Георга, тон прессы и т. д. — все это создавало в Берлине впечатление, что можно надеяться на нейтралитет Англии. Тем самым английская дипломатия фактически подталкивала Германию на выступление. Но даже на худой конец, думали в Берлине, если Англия вмешается, можно нанести Франции удар раньше, чем подоспел Англия. Поэтому главное — стремительное развитие событий и молниеносный удар. В Берлине, сообщал Сегени, «видят в каждой проволочке открытия военных действий большую опасность вмешательства другой державы. Нам советуют самым настоятельным образом немедленно выступить и поставить мир перед совершившимся фактом»².

Это было уже после вручения ультиматума. До этого получилась вынужденная проволочка: выяснилось, что вручение ультиматума Сербии придется отложить, ибо по времени это совпадет с пребыванием Пуанкаре в Петербурге и тогда Франция и Россия смогут договориться о том, как действовать. «Какая досада!» — воскликнул искренно огорченный Вильгельм.

Несмотря на все попытки скрыть замышляемый внезапный удар против Сербии, все делалось так грубо и неуклюже; что в лагере Антанты очень скоро возникло серьезное подозрение: уже 8 июля Грей зондировал почву у Лихновского о намерениях германского и австрийского правительств. Назревающие и в глубокой тайне готовящиеся события были, несомненно, предметом переговоров между Россией и Францией во время пребывания Пуанкаре в Петербурге. Тогда и было предварительно решено принять вызов, если он будет брошен Германией и Австро-Венгрией. Во всяком случае, Пуанкаре сделал довольно решительное и, нужно сказать, бесцеремонное

¹ «Österreich-Ungarns Aussenpolitik». Bd. VIII, № 10215.

² «Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914». Wien. 1919. Bd. II, № 32.

предупреждение австрийскому послу в Петербурге. Аналогичное предостережение сделал и Сазонов.

Но в Вене и в Берлине заранее знали, на что идут. К тому же не была потеряна надежда, что русско-французская угроза останется лишь угрозой. И вот, в тот самый час, в 6 часов вечера 23 июля, когда Пуанкаре отплывал из Петербурга (это было точно предусмотрено!), австрийский посланник в Белграде Гизль вручил сербскому правительству ультимативную ноту. О ее содержании Берлин, в основном, был уже информирован в середине июля. Там знали, что нота «так средактирована, что Сербия наверняка не сможет ее принять».

Известие о вручении ультиматума вызвало в Берлине аплодисменты. «Браво! — писал Вильгельм. — От венцев этого уже не ждали! Каким пустым оказывается все так называемое великосербское государство; так обстоит дело и со всеми славянскими государствами! Только бы покрепче наступить на ноги этой сволочи!»¹.

Текст ультиматума превзошел самые пессимистические предположения. Грей, ознакомившись с нотой, назвал ее «страшным документом». Сазонов, ознакомившись с ультиматумом, воскликнул: «Это европейская война!»².

Уверенное в поддержке Франции, царское правительство решило действовать. Еще утром 25 июля в Петербурге было решено ввести со следующего дня на всей территории России положение о подготовительном к войне периоде. В тот же день подготовительные мероприятия стали проводиться и во Франции и в Англии. Австро-сербский конфликт сразу начал разрастаться в конфликт всеевропейского масштаба. В этом отдавали себе отчет обе стороны. Когда Сазонов угрожающе заявил германскому послу Пурталесу, что «если Австро-Венгрия поглотит Сербию, мы будем с нею воевать», в Берлине это вызвало довольно определенную реакцию. «Ну что ж, валийте!» — надписал Вильгельм на донесении из Петербурга.

В ожидании сербского ответа Австрия концентрировала войска на сербской границе. Однако непредвиденный ответ Сербии чуть не сорвал всю игру. Сербское правительство приняло в основном все требования неслышанного ультиматума, предложив только один пункт передать на рассмотрение держав. Столь тщательно подготовленный повод к войне как будто отпадал. Казалось, все придется начинать сначала. Тогда Берлин дал совет, означающий немедленное закабаление Сербии: «Этого можно добиться временной военной оккупацией части Сербии, подобно тому как мы оставили в 1871 году во Франции войска, пока не были уплачены миллиарды»³. Но еще до этого, 25 июля, австрийское правительство разорвало отношения с Сербией. Через три дня началась бомбардировка Белграда.

С этого момента задача всех держав, входящих в обе империалистические группировки, заключалась в том, чтобы под покровом дипломатических переговоров о локализации конфликта, о посредничестве между Австрией и Сербией, между Австрией и Россией успеть провести необходимые мобилизационные меры, а также политические и дипломатические шаги, которые позволили бы изобразить надвигающуюся империалистическую войну перед народными массами как войну, вынужденную нападением противника, как войну оборонительную.

Инициатива посредничества исходила из Лондона: английское правительство пыталось разыграть перед массами роль чемпиона пацифизма и вместе с тем прощупать, насколько далеко зашла Германия в своей политике развязывания войны. Английские предложения крайне затрудняли германскую игру, и без того достаточно бездарную. В Берлине начали понимать,

¹ «Die Deutschen Dokumente». Bd. I, № 159.

² «Международные отношения». Т. V, № 25.

³ «Die Deutschen Dokumente». Bd. II, № 293.

что отказ от посредничества, предложенного Англией, возложил бы на Германию «ответственность перед всем светом за мировой пожар и выставил бы нас как подлинных поджигателей войны. Это создало бы для нас немыслимое положение и в собственной стране, где мы должны выступать как попускаемые к войне»¹. Поэтому, передавая Вене некоторые посреднические предложения, берлинская дипломатия дала понять, что не следует принимать дело всерьез: это, мол, вынужденный маневр, иначе «мы были бы признаны Англией и всем миром ответственными за мировой пожар и подлинными поджигателями войны. Это, с одной стороны, лишило бы нас возможности поддержать нынешнее хорошее настроение в стране, а с другой стороны, побудило бы Англию отказаться от нейтралитета»².

Позиция Англии, однако, вскоре принесла Германии огромное разочарование. После того как развязывание войны зашло достаточно далеко, военный механизм уже был пущен в ход и предотвратить пожар не было возможности, английская дипломатия постепенно начала сбрасывать маску, показывая свое подлинное лицо. 29 июля Грей достаточно определенно заявил Лихновскому, что в Берлине ошибаются, если рассчитывают на английский нейтралитет в случае европейской войны. Бурному неистовству, возмущению, досаде в правящих кругах германского империализма не было предела. Эти настроения выразились в сочной реплике Вильгельма.

«Англия открывает свои карты, — писал он, — в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и с нами, так сказать, покончено! Гнусная, торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами. Наглым обманом являются обращенные ко мне слова короля, сказанные Генриху (Прусскому): «Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне от этого как можно дольше». Грей уличает короля во лжи, и его слова Лихновскому — лишь угрызение нечистой совести: даже он сам чувствует, что обманул нас. К тому же это фактически угроза, соединенная с блефом, чтобы оторвать нас от Австрии, помешать мобилизации и взвалить на нас вину за войну. Он совершенно определенно знает, что стоит ему сказать одно только серьезное и резкое слово предостережения Парижу и Петербургу и порекомендовать нейтралитет, как оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам! Гнусный сукин сын! Одна только Англия несет ответственность за войну и мир, а не мы. Это нужно публично установить»³.

Если Франция и Россия с самого начала предвоенного кризиса добились поддержки Англии, то Германия и Австрия стремились заручиться обещанием Англии придерживаться политики нейтралитета. В Берлине зародилась даже мысль — заплатить Англии за нейтралитет предоставлением всей Персии. 29 июля в переговорах с английским послом Гошеном Бетман-Гольвег убеждал его настаивать на нейтралитете и уверял, что Германия не собирается после поражения Франции аннексировать ее территорию. Другое дело — захват французских колоний: тут Германия не давала никаких гарантий. При этом Бетман-Гольвег прозрачно намекал на готовность Германии поделиться с Англией в уплату за ее нейтралитет некоей толикой будущей добычи.

Весь этот дипломатический торг явно обанкротился. Когда стало ясно, что британский империализм встает на путь борьбы со своим германским соперником, в германских политических кругах впервые за все время кризиса обнаружилось известное смятение. Но, как выразился Бетман-Гольвег, «направление утеряно, и камень покатился». Балканы уже были охвачены огнем. Во всех империалистических странах Европы военные приготовления

¹ «Die Deutschen Dokumente». Bd. I, № 277.

² Там же. Т. II, № 283.

³ Там же, № 368.

шли полным ходом. Переговорами о посредничестве, о предотвращении войны каждое из империалистических правительств стремилось прикрыть эту подготовку и выиграть время. Каждое правительство стремилось свалить ответственность за войну на своего империалистического противника. Эти цели, в частности, преследовал обмен «мирными» телеграммами и взаимные увещевания Вилли и Ники¹.

Империалистические правительства стремились застигнуть массы враг-сплох. Учитывая громоздкость и медлительность своего мобилизационного аппарата, царское правительство, убедившись, что секретную мобилизацию провести не удастся, объявило 31 июля, в ответ на германские угрозы, всеобщую мобилизацию. Тогда же была объявлена и всеобщая мобилизация в Австрии. Немедленно германский посол ультимативно потребовал в Петербурге отмены мобилизации. Получив отказ, Германия 1 августа объявила России войну. Когда Бетман-Гольвега спросили, почему он так торопится объявить войну России, он ответил: «Иначе социал-демократы не будут со мной»². В тот же день в Германии была объявлена давно и тщательно подготовленная мобилизация. Восток Европы уже был обят военным пожаром.

Германский генеральный штаб в целях быстрого проведения плана Шлиффена требовал немедленного объявления войны Франции. Но тут произошло неожиданное событие: из Лондона поступило сообщение о готовности Англии сохранить нейтралитет и дать гарантии в том, что Франция не выступит вслед за своим русским союзником, если только Германия не нападет на Францию. Этот ловкий маневр английской дипломатии, казалось, связал руки германскому генеральному штабу. Вильгельм и его политическое окружение готовы были благоприятно отнестись к лондонскому предложению. «Итак, мы просто двинемся со всей армией на Восток», — заявил Вильгельм. Но начальник генерального штаба Мольтке рвал и метал и даже плакал, требуя отклонить английское предложение. Удар против Франции был давно предусмотрен планом Шлиффена как первое стратегическое мероприятие, и Мольтке не считал возможным ломать этот план. В конце концов решено было ультимативно потребовать от Франции нейтралитета в начинающейся русско-германской войне, а в случае готовности Франции пойти на уступки потребовать от нее в «залог» не более и не менее, как сдачи крепостей Туль и Верден. Французское правительство, уже заранее решившееся на войну, отклонило ультиматум. 3 августа, под вымышленным предлогом появления над Нюрнбергом французских самолетов, Германия объявила Франции войну. На следующий день германская армия вторглась в Бельгию. Это крайне облегчило английскому правительству окончательное принятие решения воевать с Германией.

Так пожар войны, вспыхнувший на австро-сербской границе, тотчас охватил Восток Европы и оттуда молниеносно перекинулся на Запад. Запылал весь мир.

Так была развязана первая мировая война, являвшаяся для всех ее участников войной империалистической. Борьба Сербии за национальное воссоединение, против угнетательской политики австро-венгерской монархии, сыграла известную роль в создании повода и в возникновении войны. Однако, как отметил Ленин, «национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны», ибо «вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически гетовили именно такого рода войну»³.

¹ Уменьшительные от «Вильгельм» и «Николай» — так именовали они друг друга в переписке.

² Бернгард Бюлов «Воспоминания», стр. 440. Соцэкгиз, 1935.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 125.

Буржуазные историки и политические пропагандисты много усилий затратили на доказательство того, что мировая война была просто результатом неблагоприятного стечения обстоятельств, нарушения равновесия между созданными политическими группировками держав и т. д. Но кто в таком случае несет ответственность за страшное преступление перед человечеством, именуемое мировой войной?

«Если создаются банки, которые ворочают сотнями миллионов рублей, если они накинули сети банковского грабежа на весь мир, если эти банки столкнулись в мертвой схватке, — кто виноват? — спрашивал Ленин. — Ищи виноватого! Виновато в этом все развитие капитализма за полвека, и нет выхода из этого, кроме свержения господства капиталистов и рабочей революции»¹.

Но общий вопрос о классовых корнях мировой войны 1914—1918 годов отнюдь не снимает конкретно-исторического вопроса о том, кто являлся главным зачинщиком войны, к которой все империалистические державы вели напряженную подготовку. Все имеющиеся материалы свидетельствуют о том, насколько правильно Ленин оценил сложившуюся в 1914 году обстановку, когда указывал, что «...два разбойника (Германия и Австро-Венгрия. — А. Е.) напали раньше, чем трое (Англия, Россия и Франция. — А. Е.) успели получить заказанные ими новые ножи...»².

Германский империализм явился главным зачинщиком войны 1914—1918 годов.

* * *

В глубокой тайне от народных масс в течение долгого периода правительства империалистических держав готовили эту войну во имя перелома мира.

Задолго до начала войны, в условиях напряженной борьбы за полный раздел мира, обнажились те противоречия, которые привели к образованию двух враждебных коалиций держав. Вскоре после разгрома Франции Пруссией и после образования германской империи, в конце 70-х и в начале 80-х годов XIX столетия, сформировался Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия). Несколько позднее — в начале 90-х годов — образовался враждебный центральной европейской группировке держав союз между царской Россией и Францией. С конца XIX столетия окончательно развернулись те основные противоречия, которые привели к мировой войне. Главное противоречие в начале XX века вплоть до мировой войны проходило между германским и британским империализмом. В 1904 году Англия заключила соглашение с Францией, через 3 года — с царской Россией. Так противостояли друг другу две империалистические коалиции держав: Тройственный союз и Антанта.

Захватническая программа германского империализма особенно широко развернулась во время мировой войны: Германия стремилась к утверждению своей гегемонии в Европе, к захвату французской территории, к захвату Бельгии, Польши, Прибалтики и Украины, к переделу в свою пользу английских и французских колоний, к усилению своего мирового могущества. Аналогичные захватнические цели преследовал в войне и главный соперник Германии — британский империализм. Он стремился к вытеснению своих конкурентов и к расширению своей колониальной империи, к утверждению своего мирового господства. Велики были захватнические аппетиты русского военно-феодалного империализма: захват Константинополя, проливов, расчленение Турции, полное закабаление Персии, присоединение Галиции и т. д. Французская буржуазия также стремилась к расширению своих колониальных владений и наряду с возвращением Эльзас-Лотарингии доби-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 341.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 93.

валась захвата левого берега Рейна. Австро-Венгрия стремилась к утверждению своего преимущественного влияния на Балканах; Италия — к территориальному расчленению Австро-Венгрии, к захватам на Балканах и в Малой Азии. Словом, для обеих воюющих коалиций это была война захватнической, империалистическая. Буржуазная пропаганда, в которую еще до войны включились и оппортунистические элементы социал-демократии, пыталась отвлечь внимание народных масс от вопроса о неизбежности всеобщей империалистической войны. Только партия Ленина—Сталина неустанно раз'ясняла массам «действительное содержание, значение и смысл современной войны» (Ленин).

Ленин доказал неизбежность этой войны, к которой привели «рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских монархий...» Лозунгами об оборонительной войне прикрывался «захват земель и покорение чужих наций». Лозунгами о справедливой войне прикрывалось «разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств». Лозунгами о национальной войне, вызванной якобы нападением противника, прикрывалось «...отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран...» Лозунгом о священной войне, скрепляющей единство классовых антагонистов, прикрывалось «раз'единение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата...»¹.

Большевистская партия раз'ясняла массам не только неизбежность, но и близость войны. Так, еще в 1908 году Ленин указывал, что в мировой политике накопилось так много горючего материала, что можно ждать скорого возникновения военного пожара. В начале 1913 года, во время балканской войны, товарищ Сталин подчеркнул: «Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений»².

Величайшей исторической заслугой большевистской партии является то, что она не только раз'ясняла неизбежность империалистической войны, указывала на ее приближение, но и боролась против войны, и когда война началась, показала массам единственно правильный, революционный путь выхода из войны — превращение войны империалистической в войну гражданскую. Все последующее историческое развитие показало, как прав был Ленин, разоблачая легенду, созданную буржуазной пропагандой в годы мировой войны, — легенду о том, что эта война является последней. «Сказка о последней войне, — писал Ленин, — есть пустая, вредная сказка...»

Не прошло и четверти столетия, как снова над человечеством нависла грозная опасность мировой войны.

«Опять, как и в 1914 году, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне» (Сталин).

Но условия, в которых современные агрессоры подготавливают новую мировую войну, значительно отличаются от той обстановки, в которой была развязана война 1914—1918 годов.

Советский союз, руководимый великой большевистской партией, запечатлел окончательную победу социализма в Сталинской Конституции, которая является программой действий и служит моральной помощью и реальным подспорьем для народов капиталистических стран. СССР проводит неуклонную сталинскую политику мира, разоблачая планы фашистских агрессоров и тем самым мобилизуя все передовое и прогрессивное человечество на борьбу против новой империалистической войны.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 61.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 42. Партиздат. 1934.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ИНСТИТУТА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА

Ниже публикуются заметки В. И. Ленина на книгу Шулятикова «Оправдание капитализма в западно-европейской философии (от Декарта до Э. Маха)».

Заметки сделаны В. И. Лениным, повидимому, в 1908 г. Заметки публикуются впервые*.

Институт
Маркса—Энгельса—Ленина
при ЦК ВКП(б)

Заметки В. И. Ленина на книгу Шулятикова

В. ШУЛЯТИКОВ

ОПРАВДАНИЕ КАПИТАЛИЗМА В ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ (ОТ ДЕКАРТА ДО Э. МАХА)

В интеллигентских кругах установилось традицион- sic!
ное отношение к философии... Философские идеи пред-
ставляются слишком мало и слишком слабо связанными с какой
бы то ни было классовой подпочвой...

Того же взгляда придерживаются весьма и весьма мно-
гие марксисты. Они убеждены, что в рядах пролетарского
авангарда допустимо пестрое разнообразие философских
воззрений, что не имеет большого значения, исповедуют
ли идеологи пролетариата материализм или энергетику,
неокантианство или махизм...

Придерживаться изложенного взгляда значит впа-
дать в наивную, прискорбнейшую ошибку... Все без остат-
ка философские термины и формулы, с которыми она**
оперирует... служат |ей| для обозначения общественных || неверно
классов, групп, ячеек и их взаимоотношений. Имея дело
с философской системой того или другого буржуазного
мыслителя, мы имеем дело с картиной классового строе-
ния общества, нарисованной помощью условных знаков |||| неверно!
и воспроизводящей социальное profession de foi известной
буржуазной группы.

* Печатаемый материал Института Маркса—Энгель-
са—Ленина публикуется в журнале «Пролетарская рево-
люция» № 8 за 1937 год. Ред.

** философия. Ред.

...Нельзя принимать эти картины за нечто такое, что можно было бы утилизировать и согласовать с пролетарским мировоззрением. Это значило бы впадать в оппортунизм, пытаться сочетать несочетаемое...

...первый, блестящий опыт подобной переоценки имел место еще несколько лет тому назад. Статья тов. А. Богданова «Авторитарное мышление»... открывает, несомненно, новую эру в истории философии: после появления этой статьи, спекулятивная философия потеряла право оперировать со своими двумя основными понятиями «духа» и «тела»; было установлено, что последние сложились на фоне авторитарных отношений и антитезы между ними отразила социальную антитезу — антитезу организующих «верхов» и исполнительских «низов». С изумительной последовательностью буржуазная критика замалчивала работу русского марксиста...

sic!

!!

||| экий вздор!

При таких условиях социально-генетический анализ философских понятий и систем является не только желательным, но прямо-таки необходимым. Задача из весьма и весьма нелегких и сложных. ...Современные модные системы, напр. неокантианство или махизм...

Наш очерк предназначен не для ограниченного круга специалистов... К философии обнаруживает интерес демос ...наше изложение носит несколько элементарный характер... защищаемая нами точка зрения... может быть легче усвоена, если будет иллюстрирована не громоздким, а экономно подобранным материалом...

X

I.

ОРГАНИЗУЮЩИЕ И ОРГАНИЗУЕМЫЕ «НАЧАЛА».

...Явилось экономическое неравенство: организаторы постепенно превратились в собственников орудий производства *), принадлежавших некогда обществу...

Производственные отношения «авторитарного» общества... Первобытный «дикарь» всюду начинает усматривать проявление организаторской воли. «...исполнитель доступен внешним чувствам — это физиологический организм, тело; организатор им недоступен, он предполагается внутри тела; это — духовная личность»...

??

||| вот и ясен вздор!!

беллетристика и голая фраза

Очень уже „общее“!! Фразы. Дикарь и перво[б]ы[т]ный коммунизм смазаны. М[а]т[ериали]зм и ид[еали]зм в Греции тоже

*) ...О данном вопросе мы имели случай говорить в другом месте: «из истории и практики классовой борьбы»... V

...Понятие о духе приобретает все более и более отвлеченный характер.

т[оль]ко идеа-
лизм!

...
Когда в истории греческой философии был поставлен знаменитый вопрос: как возможно, чтобы из чистой, неизменной, нематериальной субстанции вытекало многообразие преходящих явлений материального мира? в каком отношении «бытие» находится к «становлению»? — это не было, вопреки уверениям всевозможных историографов философии, высшим полетом благородной человеческой мысли, наибескорыстнейшим усилием, направленным к тому, чтобы разгадать величайшую тайну мироздания и тем на вечные времена осчастливить род человеческий. Дело обстояло куда проще! Подобная постановка вопроса говорила не о чем ином, как о том, что в греческих городах процесс общественного расслоения зашел далеко, что пропасть между социальными «верхами» и «низами» сделалась более глубокой и старая идеология организаторов, отвечавшая менее дифференцированным общественным отношениям, потеряла свое право на существование. Прежде, при всем различии субстанции и мира явлений, непосредственная связь между ними не возбуждала сомнений. Теперь наличность этой связи отрицается. Субстанция и мир явлений об'являются несоизмеримыми величинами. Сношение между ними возможно лишь через ряд промежуточных звеньев. Или, выражаясь более философским языком, их взаимоотношения мы не можем установить ни помощью чувств, ни помощью обычного мышления: для этого требуется содействие какой-нибудь особой «идеи» особой интуиции.

так, так
И греч[еский] ма-
т[ериали]зм?

а скептики??

II.

ОРГАНИЗУЮЩИЕ И ОРГАНИЗУЕМЫЕ «НАЧАЛА» В ПЕРИОД МАНУФАКТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Этот же вопрос, — вопрос о несоизмеримости духовного и материального «начал», об отсутствии между ними непосредственной связи был выдвинут и решался первоучителями новой философии...

...О спиритуалистических симпатиях Ренессанса и последующих эпох обыкновенно упоминают вскользь, но они очень характерны *).

Средневековой ремесленник, будучи организатором, в то же время выполнял и исполнительские функции, — работал вместе со своими подмастерьями. Мануфактурист-буржуа знает функции только одного типа: он — организатор чистой воды. В первом случае почва для того дуали-

*) Напомним, что Маркс в I т. «Капитала» и К. Каутский отмечают зависимость между абстрактными религиозными воззрениями и развитием товарного производства.

|| это не в том ду-
хе, что у тебя

стического «способа представления фактов», который выяснил тов. Богданов, правда, дана, но все же антитеза организатора и исполнителя несколько завуалирована и потому соответствующая ей, в области идеологии, антитеза духовного и телесного, активного и пассивного начала не могла вылиться в резкую форму...

...В мастерской средневекового ремесленника не было места для представителей так назыв. необученного, неквалифицированного труда. В мануфактурной мастерской работа им находится. Они составляют «нижний пласт». Над ними располагаются другие пласты, другие рабочие группы, различающиеся между собой по степени квалификации. Уже в их среде образуются некоторые организаторские наслоения. Идя далее по восходящей лестнице звеньев, мы видим группы заведующих технической постановкой предприятия и администраторов. Владелец предприятия «освобожден», таким образом, не только от всякого физического труда, но и от многих чисто организаторских обязанностей...

...в противоположность средневековым мыслителям, «отцы» новой философии уделяют в своих системах миру преходящих явлений очень много внимания, подробно изучают его строение, развитие, законы соотношения его частей, создают натурфилософию. Та же самая «возвышенная» позиция руководителей мануфактурных предприятий, которая внушила отцам новой философии «чистую» идею организаторской воли, подсказала им, равным образом, механическое объяснение процессов материальной действительности, т. е. процессов, имеющих место в среде организуемой массы.

Дело в том, что руководитель мануфактурного предприятия — лишь конечное звено в довольно длинной цепи организаторских звеньев. По отношению к нему остальные организаторы являются подчиненными и, в свою очередь, противостоят ему, как организуемые. ...Но поскольку их роль отлична от роли главного руководителя, поскольку она сводится к участию в технической работе, от каковой главный руководитель «освободился», постольку их «духовный» характер ступшевывается, постольку их деятельность оценивается, как деятельность «материи».

Буржуазная система вообще двуликий Янус... Правда, решительную формулировку дуализма мы находим лишь в картезианстве, — системе, созданной как раз на заре новой хозяйственной эры; правда, последующие философские системы, начиная со спинозовской, объявляют картезианское противоположение бога и мира, духа и тела противоречивым. ...Не о торжестве над дуалистической точкой зрения свидетельствуют, в свою очередь, материалистические и позитивные системы буржуазной философии. Раз-

экий вздор

фраза
напр., обученные
и обучающиеся
при них

к стр. 19

XX

кто? См. стр. 17

вздор!

ница между буржуазной метафизикой и буржуазным «положительным мировоззрением» не так велика, как это с первого взгляда может показаться. ...Атака со стороны материализма направлена не против основной предпосылки, выдвинутой метафизикой: понятие об организующей воле материализмом не зачеркивается. Оно фигурирует лишь под другими наименованиями: «дух» заменяется, напр., «силой».

NB

В XVII в., в дни своих «бурных стремлений» английская буржуазия проповедовала учение, согласно которому все в мире должно объясняться как движение материальных частиц, совершающееся с механической необходимостью. Английская буржуазия закладывала тогда фундамент крупно-капиталистического хозяйства. Весь мир изображался ими в виде организации материальных частиц, соединяющихся согласно имманентным законам...

в этом опoшлeнии истории ф[илософии] совсем забыта б[орьба] буржуазии с ф[ео]д[али]змом.

Подобными же трактатами наводняла книжный рынок французская буржуазия во вторую половину XVIII ст. ...А что такое внутреннее строение предприятий, мы знаем: это царство материи и механических процессов. Отсюда обобщение: человек — это машина, природа — это машина.

не отсюда

...Движение материи обуславливается ею самой, точнее ее собственной силой (Гольбах). Организаторская воля опять, как видите, весьма преобразилась, но наличность ее констатируется и признается безусловно необходимой.

а их б[орьба] с поповщиной? Искажил историю Ш[улятиков]

...Мануфактуристы не выступали в качестве революционных «штурм-унд-дренгеров»...

<?

III.

КАРТЕЗИАНСТВО.

...Организуемые нуждаются в организаторе...

Промежуточные организаторские звенья — «индивидуальные души» могут выполнять свою организаторскую роль лишь при наличии верховного организаторского центра. Лишь последний приводит их в соприкосновение с пролетариатом — «материей» — в рамках организованного целого, мануфактурной мастерской...

NB

экий вздор!
прол[етариат] =
материя

...декартово понятие о человеке есть не что иное, как дальнейшее распространение определенной формы мышления, «определенного способа представления фактов, определенного типа их соединения» в психике». Мы видели, что мир, в системе Декарта, организован по типу мануфактурного предприятия...

вздор

...Мы имеем дело с культутом умственного труда...

...Я — организатор и, как таковой, могу существовать, XX
только выполняя организаторские функции, а не исполнительские: вот что означает декартово утверждение, если его перевести на язык классовых отношений.

...Обычное, наивное воззрение представляет внешний мир таким, каким он рисуется сквозь призму чувств...

...Понятие о рабочем только как о шорнике или только как об обойщике уступает место понятию о рабочем вообще. Профессия «сущности» рабочей силы более не составляет...

а „идеи“ Платона

...Время, объясняет Декарт, нельзя считать свойством материи: оно «модус мышления», родовое понятие, создаваемое последним...

Философия отныне — верная служанка капитала. ...Переоценка философских ценностей определялась передвижениями в организаторских верхах и организуемых низах. Новые организаторы, новые организуемые — новые понятия о боге и душе, новые понятия о материи...

IV.

СПИНОЗА.

...Всякое сношение души и тела только через бога. Всякое сношение промежуточных организаторских звеньев с организуемой массой только с санкции верховного организатора!

...Движение материи и деятельность души лишь две стороны одного и того же процесса. Ни о каком взаимодействии между душой и материей не может быть и речи.

...Опыт, чувственное восприятие для него непременное условие познания вещей...

...Но... когда Спиноза умер, то, как известно, погребальную колесницу, везшую его останки, с большой pompой провожал fine fleur голландской буржуазии. А если мы познакомимся поближе с кругом его знакомых и корреспондентов, то опять встретимся с fine fleur'ом — и не только голландской, но и всемирной — буржуазии. ...Буржуазия чтит в Спинозе своего барда.

Спинозовское миропонимание — песнь торжествую-
щего капитала, — капитала, все поглощающего, все центра-
лизующего. Вне единой субстанции нет бытия, нет вещей:
вне крупного мануфактурного предприятия производители ||| ребячество
существовать не могут...

V. ЛЕЙБНИЦ

Бог Лейбница — собственник образцово поставлен-
ного предприятия и сам превосходный организатор... фразерство

VI. БЕРКЛИ.

- ...Периоду Sturm und Drang'a английской капитали-
- 1) стической буржуазии отвечал материализм Гоббеса. Почва для мануфактуры расчищена, для мануфактуристов наступают более спокойные времена: материализм Гоббеса сменяется половинчатой системой Локка. Дальнейшее укрепление позиций мануфактуры обуславливает возможность анти-материалистических выступлений.
- объяснил!
материализм
примитивный à la
Loria

...«Притяжение и отталкивание рабочих должно производиться без всяких препятствий»: в воспринимаемых комплексах никаких решительно абсолютных элементов нет. Все — относительно.) а релятивизм у греков

VII. ЮМ.

...Родство же его со всеми фигурировавшими в предыдущих главах мыслителями несомненно... глухо и неточно

Позиция философского скептицизма, занятая Юмом, отвечает именно подобному представлению о капиталистическом организме.

вали в кучу!
и ид[еали]зм и
ск[ептици]зм; все
„отвечает“ ману-
фактуре! Прост,
оч[ень] прост т.
Ш[улятиков]

IX.

ФИХТЕ, ШЕЛЛИНГ, ГЕГЕЛЬ.

Возникают системы так назыв. объективного идеализма... || ? а Фихте?

...объективные идеалисты...

X Ф[их]те?

...Но мы знаем, что во всех системах буржуазного миропонимания «материя» считается началом подчиненным (даже у материалистов, которые, повторяем, отмечают его подчиненное положение, вводя понятие «силы»)...

вздор
а понятие „дви-
жения“?

От антитетического метода Фихте и учения Шеллинга о потенцировании один шаг до гегелевской диалектики. И по поводу нее, после всего сказанного в настоящей главе об антитетическом методе, нам остается сделать несколько дополнительных замечаний. «Реальная подоплека» диалектики нами уже выяснена.

экий вздор

Гегель лишь полнее обосновал теорию развития путем «противоположностей», намеченную двумя другими объективными идеалистами...

Ф[и]хте — об[ективный] идеалист!!!

Нововведение, сделанное Гегелем, подчеркивает следующий факт из области «реальных» отношений. Дифференциация функций и ролей в мануфактуре достигает своего maximum'a. Идет расслоение каждой отдельной исполнительской и каждой отдельной организаторской группы. Функции, принадлежавшие какой-либо одной определенной группе, распределяются между различными, вновь образующимися группами. Каждая группа дробится, выделяет из себя новые. И идеолог мануфактуристов учитывает этот процесс дробления, как процесс внутреннего развития того или иного «начала».

экий вздор!

Х.

ВОЗРОЖДЕНИЕ «МАНУФАКТУРНОЙ» ФИЛОСОФИИ.

Умозрительная философия теряет кредит в буржуазном обществе. Правда, это происходит не сразу. Но не сразу и машина завоевала территорию промышленности... X

экий вздор!

Чем объясняется положительный характер новых идеологических систем? простым законом контрастов, простым стремлением «сделать обратное» тому, что ставляло «символ веры» вчерашнего дня?.. X

Индивидуализированные «комплексы» — Иван, Петр, Яков исчезают. Вместо них появляется в мастерских рабочий вообще. «Материи» возвращаются экспроприированные у нее «качества».

...Материя реабилитируется. Буржуазное общество вводит культ нового кумира — «среды»... Правда, при этом не упускается из виду, что, как-никак, материя остается материей, т. е. организуемой массой, и, как таковая, существовать без «руководителя» не может. И к материи прикомандировывается, в качестве специалиста по части организаторских обязанностей, «сила». Пишутся трактаты о Stoff und Kraft (о «материи и силе»). X

экий вздор

Сравнение новейшей организации фабрик с внутренним строением мануфактуры уже a priori диктует ответ:

новая разновидность буржуазного миропонимания должна воспроизводить существенные черты миропонимания ману-фактурной эпохи...

экий вздор

Нео-кантианство сменяется «поворотом» к системам «докантовского» мышления.

XI. ВУНДТ.

«...Объекта никогда нельзя отделить от представления, и представления — от объекта».

NB

Приведенные рассуждения уже достаточно ярко обрисовывают Вундта как философа, ставящего своей задачей борьбу с материализмом или, выражаясь модным термином «Ueberwindung des Materialismus», «преодоление материализма», — и при этом не заявляющего себя на стороне той школы, которая считается традиционной противницей последнего...

В области философии о подобном уравнивании промежуточных организаторских звеньев и представителей «физического» труда, «низших исполнителей» говорит именно стремление охарактеризовать «субъект» и «объект», «психическое» и «физическое» как нечто, составляющее нераздельное целое, стремление свести антитезу между названными явлениями к познавательной фикции. Учение Авенариуса о принципиальной координации, учение Эрнста Маха об отношении психического к физическому, учение Вундта о представлениях — объектах — все это учения одного порядка...

вздор

это верно, но не так сказано

До сих пор монистическим взглядам Вундта нельзя было отказать в известной выдержанности. Нельзя, равным образом, заподозрить его в идеалистических симпатиях...

ха-ха! эклектик

неправда

Именно такого рода скачок совершает Вундт, выдвигающий, вслед за учением о «представлениях — объектах» свои рассуждения о «психофизическом параллелизме»...

«Аттрибуты» превращаются в «ряды», но это — форма, в сущности, больше словесного характера...

«За духовным началом утверждается примат»

X верно

Все телесное имеет обязательно свой психический коррелит. Ни один рабочий, какую бы простую функцию он ни выполнял, не может производить никаких продуктов, не может найти применения для своей рабочей силы, не может существовать, не состоя под непосредственным, детальным «руководством» известного организатора...

...Но психический ряд — это «организаторы», а «со-
путствие» последних означает для «физического ряда» —
для рабочих не что иное, как зависимость.

Итак, философия должна, по мнению Вундта, пере-
шагнуть границы опыта, «дополнить» последний. Требуется
продолжать философский анализ до тех пор, пока мы не
получим идеи единства, охватывающей оба независимые
друг от друга ряда. Высказавши подобный взгляд, Вундт
спешит сейчас же сделать важную для него оговорку: он
заявляет, что единство мира может мыслиться нами или
как единство материальное или как единство духовное:
третьего решения проблемы не существует...

Свою идею всеобщего единства Вундт отказывается
назвать субстанцией. Он определяет ее, как идею чистого
разума, т. е. в кантовском духе. Как кантовский бог есть
идея высшего «формирующего», несубстанционального на-
чала, так и вундтово все-единство есть идея несубстанцио-
нального целого, благодаря которому все явления полу-
чают жизненный смысл, непреложную ценность. В свете
этой идеи исчезает «пустое и безотрадное» мировоззрение,
видящее во внешнем распорядке явлений, в их механиче-
ской связи истинную сущность последних. Вместо него мы
усваиваем взгляд на космический механизм, как на внеш-
нюю оболочку духовной деятельности и творчества...

При этом Вундт усиленно подчеркивает элемент
актуальности. Идея всеобщего единства, «мироосновы» сво-
дится у него к идее всеобщей воли...

...Мы позволим себе не вдаваться в разбор предло-
женной им формулировки, не будем выяснять его теории
«волютаризма»...

...Следовательно идеологи современного авангарда
капиталистической буржуазии не могут говорить ни о ка-
ких «постоянных» организуемых началах, а, напротив,
должны характеризовать последние, как нечто в высшей
степени изменчивое, нечто, вечно находящееся в состоянии
движения.

вздор! А Шопен-
гауэр?

XII.

ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ.

...Критика Вундта не имела сокрушающей силы, била
в воображаемую цель. Выступление Вундта и последовав-
ший затем ответ из лагеря учеников Авенариуса *) не зна-
меновали собой столкновения миропониманий, принадле-
жащих двум различным классам или двум крупным груп-

неточно

правда!

Потом Willy, Pet-
zoldt (дважды),
Kleinpeter

*) Первым ответил Карстаньен.

пам одного и того же класса. Социально-экономической подоплекой означенного философского состязания являлась, в данном случае, сравнительно незначительная разница между наиболее передовыми и несколько менее передовыми типами новейших капиталистических организаций...

.....

Мы должны сказать больше: эмпириокритическую философию следует понимать, прежде всего, как апологию названной идеи. Понятие функциональной зависимости есть отрицание зависимости причинной...

...Вывод Гефдингга следует, в общем, признать правильным. Неудачна лишь его ссылка на «мотивы целесообразности»: мотивы эти туманны и неопределенны.

Авенариус, в данном случае, делал лишь уступку материалистической фразеологии, уступку, обусловленную его социальной позицией. ...по сравнению с вульгарным спиритуализмом, воззрения «параллелистов» могли многим показаться материалистическими. То же самое и относительно воззрений эмпириокритицизма. Возможность сближения их с материализмом особенно велика. ...И среди широких слоев читающей публики об эмпириокритицизме сложилось мнение, как о материалистической школе. Более того, даже специалисты-философы ошибочно судят о нем: сам патриарх новейшей философии, Вильгельм Вундт, назвал его «материализмом». Наконец, что всего интереснее, и эмпириокритики, отмежевываясь от материализма, в то же время пользуются иногда его терминологией, а иногда даже начинают как бы колебаться в своих антиматериалистических взглядах...

.....

...Такова реальная подоплека, подсказавшая эмпириокритицизму мысль о классификации человеческого познания, основывающейся на принципе классификации «биологической». Но с материализмом подобная «биология», повторяем, ничего общего не имеет...

.....*)

...подчиненный организатор, если стать на его «абсолютную» точку зрения, т. е. если смотреть на него как на организатора, не зависящего от управляющей им «воли», в лице рабочих имеет перед собой также только «вещь», или «тело». Но возьмем второй случай: подчиненный организатор является для верховной «воли» не только организуемым, но и организующим... бывший «объект», превращенный теперь в «субъект», «организует» материю: человек вмещает в себе дерево, но дерево преобразованное, «представление» о дереве...

*) Рудольф Влассак; цитир. у Маха в «Анализе ощущений», стр. 52.

верно

это так

ой-ли??

Конечно, но из этого не следует, что функциональность не м[ожет] б[ыть] видом причинности.

правда?

гм?

ложь!

почему? этого ты не понял!
ага!

ой, подозрительно! Дешевые объяснения без анализа сути!

...«полнота человеческого опыта» доказывается и учением Авенариуса о принципиальной координации...

...У Авенариуса, как и у Вундта, «ряды» оказываются, в сущности, «несоизмеримыми». И вместо материалистического миропонимания, которого следовало бы ожидать, считаясь с категорическими заявлениями о «полноте опыта», на сцену выдвигаются воззрения, свидетельствующие об идеалистических симпатиях эмпириокритицизма...

Но на пути идеалистических построений Вундт и Авенариус расходятся. Автор «Системы философии» обнаруживает пристрастие к «кантианским» мотивам. Автор «Человеческого понятия о мире» высказывает взгляды, приближающие его к позиции, которую некогда занимал Беркли.

|| правда!

Спешим оговориться. Мы не намерены вовсе утверждать, что произведения клойнского епископа определили точку зрения Авенариуса, что они оказали непосредственное влияние на последнего. Но сходство идеалистических позиций обоих философов несомненно. Об этом сходстве говорит уже упомянутое нами учение о принципиальной координации, взятое в целом.

|| правда

С такою же прямолинейностью, как и Беркли, Авенариус выставляет тезис: вне субъекта нет объектов. Каждая «вещь» должна непременно «относиться» к центральной нервной системе, играющей роль функционального центра...

|| Тут у Щ[улятикова] недоразумение!

...Верховный «руководитель» не фигурирует даже ни в виде кантианской идеи разума, кантианской «формы», ни в виде вундтовского «всеобщего единства». Однако, он все же имеется, все же является главным элементом философской системы. Все явления рассматриваются именно с его точки зрения. Его «незримое» присутствие постулируется необычайно высокой оценкой организаторского начала, выдвигаемой наряду с представлением об организуемых организаторах. И в той общей картине мира, которую дают философские рассуждения Авенариуса, на первый план выступает как раз организаторский характер организующих факторов...

|| bien!

|| гм? гм?

Мир представляет у Авенариуса аггломерат центральных нервных систем. «Материя» абсолютно лишена всяких «качеств», как «первичных», так и «вторичных», некогда считавшихся ее необъемлемой принадлежностью. Решительно все в материи определяется «духом», или, по терминологии автора «Критики чистого опыта», центральной нервной системой...

|| недоразумение.

Точка зрения идеализма в стиле Беркли проводится автором «Критики чистого опыта» с большою последовательностью...

|| NB

..учение Маха о «я», как логическом символе.

...
 Подобно Авенариусу, Мах знает два «ряда» — психический и физический (два вида сочетаний элементов). Как и у Авенариуса, эти ряды несоизмеримы и в то же время представляют собой не что иное, как фикцию нашего мышления. Попеременно выдвигается то монистическая, то дуалистическая точка зрения: попеременно промежуточные организаторские звенья характеризуются то как организуемое, то как организующее начало. И, как у Авенариуса, в конечном итоге, провозглашается диктатура «организаторской воли». Рисуетя идеалистическая картина мира: мир — это комплекс «ощущений».

недоразумение
ага!

...Возражение Маха нельзя назвать удачным. Центральное понятие его философской системы, знаменитое «ощущение» вовсе не является отрицанием не только организаторского, но и верховного организаторского начала... Критика представления об «я» продиктована Маху взглядом на подчиненных организаторов, как на организуемую «массу»...

недоразумение

вздор!

...Наряду с умозрительными построениями Вундта, Авенариуса, Маха, мы могли бы, напр., подвергнуть анализу взгляды таких видных представителей новейшей западно-европейской философии, как Ренувье, Брэдли или Бергсон...

NB

Область философии — настоящая «Бастилия» буржуазной идеологии... Необходимо иметь в виду, что, с своей стороны, буржуазные идеологи не дремлют и укрепляют свою позицию. Они даже проникаются в настоящее время уверенностью в том, что позиция их совершенно неприступна. «Идеалистические» симпатии некоторых литераторов, стоящих под знаменем марксизма, в свою очередь, создают особенно благоприятную почву для подобной уверенности.

X

ОГЛАВЛЕНИЕ.

XI. Вундт.	<u>Оствальд</u>	107	<u>нет в книге</u>
------------	-----------------	-----	--------------------

Вся книга — пример безмерного опошления мат[ериали]зма. Вместо конкретного анализа периодов, формаций, идеологий голая фраза об «организаторах» и до смешного натянутые, до нелепости неверные сопоставления.

Карриатура на материализм в истории.

А жаль, ибо есть стремление к мат[ериали]зму.

О заметках Ленина на книгу Шулятикова

Заметки Ленина на книгу В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западно-европейской философии (от Декарта до Э. Маха)» целиком заострены против упрощенчества в вопросах теории, против опошления и вульгаризации материализма. Заметки Ленина представляют огромный интерес по своему глубокому философскому содержанию, и особенно сейчас.

Партия большевиков под руководством Ленина и Сталина всегда боролась за чистоту марксистской теории, против ревизии и фальсификации учения марксизма, против упрощенчества и карикатуры на марксизм.

В эпоху пролетарской диктатуры партия большевиков ведет непримиримую борьбу с упрощенчеством в теории и практике социалистического строительства, с упрощенцами в философии, исторической науке, политике, в искусстве, в школьном деле, педагогике, в литературе, архитектуре и т. д. Напомним хотя бы решения ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве (о РАПП'е), решения с школе, о задачах исторического фронта, замечания тт. Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов учебников по истории. Эти документы показывают огромное практически-политическое значение борьбы с упрощенчеством, извращениями и ревизией теории и практики марксизма-ленинизма.

Заметки Ленина на книгу Шулятикова относятся, очевидно, ко времени работы Ленина над «Материализмом и эмпириокритицизмом». ЗаклЮчить это можно из того, что книга Шулятикова вышла в 1908 г. В 1909 г. Шулятиков принимал участие в заседании Сопещания расширенной редакции «Пролетария», где выступал формально, на словах, против махистской ревизии диалектического материализма Богдановым. Он говорил, что «по идейному направлению эта школа (школа Богданова на Капри. М. К.) ничего общего с марксизмом не имеет»; он прикрывал, однако, вред, приносимый школой, говоря, что школа не опасна, что рабочие «сами»-де разберутся в ее антимарксистском направлении. Шулятиков доказывал, что борьба Ленина с махизмом Богданова совершенно излишня. Он отрицал также ленинский блок с Плехановым против ликвидаторства и философского ревизионизма. Эту позицию Шулятиков отстаивал под флагом критики политического оппортунизма Плеханова.

Общая установка книги Шулятикова выражена в самом заглавии книги: «Оправдание капитализма в западно-европейской философии». Ничего больше Шулятиков не увидел во всей классической западно-европейской буржуазной философии.

Правильное положение марксизма о классовом характере и партийности всей философии Шулятиков довел до абсурда, до карикатуры на марксизм. Классовый характер буржуазной философии, по мнению Шулятикова, состоит в том, что в философии буржуазия якобы всегда «говорит не

о чем ином, как о своих *ближайших классовых выгодах и стремлениях*» (стр. 6) ¹.

Здесь у Шулятикова налицо отрывок «экономического материализма» в философии. Как известно, философия дальше всего отстоит от экономического базиса, является самой высокой идеологической надстройкой. Философия, как правило, через целый ряд посредствующих звеньев выражает как раз самые *общие основы мировоззрения класса, общее направление его устремлений*, и притом не только экономических, материальных, но и *духовных, научных, этических, эстетических и т. д.*

Ошибка Шулятикова была бы не так еще велика, если бы он говорил о современных дипломированных лакеях буржуазии, о наемной армии казенных университетских профессоров и докторов, реакционных буржуазных «философов». Такого типа «идеологи» начали появляться, как грибы после дождя, после поражения буржуазной революции 1848 г. во Франции и в Германии. Они ничего общего не имеют с духом классической буржуазной философии. Об этом периоде в развитии буржуазной науки и о такого рода буржуазных ученых Энгельс писал:

«Что же касается *исторических наук, до философии включительно*, то здесь, вместе с классической философией, совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли бессмысленный эклектизм, заботы о доходных местечках, об успехах по службе и самый низкопробный карьеризм. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но это в то время, как и та и другое открыто враждебны рабочему классу» ².

О такого рода буржуазных «ученых» Маркс писал, что для них «вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет» ³.

После революции 1848 г. наступает смертный час классической научной буржуазной политической экономии, классической философии. После революции 1848 г. в буржуазной науке все больше «*бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой*» ⁴.

Но великие мыслители, представители лучшей передовой части буржуазной интеллигенции, в период борьбы буржуазии с феодализмом и его идеологией отнюдь не были своекорыстными, буржуазно-ограниченными людьми. Они были движимы великой, благородной страстью к познанию, к истине, шли на костры, в темницы, боролись за свободу научной и философской мысли против религии, церкви, богословия, схоластики. Достаточно напомнить имена Коперника, Галилея, Д. Бруно, Декарта, Спинозы и т. д.

В полном согласии с Марксом и Энгельсом, развивая их идеи, Ленин писал, что слово «буржуа» часто понимают «*крайне неправильно, узко, анти-исторично...* связывая с ним (без различия исторических эпох) (курсив в Ленине) *своекорыстную защиту интересов меньшинства*. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители

¹ В скобках здесь и дальше указаны страницы книги В. Шулятикова; курсив наш. М. К.

² Фр. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 59; курсив наш. М. К.

³ К. Маркс. Капитал, т. I. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. XVII. Послесловие ко второму изданию.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. I. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. XVII. Послесловие ко второму изданию; курсив наш. М. К.

от 40-х до 60-х годов, все (курсив Ленина) общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»¹. А Шулятиков и многие современные его последователи и подражатели изображают великих мыслителей XVII — XVIII и начала XIX веков (Декарта, Спинозу, Лейбница, Канта, Фихте, Гегеля) апологетами капитализма, а их философию не чем иным, как только «оправданием капитализма». Это — карикатура, пародия на марксизм.

«Философия отныне — верная служанка капитала»², — заявляет Шулятиков в итоге анализа философии Декарта (стр. 32).

«Буржуазия чтит в Спинозе своего барда, — пишет далее Шулятиков. — Спинозовское миропонимание — песнь торжествующего капитала, — капитала, все поглощающего, все централизующего» (стр. 42).

— «Ребячество», — пишет на полях книги Ленин.

В своей книге Шулятиков не делает никакого различия между великими классиками буржуазной философии и их жалкими эпигонами. И классики тоже превращены в апологетов капитала и свалены в кучу с действительными его апологетами. Шулятиков (а затем и Бухарин) вслед за Богдановым утверждает, что все понятия философии суть лишь «обозначения» общественных отношений. Отражение природы в понятиях человека у него выпадает. Он очень легко расправляется с объективной истиной, не зависящей от сознания человека.

Шулятиков пишет: «Все без остатка философские термины и формулы, с которыми она (философия. М. К.) оперирует, все эти «понятия», «идеи», «воззрения», «представления», «чувства», все эти «абсолюты», «вещи в себе», «ноумены», «феномены», «субстанции», «модусы», «атттрибуты», «субъекты», «объекты», все эти «духи», «материальные элементы», «силы», «энергии» служат ей для обозначения общественных классов, групп, ячеек и их взаимоотношений. Имея дело с философской системой того или другого буржуазного мыслителя, мы имеем дело с картиной классового строения общества, нарисованной помощью условных знаков и воспроизводящей социальное profession de foi известной буржуазной группы» (стр. 6).

— «Неверно», — дважды возражает против этих утверждений Ленин.

И действительно, эти понятия как раз не обозначают общественных классов и их отношений; они иногда правильно, иногда в извращенном виде выражают и отражают лишь наиболее общие формы и законы развития всего объективного мира и познания его. Всякий знакомый с ленинской критикой эмпириокритиков сразу заметит, что Шулятиков лишь повторяет идейки эмпириокритицизма, хотя собрался он воевать против неокантианства, махизма и «энергетики». Свое упрощенчество в философии он обосновывает махистским принципом «экономии мышления». Чтобы его «теорию» могли легче усвоить, он иллюстрирует ее «не громоздким, а экономно подобранным матерьялом» (стр. 10).

Таких любителей «легкого» мышления по принципу «экономии» или «наименьшей затраты» сил Ленин и Сталин разоблачали не раз. Философскую несостоятельность этого «принципа», или «закона мышления», Ленин блестяще, глубоко вскрыл в «Материализме и эмпириокритицизме».

¹ Ленин. Соч., т. II, стр. 315; курсив наш. М. К.

² Линейкой отмечаются те места в книге Шулятикова, которые подчеркивал Ленин. М. К.

В 1924 г. т. Сталину приходилось давать отпор попыткам протащить и применить этот принцип в вопросах теории и тактики пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

«Вообще нужно сказать,—говорил т. Сталин, развивая учение о диктатуре пролетариата,—что «система диктатуры пролетариата», при помощи которой проводится в нашей стране власть одного класса, власть пролетариата,—вещь довольно сложная. Я знаю, что некоторым товарищам не нравится, не по вкусу эта сложность. Я знаю, что многие из них предпочли бы, с точки зрения «принципа наименьшей траты сил», иметь дело с более простой и более легкой системой. Но что поделаешь: во-первых, ленинизм надо брать таким, каков он есть на самом деле (нельзя упрощать и вульгаризировать ленинизм), во-вторых, история говорит, что самые простые и самые легкие «теории» далеко не всегда являются самыми правильными»¹.

Тов. Сталин нанес сокрушительный удар этому махистскому принципу «экономии мышления» — там, где этот принцип тогда был всего более опасен для революции. Тут именно скрывалась «простота», которая хуже воровства.

Шулятиков в своей книге не скрывал симпатий к Богданову и сам с восторгом писал о махистской статье Богданова «Авторитарное мышление» как о блестящем опыте «марксистской» переоценки всей философии с точки зрения «пролетарского мировоззрения».

«Статья тов. А. Богданова «Авторитарное мышление»..., писал Шулятиков,—открывает, несомненно, новую эру в истории философии: после появления этой статьи, спекулятивная философия потеряла право оперировать со своими двумя основными понятиями «духа» и «тела»; было установлено, что последние сложились на фоне авторитарных отношений и антитеза между ними отразила социальную антитезу — антитезу организующих «верхов» и исполнительских «низов» (стр. 7).

— „Экий вздор!“, — пишет против этих утверждений Ленин.

По «теории» Шулятикова, Маркс и Энгельс зачислены в лагерь «умозрительной философии» за незаконное пользование понятием духа и тела. В своей книге Шулятиков упорно стремится обосновать и провести «идеи» богдановской «организационной науки», «тектологии», в вопросе о развитии общества и общественного сознания.

«Вождь-организатор и рядовой общинник — исполнитель его приказаний — такова первая социальная антитеза, которую знает история», — в полном согласии с Богдановым пишет Шулятиков (стр. 11). В примечании он «отмежевывается» от Богданова, который не придает значения в развитии общества появлению экономического неравенства и превращению организаторов в собственников орудий производства. Он, Шулятиков, это особенно подчеркивает. Но теория «авторитарного» общества (слово «авторитарное» Ленин подчеркивает много раз, считая его голой фразой) Шулятиковым заимствована у Богданова. Теория эта идеалистична, надумана, априорна и противоречит общеизвестным историческим фактам.

Первой основной «социальной антитезой» или первым разделением труда, как известно, было разделение труда между мужчиной и женщиной в родовом строе. Затем появилось разделение между земледельческим трудом и скотоводством, между земледельческими племенами и пастушескими. Затем происходит отделение ремесла и торговли от земледелия, возникает противоположность между городом и деревней, развиваясь на протяжении истории рабовладельческого, феодального и буржуазного общества. В связи

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, 9-е изд. Партиздат, 1932, стр. 242—243; курсив наш. М. К.

с этим возникают и растут классовое неравенство, противоречия и борьба классов как решающая движущая сила истории до сих пор существующего общества, за исключением доклассового родового общества.

Конкретное марксистское понятие о противоположности умственного и физического труда, города и деревни, противоположности классов Шулятиков подменил голой богдановской фразой об «организаторах и исполнителях». Этой фразой он пытается объяснить всю историю. Конкретные исторические противоречия обходятся, выхолащиваются богдановской «организационной наукой», подсовывающей всюду вместо конкретных исторических противоречий надуманную схему о противоположности «организаторов и исполнителей» и их роли в развитии общества и общественного сознания.

Характерно, что именно там, где надо видеть классовые противоречия, Шулятиков их не видит. Уже в первой фразе своей книги он рассуждает об «интеллигентских кругах» (подчеркнуто Лениным). «Интеллигентские круги» вообще, в том числе и «весьма многие марксисты» считают-де философию «частным делом», не понимают ее «связи с классовой подпочвой». К этим подчеркнутым фразам Ленин на полях книги написал:

— „*Sic!*“

Шулятиков валит в одну кучу интеллигенцию буржуазную и пролетарскую¹.

Далее Шулятиков с восхищением цитирует в качестве установки своей работы тезис Богданова о том, что производственные отношения «авторитарного» общества предиктовали «определенный способ представления фактов, определенный тип их соединения в психике, такой, какой выражается в непрерывной связи идеи акта организаторского с идеей акта исполнительского» (стр. 11). Эту «премудрость» из статьи А. Богданова «Авторитарное мышление» Шулятиков (равно как и Бухарин) применял прежде всего к теории происхождения религии. Так как, по теории Богданова и Шулятикова, уже в первобытном обществе существует эта универсальная противоположность между организаторами и исполнителями, то уже дикарь «всюду начинает усматривать проявление организаторской воли» (стр. 12).

— „*Вот и ясен вздор!*“, — пишет здесь на полях книги Ленин.

Первобытный дикарь превращен Шулятиковым в философа-волюнтариста, на манер Шопенгауэра, всюду усматривающего проявление воли, да еще «организаторской». Дикарь якобы эту «волю» видит во всех внешних предметах и поэтому приписывает вещам «душу». Все, в том числе и человека, по утверждению Богданова и солидарного с ним Шулятикова, дикарь «мысленно разлагает» «на организатора и исполнителя, на активное и пассивное начало; исполнитель доступен внешним чувствам — это физиологический организм, тело; организатор им недоступен, он предполагается внутри тела; это — духовная личность» (стр. 12).

По поводу этой цитаты Шулятикова из книги Богданова «Авторитарное мышление» Ленин пишет:

— „*Беллетристика и голая фраза*“.

А внизу этой же 12-й страницы Ленин, продолжая свою мысль, пишет:

— „*Очень уже „обще“!! Фразы. Дикарь и первобытный коммунизм смазаны. Материализм и идеализм в Греции тоже*“.

Дальнейшее развитие всех «родовых» и религиозных понятий и представлений Шулятиков объясняет усилением дифференциации организаторских функций от исполнительских. По мере развития этого «понятие о духе приобретает все более и более отвлеченный характер», — пишет он (стр. 13).

¹ По этому же «методу» действовали позднее антипартийные группы «Рабочая оппозиция», «Рабочая правда» и в самое последнее время группа упрощенцев-вульгаризаторов на философском фронте. Все эти группы скатились в болото контрреволюции. М. К.

— „Только идеализм!“, — замечает здесь Ленин, подчеркнув приведенную нами фразу.

И действительно, вся эта «теория» происхождения религиозных представлений ничего общего не имеет с материализмом.

Шулятиков думал, что его, вернее богдановская, «теория» есть теория марксистская.

«Напомним, — пишет он в примечании на стр. 16, — что Маркс в I т. «Капитала» и К. Каутский отмечают зависимость между абстрактными религиозными воззрениями и развитием товарного производства».

— „Это не в том духе, что у тебя“, — замечает на это Ленин.

Отбрасывая религиозное, поповское представление о «душе» и «теле», материализм отнюдь не может отбросить научное, философское различие между материей и сознанием как ее свойством, между физическим и психическим, между бытием и мышлением, духом и природой. Попытка Шулятикова применить к истории философии голую фразу об «организаторах» дает в результате *„до смешного натянутые, до нелепости неверные сопоставления“*, как пишет Ленин в своем резюме о книге Шулятикова.

Появление материализма в древней Греции Шулятиков объясняет также появлением «пропасти между социальными «верхами» и «низами»» (стр. 14).

— „Так, так. И греческий материализм? а скептики?“ — делает на полях иронические замечания Ленин.

Во II главе своей книги Шулятиков пишет, что «вопрос о несоизмеримости духовного и материального «начал», об отсутствии между ними непосредственной связи был выдвинут и решался первоучителями новой философии» (стр. 15). Как будто этот вопрос не был выдвинут и не решался уже материалистами и идеалистами древней Греции.

Философию Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта и т. д. вплоть до Гегеля Шулятиков «выводил» не из конкретных исторических условий данной эпохи, страны, не из условий и характера классовой борьбы, не из уровня, условий и тенденций развития научной общественной мысли, разрешающей определенные исторические задачи. При помощи богдановской схемы, этой «универсальной отмычки» ко всем вопросам, автор все философские системы «выводит» прямо из организаторских функций буржуа-мануфактуриста.

На эти рассуждения Шулятикова (стр. 22) Ленин замечает:

— *„В этом опущении истории философии совсем забыта борьба буржуазии с феодализмом“*.

Игнорируя эту борьбу, ничего нельзя понять в истории новой философии начиная от Декарта и кончая Гегелем. Неудивительно, что Шулятиков, забыв об этой борьбе, которая и породила всю великую классическую буржуазную философию, все лучшее в буржуазной науке, искусстве, культуре вообще, изображает великих мыслителей апологетами капитализма, не замечает и не показывает всей разницы между классиками и их жалкими эпигонами — неокантианцами, махистами, эмпириокритиками и т. д. По этой же причине Шулятиков скрадывает все заслуги материалистов в философии, сдает их идеалистам, считая их дуалистами, философами, не преодолевшими дуализма души и тела. Он валит материализм в одну кучу с идеализмом и позитивизмом. «Не о торжестве над дуалистической точкой зрения свидетельствуют, в свою очередь, материалистические и позитивные системы буржуазной философии», — пишет Шулятиков (стр. 21).

На стр. 24 Шулятиков написал лишь одну фразу о материи и движении у Гольбаха и приделал сюда, конечно, «организаторскую вологу». Ничего больше о целой плеяде блестящих великих французских материалистов XVIII века, об их борьбе с церковью, религией и т. д.

— „А их борьба с поповщиной? Исказил историю Шулятиков!“ — с возмущением восклицает Ленин.

Ту же тенденцию отмечает Ленин на стр. 94 книги, где автор пишет: «Но мы знаем, что во всех системах буржуазного миропонимания «материя» считается началом подчиненным (даже у материалистов, которые, повторяем, отмечают его подчиненное положение, вводя понятие «силы»)...

— „Вздор. А понятие „движения“?“ — с возмущением замечает Ленин.

И действительно, по «теории» Шулятикова выходит, что в философии Спинозы, Толанда, французских материалистов XVIII века понятие материи (характерно, что это слово автор книги ставит в кавычки) было подчиненным. Подчинены чему и кому? Духу, сознанию, мышлению, богу, так же как и у идеалистов? Написав этот вздор, Шулятиков всех материалистов в буржуазной философии росчерком пера превратил в идеалистов.

О философии Декарта автор пишет: «Мы видели, что мир, в системе Декарта, организован по типу мануфактурного предприятия. Декартово понятие о человеке, в свою очередь, воспроизводит организацию мануфактурной мастерской» (стр. 27).

— „Вздор“, — отмечает на полях Ленин.

«Переоценка философских ценностей определялась передвижениями в организаторских верхах и организуемых низах. Новые организаторы, новые организуемые — новые понятия о боге и душе, новые понятия о материи», — так объясняет Шулятиков историческое содержание декартовского «сомнения» и декартовской критики схоластики, содержание его философии (стр. 33). Ленин не удостаивает этих «откровений» даже никакими репликами, а лишь подчеркивает их.

Разбирая философию Лейбница по этому же методу, Шулятиков пишет: «Бог Лейбница — собственник образцово поставленного предприятия и сам превосходный организатор» (стр. 45).

— „Фразерство“, — пишет на полях Ленин.

Применяя всюду свою схему вместо конкретного анализа истории борьбы материализма и идеализма, Шулятиков замазывает эту борьбу, ставит вопрос по-позитивистски — о «философии вообще», когда в действительности речь должна бы идти конкретно о материализме и идеализме. Без учета борьбы материализма и идеализма в философии, как одной из форм борьбы классов, нельзя ничего понять в развитии философии. Вместо объяснений автор ограничивается ничем не объясняющими голыми фразами.

«Периоду Sturm und Drang'a английской капиталистической буржуазии отвечал материализм Гоббеса», затем наступают для мануфактуры «более спокойные времена», появляется «половинчатая система Локка». «Дальнейшее укрепление позиции мануфактуры обуславливает возможность антиматериалистических выступлений», — так пишет Шулятиков (стр. 51), воображая, что он «объясняет» развитие философии в Англии XVII и XVIII веков.

— „Объяснил!“ — иронически замечает на полях Ленин, а в сноске дополняет: „материализм примитивный à la Loria“.

Чтобы объяснить, например, социальные и теоретические, идейные корни философии Беркли и Юма, надо было бы проанализировать конкретно историческое развитие Англии XVII—XVIII веков, борьбу не только в экономике и политике, но и в идеологии, борьбу между дворянством и буржуазией, между наукой и религией, материализмом и идеализмом. Надо было бы выяснить недостатки, ошибки, односторонности познания, которые использовал Беркли в борьбе с наукой и материализмом, защищая религию

и поповщину. Голая фраза об «укреплении мануфактуры» ничего не объясняет.

«Позиция философского скептицизма, занятая Юмом, — пишет далее Шулятиков, — отвечает именно подобному представлению о капиталистическом организме» (стр. 61). Речь идет о релятивизме скептиков, якобы соответствующем, отвечающем «безличному характеру верховного руководителя», которому, дескать, все равно, что производить, — сукно или бумагу, и при помощи каких рабочих — простых или квалифицированных.

— **„Вали в кучу! и идеализм и скептицизм; все „отвечает“ мануфактуре! Прост, очень прост т. Шулятиков“,** — пишет в сноске к этому месту Ленин.

Релятивизм Шулятиков выводит из свободного, беспрепятственного притяжения и отталкивания рабочих в капиталистических предприятиях (стр. 56).

— **„А релятивизм у греков?“** — ставит вопрос на полях Ленин, вскрывая таким образом игнорирование, незнание автором исторических фактов, искажение истории философии в угоду своей схеме.

В главе IX (Фихте, Шеллинг, Гегель) Ленин отмечает у Шулятикова полное непонимание разницы между объективным и субъективным идеализмом. После Канта, — пишет Шулятиков, — «возникают системы так называемого объективного идеализма» (стр. 81).

— **„А Фихте?“** — спрашивает Ленин.

После философии Канта как раз развивается субъективный идеализм Фихте, а для Шулятикова **„Фихте — объективный идеалист!!!“** — отмечает Ленин невежество автора (стр. 81, 88, 98).

Диалектику Гегеля Шулятиков выводил также из дифференциации организаторских и исполнительских функций. Гегель — тоже идеолог «мануфактуристов» — учитывает процесс дробления этих функций «как процесс внутреннего развития того или иного «начала». «Реальная подоплека диалектики нами уже выяснена», — пишет Шулятиков (стр. 98 и 99).

— **„Экий вздор!“**, — отмечает Ленин против этих фраз.

Теми же эпитетами характеризует Ленин утверждения Шулятикова о том, что со сменой мануфактуры машинным производством «умозрительная философия теряет кредит в буржуазном обществе» (стр. 100), что «пишутся трактаты о Stoff und Kraft (о «материи и силе»)» (стр. 102). Все это потому, видите ли, что «материя» реабилитируется, но не забывается, что «организуемая масса» (пролетариат) не может быть без «руководителя» и поэтому к материи прикомандировывается «сила». Шулятиков выводит идеалистическую «теорию» Авенариуса о принципиальной координации («неразрывности» субъекта и объекта), теорию Маха об отношении физического и психического, учение Вундта о представлениях и объектах, — все из одного и того же уравнивания промежуточных организаторских звеньев и представителей «физического» труда (стр. 114).

— **„Вздор“**, — вновь отмечает по поводу этих утверждений Ленин.

Приведя идеалистические, эклектические, позитивистские высказывания Вундта, Шулятиков с серьезным видом пишет:

«До сих пор монистическим взглядам Вундта нельзя было отказать в известной выдержанности. Нельзя, равным образом, заподозрить его в идеалистических симпатиях» (стр. 116).

— **„Ха-ха! Эклектик. Неправда“**, — пишет Ленин.

В противоречии со своим утверждением на стр. 116, Шулятиков на стр. 123 сам пишет, что у Вундта «за духовным началом утверждается примат».

И здесь Ленин замечает:

— „Верно“.

Симпатии Вундта к «динамизму», к «актуальности», его критику понятия субстанциональности, его волюнтаризм Шулятиков пытается вывести из «динамизма» и «эластичности» капиталистического предприятия и безразличного отношения «верховных руководителей» «к тому или иному составу своего «исполнительского» персонала» (стр. 131). Волюнтаризм, выходит, является свойством, атрибутом «авангарда капиталистической буржуазии» (стр. 131).

— „Вздор! А Шопенгауэр?“ — спрашивает Ленин.

Шопенгауэр, как известно, развил философию волюнтаризма, выражая идеологию помещиков, реакционного прусского юнкерства. И тут жалкая схема трещит перед лицом фактов.

В главе XII (Эмпириокритицизм) Шулятиков утверждает, что: 1) критика Вундта «была в воображаемую цель», 2) что борьба Вундта с учениками Авенариуса не знаменовала собой столкновения миропониманий, принадлежащих двум различным классам, 3) что разница между ними незначительна (стр. 133).

Первое утверждение, — отмечает Ленин, — „неточно“, а о втором и третьем Ленин пишет: „правда“, „верно“.

Шулятиков пишет, что «понятие функциональной зависимости есть отрицание зависимости причинной» (стр. 134).

— „Ой-ли?“ — возражает здесь Ленин.

Шулятиков обосновывает свое утверждение тем, что эмпириокритицизм хотя и называет «психический ряд зависимым» и как будто признает «объективный ряд независимым», но в действительности, как пишет Авенариус, не признает «ни физического, ни психического, а нечто третье» (стр. 135). И это правильно отметил уже Гефдинг.

— „Конечно, — замечает Ленин, — но из этого не следует, что функциональность не может быть видом причинности“.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Лениным это показано подробно. Попытки противопоставлять причинную связь связям функциональным и обратно, как и попытки подменить ими все отношения причины и следствия, продолжающиеся и ныне в теоретическом естествознании, не выдерживают никакой критики с точки зрения единственно научного метода — диалектического материализма.

На стр. 136 Шулятиков пишет: «Возможность сближения их (эмпириокритиков. М. К.) с материализмом особенно велика».

— „Гм?“ — пишет на полях книги Ленин.

«И среди широких слоев читающей публики об эмпириокритицизме сложилось мнение, как о материалистической школе», — продолжает Шулятиков (там же).

— „Ложь!“, — возражает Ленин.

«Более того, даже специалисты-философы ошибочно судят о нем: сам патриарх новейшей философии, Вильгельм Вундт, назвал его «материализмом», — продолжает Шулятиков (там же).

— „Почему? Этого ты не понял!“ — отмечает Ленин.

«Наконец, — заключает Шулятиков, — что всего интереснее, и эмпириокритики, отмежевываясь от материализма, в то же время пользуются иногда его терминологией...» (там же).

— „Ага!“, — замечает на это Ленин.

Смысл этих замечаний Ленина разъяснится легко при обращении к его книге «Материализм и эмпириокритицизм». В ней Ленин показал, как

эмпириокритики маскируют свой идеализм «позитивизмом», «научной» и «материалистической» терминологией и фразеологией и почему вместе с тем казенные буржуазные профессора набрасываются не только на специалистов-естественников, стихийно идущих к материализму, но и друг на друга с обвинениями в «страшной», «безбожной», «преступной» «ереси» — в материализме. Обвинениями в материализме эти дипломированные лакеи буржуазии хотят запугать, терроризировать широкие слои ученых специалистов, отпугнуть от материализма тех, кто стихийно тянется к нему.

Ленин отмечает правильность утверждений Шулятикова о близости философии Маха и Авенариуса, особенно их учения о принципиальной координации, к позиции Беркли. Но далее Шулятиков пишет: «С такою же прямолинейностью, как и Беркли, Авенариус выставляет тезис: вне субъекта нет объектов. Каждая «вещь» должна непременно «относиться» к центральной нервной системе, играющей роль функционального центра...» (стр. 142).

Ленин возражает:

— *„Тут у Шулятикова недоразумение“.*

На стр. 144 Шулятиков пишет: «Мир представляет у Авенариуса аггломерат центральных нервных систем. «Материя» абсолютно лишена всяких «качеств», как «первичных», так и «вторичных», некогда считавшихся ее необъемлемой принадлежностью. Решительно все в материи определяется «духом», или, по терминологии автора «Критики чистого опыта», центральной нервной системой».

— *„Недоразумение“*, — замечает снова Ленин.

Шулятиков так «упростил» содержание философии Авенариуса, что она стала такой же «прямолинейной», как у Беркли; эклектизм Авенариуса исчез, исчезли и оба необходимых члена принципиальной координации — «среда» и «я». О попытке вывести эмпириокритицизм при помощи пресловутого организатора и его управляющей воли и рабочего, играющего всюду роль «материи», Ленин на полях 140-й страницы книги Шулятикова пишет:

— *„Ой, подозрительно! Дешевые объяснения без анализа сути!“*

Ленин подчеркнул также общий вывод книги: «Область философии — настоящая «Бастилия» буржуазной идеологии» (стр. 148).

Почему же философия только — Бастилия буржуазной идеологии? И всякая ли философия? А диалектический материализм Маркса и Энгельса — тоже Бастилия буржуазной идеологии? Ленин не раз писал, что это — коренное теоретическое основание научного пролетарского мировоззрения. Все эти вопросы, естественно, встают сразу перед читателем. Каков же ответ Шулятикова? «Философия, — пишет он, — это наука об организаторах и организуемых, о дирижирующих «центрах» и дирижируемой «массе»» (стр. 150).

В качестве резюме своих замечаний о книге Шулятикова Ленин писал:

— *„Вся книга — пример безмерного опощения материализма. Вместо конкретного анализа периодов, формаций, идеологий голая фраза об „организаторах“ и до смешного натянутые, до нелепости неверные сопоставления.“*

Каррикатура на материализм в истории.

А жаль, ибо есть стремление к материализму“.

* * *

Книга Шулятикова теперь мало кому известна. После выхода ее Плеханов написал на нее довольно злую рецензию¹, но не дал такого глубокого анализа и критики, какую мы видим в заметках Ленина. И книга и рецензия Плеханова были забыты, хотя в борьбе с разными упрощенцами следовало

¹ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XVII, стр. 141.

ознакомиться с ней, чтобы показать философскую родословную групп упрощенцев и вульгаризаторов философии марксизма, ныне скатившихся на путь фашистского контрреволюционного террора.

В духе богдановщины извращал марксизм Бухарин, идеолог правых, реставратор капитализма, разоблаченный ныне как злейший враг партии и народа.

Не мало упрощенчества в духе Богданова и Шулятикова насадила так называемая историческая школа М. Н. Покровского, а в области литературоведения — Переверзев и его школка.

Приведем лишь один типичный пример отрывки переверзианства — этой вульгарной меньшевистской социологии, этой карикатуры на марксизм под флагом «левой» фразы, «защиты марксизма», «историзма», «классовой точки зрения» и т. д.

В «Литературной энциклопедии» (том II) помещена статья И. Нусинова «Вековые образы». Исходя из того факта, что так называемые вечные образы (Прометей, Эдипа, Гамлета, короля Лира, Отелло, Фауста, Дон-Кихота, Хлестакова и т. д.) возникли в определенных исторических условиях, автор пишет, что эти образы являются отражением типичных социальных черт и характеров людей определенных общественно-экономических формаций и классов. Но почему же они имеют значение для разных эпох? Эта проблема неразрешима для всех релятивистов, вульгарных социологов типа Богданова, Шулятикова, Переверзева, равно как и для И. Нусинова.

Для них в великих произведениях искусства, в творениях гениальных людей прошлых эпох не может заключаться ничего общечеловеческого, никакого зерна объективной абсолютной истины, не зависимой от сознания и опыта человека и человечества. Для них нет ничего объективно прекрасного. Нет красоты, *существующей объективно*, независимо от того, сознают ее люди, и насколько верно и глубоко, или не сознают совсем. Все понятия эстетики для них исключительно субъективны, относительны, «исторически ограничены», выражая лишь субъективные представления и воззрения данного класса, данной социальной группы. Почему же в таком случае образы Прометея, короля Лира, Отелло, Фауста и т. д. имеют значение и волнуют людей различных эпох, классов, волнуют и рабочих и крестьян социалистического общества? — Только потому, что классы переживают родственные ситуации, — отвечает И. Нусинов. «Вечные образы» — не вечные, а «вековые», не надклассовые и внеклассовые, не общечеловеческие, а *«общеклассовые для всего классового периода человечества»* («Литературная энциклопедия», т. II, стр. 134—135; подчеркнуто нами. М. К.).

«Ряд вечных образов — как Иуда, Тартюф, Хлестаков, Смердяков, или как король Лир, Отелло, или как Прометей, Эдип, Дон-Кихот, Каин — является выражением таких человеческих пороков и страстей или таких человеческих устремлений, которые общи всем социально-классовым формациям собственнического человека, которые были выражением его чрезвычайной беспомощности в борьбе с природой. Угнетение человека человеком в различные времена породило подхалимство, лживость, хвастливость, подличанье, мстительность, цинизм» и т. д., — пишет И. Нусинов (там же, стр. 134). Странно уже то, почему Прометей попал в компанию с Иудой, Эдип и король Лир — со Смердяковым, Отелло и Дон-Кихот — с Хлестаковым и Тартюфом. При социализме все дурные страсти и пороки людей будут ликвидированы как пережитки капитализма. А отсюда Нусинов «заключает»: «Переживания Тартюфа, Смердякова, Отелло, вероятно, будут для них представлять такой же интерес, как изучение *инстинктов животных* (подчеркнуто нами. М. К.) высокой психической организации. К переживаниям Дон-Кихота, Прометея, героев греческих трагедий рока эти люди отнесутся так, как наши современники относятся к наивным воззрениям первобытных племен» (там же). А раз так, — рассуждает «социолог», — все эти вечные

образы потеряют свою значимость и «не будут волновать» людей социалистического бесклассового общества. А если люди все же «волнуются», то не иначе, очевидно, как только потому, что у них не ликвидированы эти пережитки капитализма.

Можно ли представить более злую карикатуру и пародию на людей бесклассового социалистического общества, пародию на марксизм, чем рисует здесь И. Нусинов? Людям бесклассового социалистического общества не нужны, оказывается, ни Шекспир, ни Гете, ни Софокл, ни Эврипид, ни Эсхил, ни Пушкин, ни Гоголь, ни их гениальные произведения, ни созданные ими художественные образы. Ничего этого люди бесклассового общества, по социологии Нусинова, не могут понять и почувствовать. На представлении «Фауста» Гете или «Короля Лира» и «Отелло» Шекспира они будут сидеть, как бесчувственные истуканы или, по выражению автора, как «зоологи», изучающие «инстинкты животных».

Победа социализма, по «социологии» Нусинова, сделает людей «все менее и менее восприимчивыми к мукам Иова, Экклезиаста, Гамлета, Фауста. Эти образы отойдут в прошлое, как и века, их породившие». «Конец классового общества будет и концом этих образов...»

Что это: сознательная контрреволюционная клевета на социализм или тупоумие меньшевистской социологии? Одно другого стоит. Сознательные работники бесклассового социалистического общества, по «социологии» Нусиновых, — это какие-то Иваны-непомнящие. Они забудут великие исторические битвы прошлого, битвы, которые вели человечество вперед, в конечном счете вели к социализму. По «социологии» Нусиновых, под гнетом рабства, феодализма, капитализма трудящиеся и вместе с ними лучшие умы человечества не боролись за счастье и свободу человечества против рабства, за великие идеалы, которые могут волновать людей социалистического общества.

Вот гнилые плоды своеобразного агностицизма и релятивизма в эстетике! Разве это не наглая клевета на социализм и сознательных работников социалистического общества!

При социализме люди будут понимать неизмеримо более глубоко смысл тех великих исторических битв, конфликтов, трагедий и комедий, великих драм, которые человечество неизбежно должно было пережить, чтобы выйти из животных условий существования, перейти из предистории человеческого общества к подлинно человеческой истории, из царства слепой необходимости и горькой нужды в истинное царство свободы.

Вот почему в СССР, где социализм победил окончательно и бесповоротно, где ликвидированы эксплуататорские классы и эксплуатация человека человеком, где жить стало лучше, — вот почему здесь широчайшие массы с невиданной силой изучают, познают историю прошлого, критически овладевают всем культурным наследством прошлого, строя свою новую, высшую культуру, культуру национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Проявления агностицизма и вульгаризации в «социологии» искусства и литературы, в работах по эстетике и истории литературы, к сожалению, не единичное, а еще довольно распространенное явление¹. Это — остатки не выкорчеванных еще буржуазных теорий, рядящихся в «марксистские» одежды. С ними, как и вообще со всеми пережитками капитализма в сознании людей, необходима упорная борьба. Жив еще курилка! Жива шулятиковщина! Жива переверзевщина! Их надо разоблачать и добывать, вырывать с корнем.

М. Каммари.

¹ Критикуемая нами статья И. Нусинова появилась в 1929 г., но подобные же взгляды он пытался защищать и в 1935 г. в своем докладе на эту тему в Коммунистической академии, получив соответствующий отпор. М. К.

Японская авантюра в Северном Китае

В широких агрессивных планах японского империализма Китай всегда занимал большое место. Установление своего господства в Китае всегда было заветной мечтой правящих классов Японии. Но Китай — огромная страна, население которой превышает 400 миллионов. При всей относительной военно-экономической слабости Китая просто «завоевать» его не мечтают даже наиболее авантюристические элементы японской военщины.

Поэтому основная стратегия японцев в отношении Китая всегда заключалась в попытках расчленить его, раздробить и затем по кускам проглатывать отдельные китайские территории, широко используя при этом наемную агентуру из китайских милитаристов, помещиков, купцов.

В соответствии с этой стратегической установкой японского империализма его дипломатия всегда стремилась «доказать», что единого Китая, собственно говоря, никогда и не существовало, а имеются механически связанные между собой, но совершенно изолированные по существу страны: Манчжурия, Северный Китай, Внутренняя Монголия, Центральный или Собственно-Китай, Южный Китай и т. д.

Японская дипломатия в тесном сотрудничестве с генеральным штабом и органами японской разведки много раз пыталась претворить эту «теорию» в жизнь. Различные марионетки выдвигались в качестве носителей специфических интересов «изолированных» районов Китая, и, опираясь на них, японская военщина расчищала путь к превращению этих районов в колонии или полуколониальные, зависимые территории японского империализма.

Китай — крупнейший резервуар естественных богатств и людских ресурсов — давно служит объектом острой империалистической борьбы конкурирующих между собой буржуазных стран. В этой давнишней борьбе у Японии есть целый ряд преимуществ, в первую очередь территориальная близость, которая обеспечивает военно-феодалному империалистическому механизму Японии наилучшие условия для проведения агрессивной политики против Китая.

Среди империалистических держав, эксплуатирующих Китай, Япония — самый главный и самый опасный разбойник. Большой кусок китайской территории уже превращен в японскую колонию (Манчжурия, Жэхэ, часть Чахара). Следуя своей программе постепенного расчленения и захвата китайских земель, японский империализм уже в течение нескольких лет подготавливает отрыв от Китая его северных провинций, непосредственно прилегающих к Манчжурии.

Это не значит, однако, что вождения Японии ограничиваются северными районами: интриги японских разведчиков, активность японских морских кругов, интересы непосредственной наживы японских промышленников отчетливо показывают, что и в центральных и в южных частях Китая Япония создает базы для последующих агрессивных действий. Но, поскольку японский империализм не в состоянии выступать одновременно на нескольких различных фронтах, он, по тактическим соображениям, соблюдает известную очередность в проведении своих грабительских планов, маскируясь

иногда мнимой незаинтересованностью в делах Южного и Центрального Китая.

Японская военщина стремится захватить сперва те территории Китая, которые расположены «удобнее» для нее, чтобы затем использовать их как исходные позиции для дальнейшего разбоя, для новых интриг и авантур.

С этой точки зрения, североитайские провинции представляют для японского империализма особый интерес. «Первоочередность» разбойничьих действий в Северном Китае и Внутренней Монголии диктуется всем ходом развития японской политики за последние годы.

Правительство Японии, находящееся под фактическим контролем агрессивных милитаристских клик, послушно проводит их указания в отношении подготовки Японии к «большой войне». Одним из важных звеньев этой подготовки является установление контроля над Северным Китаем. Дипломатический нажим, «экономическая» борьба в виде контрабанды, организация «внутренних» провокаций и, наконец, военная интервенция — таков арсенал средств и методов, применяемых японским империализмом для захвата новых китайских земель.

Несомненно, что японская военщина намеревается захватить Северный Китай преимущественно в целях создания плацдарма для будущих операций своей армии (и подсобных манчжуро-монгольских формирований) не только против Собственно-Китая, но и против Монгольской народной республики и против СССР. Японские милитаристы рассматривают продовольственные и сырьевые ресурсы Северного Китая пока главным образом с точки зрения возможности их военного использования.

Отсюда постоянное стремление японской военщины поглубже проникнуть во Внутреннюю Монголию и закрепить ее за собой. Образованный еще в 1934 году так называемый Политический совет автономной Монголии должен был сыграть роль «инициативной группы» для провозглашения «независимого «Монгол-Го». Однако, за исключением части монгольских феодалных князьков и ламства, японцы не сумели создать себе достаточной опоры во Внутренней Монголии. Даже наемные монгольские войска, руководимые платными японскими агентами и военными консультантами, оказались настолько ненадежными, что японское военное командование вынуждено было приостановить снабжение этих войск боевой техникой. Чтобы не допустить открытого присоединения отдельных монгольских отрядов к партизанским антияпонским силам, оперирующим в провинции Чахар, японская военщина должна была пойти на столь рискованный метод закрепления своих позиций, как прямое натравливание одних своих агентов на других: междоусобица отвлекала внимание этих монгольских формирований от борьбы с Японией.

Одновременно японцы продолжали продвигать свои товары во Внутреннюю Монголию, намечали и осуществляли строительство шоссейных дорог, телеграфных линий, аэродромов, стремясь «привлечь» к себе монгольское кочевое население монопольной скупкой местного сырья.

Однако для основательного закрепления во Внутренней Монголии японская военщина, безусловно, нуждается в сети гарнизонов, которые были бы надежным оплотом среди враждебной или по меньшей мере полувраждебной массы местного населения. Поэтому японский генштаб специально заботится о том, чтобы сконцентрировать в своих руках полный контроль над коммуникационными линиями, связывающими Внутреннюю Монголию с манчжурским военным плацдармом. Это толкает японскую военщину на форсирование авантур в Северном Китае с целью захвата его основных железнодорожных магистралей. Важнейшими из этих магистралей следует считать Бэйпин-Суйюаньскую железную дорогу, ведущую в сердце Внутренней Монголии (через Калган), и Бэйпин-Мукденскую железную дорогу, которая яв-

ляется единственной железнодорожной магистралью, связывающей Северный Китай с Манчжурией.

Не удовлетворяясь существующей транспортной сетью, японское военное командование разработало несколько проектов строительства новых железнодорожных линий, из которых особого внимания заслуживают два проекта: соединение Бэйпин-Суйюаньской магистрали с железными дорогами в провинции Жэхэ, и железных дорог провинции Шаньси с Тяньцзинь-Пукоуской железной дорогой (на станции Цань-Чжоу).

Недавнее антияпонское выступление в провинции Чахар, а также сильно раздуваемые японцами слухи об активном сотрудничестве нанкинских правительственных войск с частями китайской красной армии, несомненно, побудили японскую военщину ускорить выступление в Северном Китае. Очевидно, многочисленная японская разведывательная резидентура в Китае настойчиво сигнализирует в своих докладах о том, что значительно понизились шансы на «самопроизвольное» расчленение Китая. С другой стороны, образование в самой Японии чрезвычайно покладистого в отношении к военщине и в то же время терпимого для буржуазии правительства Коноэ открыло перед японским генеральным штабом возможность «попытать счастья» — попробовать осуществить давнишний план «освоения» северо-китайского плацдарма.

Как уже указывалось, экономическое проникновение в Северный Китай сулит чрезвычайно большие выгоды и японской буржуазии. Японская текстильная промышленность в очень большой степени зависит от ввоза американского и индийского хлопка. В Северном Китае, в провинциях Хэбэй, Шаньдун и Шаньси, посевами хлопка занято свыше 900 тысяч гектаров, причем ежегодный сбор хлопка превышает четверть миллиона тонн. Естественно, что японские текстильные фабриканты с особенным воодушевлением смотрят на Северный Китай и хотели бы превратить его в свою основную сырьевую базу.

Немалое внимание уделяет японский «деловой мир» и железорудным ресурсам Северного Китая, которые в одной только провинции Хэбэй исчисляются в 32,4 миллиона тонн. Угольные запасы провинции Шаньси составляют 127 миллиардов тонн. Все это в сочетании с огромной емкостью северо-китайского рынка (население провинции Хэбэй составляет свыше 31 миллиона, а провинции Шаньдун — свыше 28 миллионов) делает Северный Китай чрезвычайно лакомым куском для японского империализма.

Однако превращение Северного Китая в военный плацдарм (в случае его захвата) крайне сужает возможности рационального, с точки зрения «умеренных» японских буржуа, использования этих богатств. Они предпочли бы поэтому «мирное» разрешение японо-китайского конфликта, с ограниченным применением оружия, с единственной целью принудить китайцев поскорее капитулировать и подписать экономическое соглашение о японо-китайском «сотрудничестве».

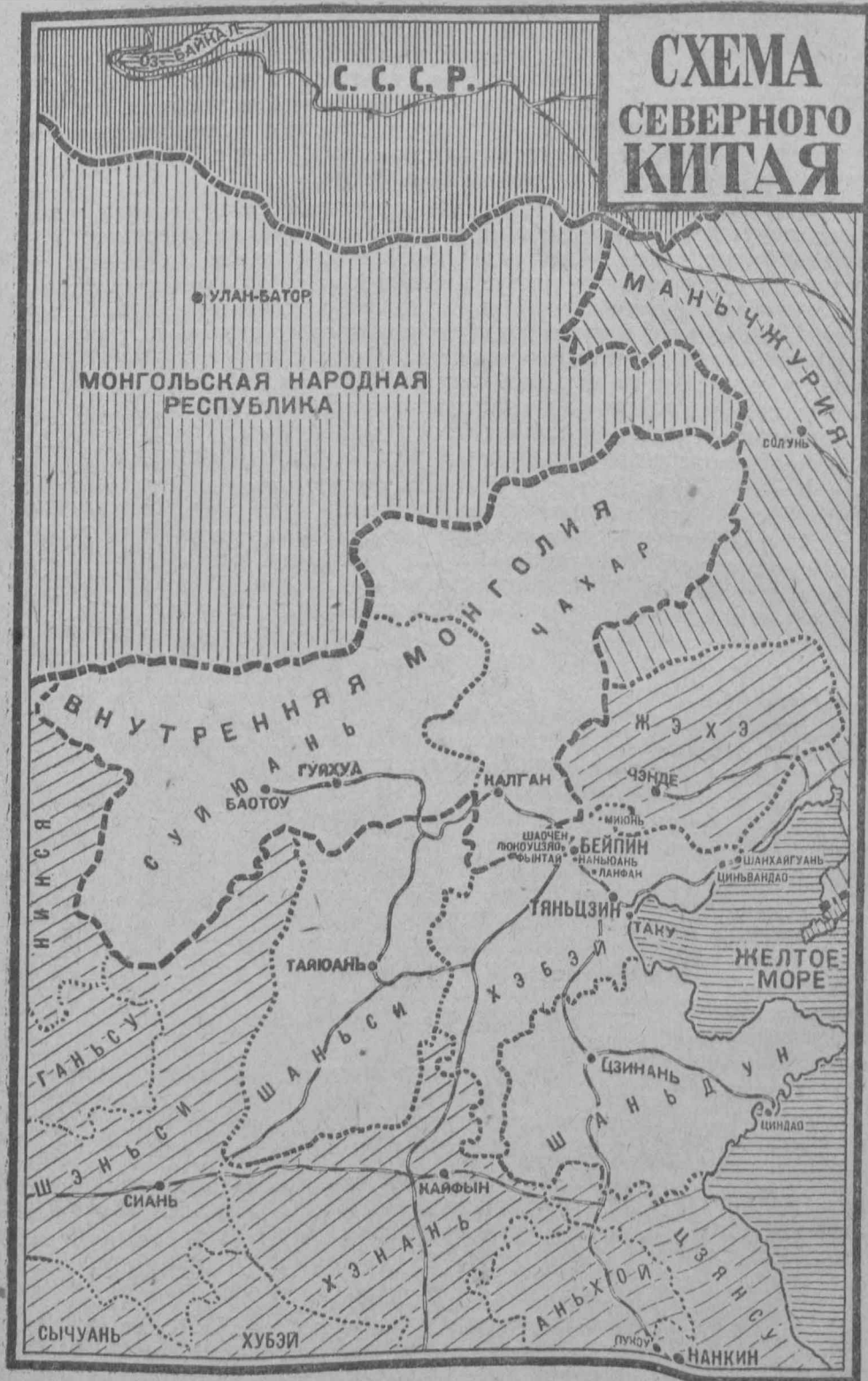
Однако наводнение Северного Китая японскими войсками, отправка дополнительно 5 дивизий в распоряжение местного японского командования и другие мобилизационные мероприятия не укладываются в рамки «ограниченной» интервенции, которую предпочли бы «умеренные» японские буржуа.

Призрак «большой войны», который они тщетно пытаются отогнать, приобретает с каждой новой авантюрой японской военщины на материке все более грозные, конкретные очертания.

* * *

Новый прыжок японского империализма в Северном Китае указывает на чрезвычайное обострение всей международной обстановки на Дальнем Востоке.

СХЕМА СЕВЕРНОГО КИТАЯ

Агрессивная японская военщина подготовила и спровоцировала очередной «инцидент» на китайской территории, чтобы приблизить осуществление своего генерального плана «большой войны». Нельзя рассматривать японскую провокацию изолированно, вне связи с основными программными установками японской военщины.

Попытка захватить основные стратегические и железнодорожные узлы в северокитайских провинциях вызвана убеждением японского генерального штаба в том, что манчжурский плацдарм явно недостаточен для развертывания крупных операций — как для возможных действий против Советского союза и Монгольской народной республики, так и для расширения агрессии в направлении Центрального Китая.

Комбинированные действия японской армии и флота показывают полное единодушие милитаристов в захвате новых китайских земель. Правительство князя Коноэ в свою очередь стремится обеспечить военщине «лояльную» поддержку со стороны основных буржуазных группировок, которые не желают особенно прекословить генералам и министрам в развязывании новой войны, поскольку речь идет о Китае. Японская военщина чрезвычайно ловко спекулирует на том повышенном интересе к Китаю и его делам, который проявляют все фракции и группировки японского капитализма.

На протяжении многих лет особо квалифицированные кадры японских разведчиков и диверсантов специализировались на «китайских» делах. Японский капитализм, используя свою территориальную близость к Китаю и свой разбухший военный аппарат, в значительной мере питался соками китайского народа. Японские господствующие классы привыкли смотреть на Китай как на объект империалистической политики Японии и других конкурирующих с нею держав. Японские хищники были всегда озабочены лишь одним: как бы помешать своим империалистическим конкурентам укрепиться в какой-либо части Китая, как бы не позволить Соединенным штатам Америки, Англии или какой-либо другой стране установить тесный контакт с китайским правительством, осуществить контроль над тем или иным важным в стратегическом отношении уголком Китая.

Пресловутая «доктрина» Хирота, особенно рельефно выраженная в декларации японского министерства иностранных дел от 17 апреля 1934 года, со всей определенностью подчеркивала, что японский империализм склонен считать себя хозяином не только оккупированных им территорий Китая (Манчжурии, Жэхэ и др.), но в перспективе — и всего Китая. Различные «проекты» заключения японо-китайского «союза» предусматривали различные стадии закабаления китайского народа: экономическое японо-китайское «сотрудничество» должно было парализовать сопротивление грабежу естественных богатств Китая; дипломатическое «сотрудничество» лишило бы Китай возможности жаловаться кому-либо на японский разбой и грабеж; военное «сотрудничество» должно было позволить японцам разоружить Китай и поставить его под контроль японских фельдфебелей и жандармов.

Сделав ставку на феодальную раздробленность Китая, на продажность паразитических милитаристских китайских кланов, японский империализм с нетерпением ждал того дня и часа, когда созревшее яблоко — Китай — само упадет в подставленную корзину. По расчетам японских военных, дипломатов, шпионов, вся высшая китайская администрация (военная и гражданская) так насыщена японской агентурой, что никакой организованный отпор со стороны китайских властей невозможен; наоборот, эти власти должны были бы сами в большой мере содействовать приближению триумфа Японии.

Самоубийственная политика непрерывных междоусобных войн, физического истребления преданнейших и лучших сынов китайского народа — коммунистов — прямо соответствовала намерениям и целям японских захват-

чиков. В 1935 году японские империалисты, уверенные в неспособности Китая к сопротивлению, выдвинули совершенно «бескровный» вариант овладения Китаем посредством прямого сговора с отдельными китайскими генералами. Шум, поднятый японцами вокруг провозглашенной ими «новой эры японо-китайской дружбы», был рассчитан отчасти на усыпление бдительности Соединенных штатов Америки и Англии, обеспокоенных японскими планами дальнейшего расчленения территории Китая, отчасти на то, чтобы облегчить японской агентуре в Китае необходимую подготовку к «законной» капитуляции перед Японией.

Ведя войну с китайской красной армией, нанкинское правительство не могло и не хотело создавать опасных для себя конфликтов с наседавшим японским империализмом. Сопротивление нанкинских властей нажиму Японии не выходило за рамки попыток получить кое-какую дипломатическую и отчасти финансовую поддержку со стороны Соединенных штатов Америки и Англии. Как известно, Китай не добился значительных результатов в этом направлении.

В июне 1935 года было подписано позорное для Китая соглашение Хо Ин-цин—Умэдзу, молчаливо признававшее «автономию» части Северного Китая, прикрывающую образование там буферного японофильского режима, удобного иноземным захватчикам.

Гнет бронированного сапога японской военщины усугублялся внутренней борьбой и невозможностью в силу этого сплотить все национальные силы для отпора врагу.

Казалось, что японский империализм близок к победе. Англия и даже Америка вели политику «воздержания», опасаясь провоцировать японскую военщину. Скоро, однако, иллюзии близкого триумфа Японии рассеялись как дым. История внесла поправку в расчеты японских генштабистов и их шпионов.

В планах разложения Китая посредством густой сети провокаций и авантур со скрупулезной точностью учитывалась возможность использования тех или иных милитаристов, купцов и банкиров. Не учитывался лишь один «фактор», проявившийся со всей силой в последнее время. Этот могучий фактор — сам китайский народ, не желающий быть поработленным и проданным «своими» милитаристами.

Японские разведчики могли насадить свою агентуру в китайских городах и портах, в провинциальных правительствах и в отдельных генеральских штабах. Но они не смогли подорвать национальное самосознание великого китайского народа и сломить его волю к освобождению.

1936 год явился поворотной датой в истории японо-китайских взаимоотношений. Отдельные, разрозненные ручейки антияпонских выступлений сливаются постепенно в единый могучий поток.

Героические традиции бойцов Чапея, заставивших японские войска еще в 1932 году почувствовать на своей шкуре, что означает сопротивление вооруженного народа, ожили в действиях китайских войск в провинции Суйюань, где был дан быстрый и сильный отпор японским наемникам.

Гоминдановские войска, расположенные в Северном Китае, возглавлялись по соглашению с Нанкином самыми «безобидными» для японцев генералами; но даже эти войска не могли оставаться равнодушными зрителями японских бесчинств и нанесли основательный урон японцам в боях при Люоуцзяо.

Несмотря на большой технический и даже количественный перевес японских войск, после нескольких «перемирий» снова предательски напавших на китайские части под стенами Бэйпина, 25—28 июля агрессору было вновь оказано энергичное сопротивление. Части 29-й армии несколько раз

выбивали японцев из занятых ими пунктов. По свидетельству иностранных наблюдателей, не только китайские солдаты, но и гражданское население Северного Китая преисполнено решимости сопротивляться до конца.

В настоящий момент китайские войска оставили Бэйпин. Но если бы даже японцам удалось удержать Бэйпин в течение некоторого времени в своих руках, это означало бы лишь вступление в самый начальный этап борьбы. Временная утрата Бэйпина может стать решающим сигналом для всего Китая, показывающим остроту положения, зовущим к решительным действиям. Последние бои на подступах к Тунчжоу показали, что в этом случае у японского империализма может не хватить дивизий, чтобы удержать в своих руках захваченную чужую землю.

Весь Китай жаждет справедливого отпора ненасытным захватчикам. За исключением небольшой кучки давно разоблаченных японских наймитов, ведущих сейчас в Тяньцзине «переговоры» с японцами об «уступке» Северного Китая, даже самые замаскированные японские агенты, которые занимают подчас весьма высокое общественное положение в Центральном Китае, принуждены временно стушеваться и молчать перед лицом бурного антияпонского движения. Отдельные продажные милитаристы, троцкисты и другие лютые враги китайского народа тщетно напрягают усилия, чтобы помешать национальному объединению Китая против японских империалистов.

В этой обстановке самым важным и самым знаменательным фактом последнего времени является прекращение всяких военных действий и начало деловых переговоров между частями китайской красной армии и центральным китайским правительством в Нанкине. Как бы некоторые реакционные лидеры гоминдана ни саботировали и ни срывали соглашение гоминдана с коммунистической партией Китая, это соглашение волею китайских народных масс воплощается в жизнь независимо от своего «оформления». Гоминдановские солдаты и офицеры, отказывающиеся стрелять в китайских красных бойцов, осуществляют на деле это соглашение.

Все подлинно дальновидные государственные деятели гоминдана уже осознали, что нельзя заставить крестьян и пролетариев, одетых в военную форму китайской регулярной армии, стрелять в своих братьев-китайцев в то самое время, как японские хищники терзают живое тело Китая. Нельзя называть врагами и преследовать людей, проявляющих величайший героизм, готовых умереть за дело национального освобождения. В этом залог того, что еще не подписанное и не оформленное официально соглашение о единстве антияпонских действий красной армии Китая и войск гоминдана будет осуществлено целиком.

Нет сомнения, что те группировки в руководстве гоминдана, которые, прикрываясь «теоретическими» и всякими другими соображениями, стремятся противодействовать образованию единого народного антияпонского фронта, все без исключения в той или иной степени инспирируются японцами. Не случайно, например, одним из главарей реакционной, так называемой партийно-теоретической группировки в гоминдане является генерал Чжан Чзюнь, бывший министр иностранных дел, освобожденный в начале 1937 года от министерских обязанностей именно из-за сврей японофильской политики. Характерно, что в то же время и некоторые, так называемые левые вожди гоминдана, в свое время рядившиеся в тогу революционеров, повторяют в своих публичных выступлениях те самые «доводы» против установления и поддержки народного антияпонского фронта, которые подсказаны иностранными империалистами. В тесном содружестве с китайскими троцкистами и ченьдусоистами (правыми ренегатами) «левые» вожди гоминдана клеветают на китайскую коммунистическую партию, повторяя истерические вопли японцев о том, что нужно-де «завершить наказание бандитов» и не допускать никаких переговоров с ними.

Следует еще раз подчеркнуть, что рост антияпонских настроений—это огромный стихийный процесс, происходящий во всех слоях китайского общества. Рабочие, крестьяне, интеллигенты, мелкие торговцы и ремесленники, солдаты, офицеры — все эти многомиллионные слои китайского народа пришли в движение, и сила их воздействия сказывается даже на позициях представителей правящих классов — чиновников и генералов. Китайские промышленники, купцы и банкиры, частично даже помещики, заявляют о своей солидарности с антияпонским движением. Причина этого прежде всего в огромном давлении, которое оказывают китайские трудящиеся на господствующие классы. Немалую роль играет и наглядный урок, показавший, к чему приводит японское господство, — оккупация Манчжурии, Жэхэ, Чачара. Японские интервенты несут не только нищету и разорение китайским трудящимся и в первую очередь крестьянству: господство японской военщины означает массовую экспроприацию китайских собственников—буржуа и землевладельцев, полное бесправие всего населения.

Для того, чтобы оправдать перед общественным мнением очередную провокацию в Китае, японская буржуазная печать заблаговременно стала помещать явно инспирированные статьи о том, что японские интересы в Северном Китае находятся под угрозой. Всячески раздувая и искажая сведения об образовании народного антияпонского фронта в Китае, японские империалисты жульнически пытаются изобразить это не как акт самозащиты, а как подготовку агрессии со стороны Китая против «миролюбивой Японии». Ретивые писаки, инспирируемые командованием квантунской армии, делают гнусные попытки изобразить народный антияпонский фронт в Китае как результат деятельности Советского союза.

Подобные уловки, разумеется, не случайны. Японская военщина, не желающая отказаться от планов антисоветской войны, всячески пытается убедить колеблющиеся элементы собственной буржуазии в «связанности» двух «проблем»: агрессии против Китая и агрессии против СССР.

Прекрасно понимая, что все мало-мальски здравомыслящие люди в Японии отдадут себе отчет в том, какой огромный риск представляет война против СССР, японская военщина стремится доказать необходимость этой войны, исходя из «китайского варианта».

Мы уже указывали, что японские правящие классы в «принципе» единодушно поддерживают авантюры против Китая. Китай издавна привлекает алчные аппетиты японских промышленников, коммерсантов, больших и малых спекулянтов, представляющих все оттенки буржуазного «общественного мнения». Сдерживающим моментом для Японии, поскольку речь идет об агрессии в Китае, является до сих пор лишь боязнь преждевременного столкновения с Соединенными штатами Америки и с Англией. Способность самого китайского народа к эффективному отпору интервентам недооценивалась в японских «деловых кругах» не в меньшей степени чем в японском генеральном штабе.

Сейчас японская военщина стремится получить санкцию своей буржуазии на новое расширение агрессии в Северном Китае, чтобы затем объявить, что полное разрешение северокаитайской проблемы упирается в «большевистскую опасность» и нужно-де воевать против СССР.

Этого, повидимому, боится и кое-кто в Японии. Очень характерно, что японский тайный совет, состоящий, как известно, из представителей старой бюрократии, связанной интимными узами с банками и трестами, заслушав специальные доклады военного министра Сугиямы и министра иностранных дел Хирота, рекомендовал им проявлять известную «осторожность и сдержанность» при разрешении северокаитайского «инцидента».

Сомнительно, чтобы это пожелание было услышано японскими генералами в тот момент, когда они находятся в состоянии крайнего воинственного иступления. Но все же значение подобного предупреждения важно. Несмотря на то, что лидеры основных парламентских партий Японии поспешили демонстрировать «патриотическое единение» с правительством, нельзя недооценить тот факт, что первые же вести об отправке новых японских войск в Северный Китай вызвали немедленное падение курса ценных бумаг в Японии (в том числе акций предприятий военного значения). Это свидетельствует о том, что японская буржуазия, «в принципе» безусловно одобряющая североазиатскую авантюру, боится, что военщина по мере развития своих разбойничьих действий в Китае заставит Японию «переключиться» на «большую войну».

Японский генеральный штаб провел уже целый ряд мобилизационных мероприятий. Он прибегнул даже к такой, в японских условиях чрезвычайной мере, как смещение командовавшего японскими войсками в Северном Китае генерал-лейтенанта Тасиро и назначение нового командующего. Этот шаг, сделанный непосредственно после того, как части китайской 29-й армии отбросили японцев, совершивших предательское нападение у Люкоуцзяо, следует расценивать не только как недовольство военщины слабостью местного японского командования, но одновременно как стремление настоять на своем и придать событиям широкий разворот. Генерал Тасиро считался в японской армии одним из знатоков Китая. Политическая принадлежность к находящейся сейчас у власти центристской группировке японской военщины делала его кандидатуру весьма подходящей для такого важного поста, как командование японскими войсками в Китае.

Отпор, явившийся для японцев, как видно, неприятной неожиданностью, дал повод японскому генеральному штабу организовать провокацию в еще более широком масштабе. Взамен Тасиро, который через несколько дней после своего смещения «скончался от разрыва сердца», как сообщили японские газеты, в Северный Китай был назначен генерал-лейтенант Кадзуки, до марта 1937 года командовавший гвардейской дивизией. После этого нового назначения японцы уже трижды нарушили подписанное ими самими соглашение о перемирии.

Тактика японской военщины состояла в том, что, стремясь выиграть время, она оттягивала крупные военные действия до переброски дополнительных войск из Манчжурии и Японии. Значительное увеличение японских оккупационных войск в Северном Китае, безусловно, с самого начала свидетельствовало о наличии у японского командования стремлений выйти далеко за рамки «местного инцидента». Содержание японских войск на материке (даже в задавленной японцами Манчжурии) обходится значительно дороже, чем в Японии. К тому же японское командование имеет возможность чрезвычайно быстро перебрасывать войска с японских островов на материк. Поэтому японский генеральный штаб предпочитает держать на материке лишь такое количество дивизий, которое минимально необходимо для «освоения военного плацдарма», для борьбы с местными партизанами. С целью приучить возможно большее количество японских солдат к военной обстановке и непривычным для них климатическим условиям (особенно в зимнее время) японцы периодически сменяют дивизии, квартирующие в Манчжурии.

Теперешнее огромное увеличение японских войск в Северном Китае обуславливает значительный рост расходов на содержание этих войск. Было бы ошибочно думать, что японцы станут увеличивать свои войска в Китае без расчета на то, что эти войска получат скорое применение.

Японский генеральный штаб исходит из того, что задача захвата ключевых позиций в Северном Китае неразрешима при том количественном составе японских войск, который имелся там в последнее время. История не-

удачного продвижения японцев в Суйюань, где они пытались использовать своих наемников, действовавших японским оружием и под командованием японских офицеров, еще раз подтвердила ту истину, что японский империализм не может возлагать большие надежды на купленные им банды.

Происходящая в настоящее время концентрация японских войск, безусловно, не является простой демонстрацией, как утверждали некоторые японские дипломаты. Японские газеты, которые наиболее тесно связаны с военщиной, договариваются даже до того, что призывают к «ликвидации нанкинского правительства». Конкретные мобилизационные мероприятия, проведенные в Японии, также заставляют предполагать, что японская военщина замышляет на этот раз авантюру весьма крупного масштаба. Очередные отпуска в японской армии отменены. Специальные совещания губернаторов обсуждают меры организации полицейской охраны фабрик, заводов, складов, водных резервуаров в военное время. Министерство финансов готовит запрещение ввоза ряда товаров в целях экономии валюты и составляет проект улучшения условий реализации государственных займов, предназначенных для финансирования северокитайской авантюры. Опубликован приказ о досрочном выпуске юнкеров. В Южной Манчжурии введено «чрезвычайное положение о воздушной обороне Квантунской области».

По самым преуменьшенным подсчетам, в Северном Китае сконцентрировано уже более 50 тысяч японских солдат. Техническое оснащение этих войск довольно высокое. Мобилизованы также японские военно-морские силы (так называемая 3-я эскадра, действующая в китайских водах). Весьма возможно, что в целях деморализации китайских властей японцы рассчитывают, по примеру 1932 года, предпринять крупную военную диверсию в шанхайском районе или даже в Южном Китае, где долгие годы энергично насаждалась многочисленная японская агентура.

Наконец, следуя своим старым, испытанным приемам, японская военщина уже подготавливает почву, чтобы при первых же успехах японского оружия в Северном Китае провозгласить новое, «независимое» северокитайское «государство». С этой целью японский посол в Китае Кавагоэ собрал в Тяньцзине под усиленной охраной японских штыков кучку продажного отребья из числа китайских генералов и чиновников, готовых подписать любой «документ», который подсунут им японцы. Такая же мобилизация старых японских шпионов и лакеев подготавливается и в Бэйпине. Уже в 1933 и 1935 годах японские дипломаты в офицерских мундирах шантажировали китайские власти угрозой провозгласить северокитайское государство, если не будут удовлетворены основные японские притязания на политическое и экономическое обособление северных провинций от остального Китая в удовлетворяющей японцев форме «автономии». Известно, что самое образование так называемого хэбэй-чахарского политического совета прикрывало компромисс, на основе которого японцы «обещали» не форсировать разрешения вопроса о «независимости» Северного Китая.

Однако вряд ли какой-либо честный государственный деятель Китая всерьез поверит сейчас новым японским «обещаниям». Единственной основой для переговоров с японской военщиной может служить демонстрация готовности к эффективному международному вооруженному отпору.

Это тем более необходимо, что, как мы уже отмечали, в среде японских империалистов нет полного единодушия, первое же поражение может усилить более умеренные тенденции.

В 1927—1928 годах курс генерала Танака на интервенцию в Китае оказался скомпрометированным в глазах японской буржуазии благодаря мощной волне антияпонского бойкота, ударившего по японскому экспорту. В те времена Китай был раздроблен и ослаблен контрреволюцией и не мог оказать Японии вооруженного сопротивления. Сейчас, после захвата Манчжурии, закрытие китайского рынка имело бы меньший эффект чем

в 1928 году. Но поражение японских войск, вполне возможное, если учесть боевой дух китайских солдат, сражающихся за свою родную землю, если принять во внимание численный перевес, который всегда может быть обеспечен китайским командованием, — это поражение сыграло бы неизмеримо большую роль чем товарный бойкот десять лет назад. На раскаленной почве острой классовой борьбы в Японии неудача агрессивной фашистской военщины привела бы к еще большему подъему антивоенных и антифашистских настроений в японском народе. Удар по захватчикам в Китае, даже если он будет требовать больших усилий и жертв со стороны героического китайского народа, мог бы стать началом неизбежного крушения огромного, но непрочного, подгнившего здания японского милитаризма.

Любопытно, что в японской буржуазной печати сравнительно недавно получил хождение термин «японизация Китая». По мнению этой печати, термин «японизация» должен выразить направленный в интересах Японии процесс внутренней, прежде всего военной, консолидации Китая.

Японская буржуазная печать хочет смазать значение национального подъема, охватившего Китай, свести все дело к тому, что китайцы якобы воспользовались японским «опытом», чтобы укрепить свою армию. Наглость некоторых японских пропагандистов доходит до того, что они требуют заключения японо-китайского военного союза, исходя из того, что Китай усилился и стал «достойн» Японии, а «цели Японии и Китая совпадают». Подобный «союз» должен быть направлен прежде всего против коммунизма, иначе говоря, против Советского союза, и одновременно против «империалистов», к которым относятся только американцы и англичане. Японские «паназияты» давно подводят расистскую базу под агрессивную программу действий японского империализма на азиатском материке. Призыв к борьбе «желтых», т. е. японцев, китайцев, монголов, против «белой расы» прекрасно уживается у японских фашистов с дружбой со своими германскими, «арийскими» союзниками.

Но, что бы ни использовал японский империализм в Китае: расизм, религию (буддизм) или свою агентуру—троцкистов, — основные цели Японии и ее военной клики достаточно разоблачены ее собственными действиями. Можно не сомневаться в том, что и японские авантюры и «лестные» предложения союза с Японией будут в равной мере и по достоинству оценены китайским народом.

* * *

Японская агрессия в отношении 5 северокитайских провинций, как известно, началась задолго до провокационного выступления японских войск в Люоучэяо. Уже в 1935 году японская военщина совершенно недвусмысленно сформулировала свою основную цель — отторжение от Китая Хэбэй, Чахара, Суйюани, Шаньдуна и Шаньси. Лишь недостаточно благоприятная внешнеполитическая обстановка, а также острая внутривнутриполитическая борьба в самой Японии, достигшая кульминационного пункта в первые месяцы 1936 года, привели к некоторому ослаблению темпов агрессии в Северном Китае. Общим балансом достижений Японии в 1935 году было образование на территории провинции Хэбэй так называемого восточнохэбэйского «антикоммунистического» автономного правительства под руководством старого японского шпиона Ин Жу-гэна и подписание пресловутого капитулянтского соглашения между нанкинским военным министром Хо Ин-цином и тогдашним командующим японскими войсками в Северном Китае генерал-лейтенантом Умэдзу.

Соглашение Хо Ин-цин—Умэдзу положило начало полуавтономному существованию северокитайской администрации в образе хэбэй-чахарского политического совета. Эта автономия давала возможность японцам путем

интриг добиться фактического отрыва от Китая двух северных провинций: Хэбэя и Чахара. Образование «государства Ин Жу-гэна» обеспечивало японцам прежде всего возможность постоянно шантажировать северо-китайские власти: если они противились японским домогательствам, их предупреждали, что японцы легко сумеют заменить их безусловно послушными сторонниками «независимости» Северного Китая по типу «государства Ин Жу-гэна». Не менее важную роль играла фактическая оккупация части Хэбэя (под флагом «государства Ин Жу-гэна») и в том смысле, что японцы получили возможность легко формировать и перебрасывать в Китай всевозможные банды шпионов, диверсантов, террористов и прежде всего контрабандистов.

В обширном арсенале японских средств подчинения Китая контрабанда играет видную роль. Она является, по существу, единственно доступным для Японии «экономическим» методом борьбы с Китаем. По подсчетам чрезвычайно сдержанных английских наблюдателей, через охраняемые японцами ворота Восточного Хэбэя в Китай и Манчжурию без каких-либо таможенных «формальностей» течет сплошной поток японских товаров, что обходится Китаю минимум в 50 миллионов долларов. Политикой организованной контрабанды японский империализм преследует двоякую цель: во-первых, компенсировать известные ограничения для сбыта японских товаров в Китае, имеющие место после захвата Манчжурии; во-вторых, нанести чувствительный урон финансам центрального китайского правительства, в бюджете которого таможенные доходы играют чрезвычайно значительную роль. Обнаглевшая японская военщина недвусмысленно угрожает при этом, что всякие меры пресечения японской контрабанды силой оружия со стороны китайской охраны будут рассматриваться как враждебный акт, влекущий за собой репрессии. В обиход японской дипломатии вошел специальный термин по поводу «китайских дел»: «особая торговля». Это вежливое название японские министры иностранных дел употребляют для обозначения столь грязного дела, как контрабанда, осуществляемая под защитой штыков.

* * *

Уже в конце 1935 года министр иностранных дел Хирота разработал свои так называемые три принципа, служащие для прикрытия (впрочем, весьма прозрачного) грабительской агрессивной политики Японии в Китае. Эти «три принципа» гласят: 1) подавление антияпонской агитации, 2) японо-китайское сотрудничество против коммунизма и 3) экономическое сотрудничество между Японией, Манчжурией и Китаем. По существу, эти «принципы» «дипломатически» выражают программу-максимум японской военщины, утверждающей, что для успешного ведения «большой войны» следовало бы сначала установить японский протекторат над всем Китаем. Но даже самые горячие головы в японском генеральном штабе сознают, что это — слишком идеальное и потому неосуществимое на практике положение. Они выдвигают поэтому более реальную «программу-минимум», ограничивающую на первое время японские притязания районами Северного Китая.

Еще в 1935 году и в первые месяцы 1936 года японская военщина не принимала серьезно в расчет перспективы национального объединения Китая на основе антияпонской освободительной борьбы и преуменьшала военные возможности Китая.

«Чистка» японской армии на несколько месяцев отвлекла внимание военщины от проведения неотложных мероприятий по закреплению военно-дипломатических «завоеваний» генерала Умэдзу в Северном Китае. Японская разведка напрягала внимание, чтобы методами провокации, подкупа,

а если возможно, то и террора, обеспечить мирное преобразование хэбэй-чахарского режима в полностью японофильский марионеточный режим. Результаты этих стараний оказались ничтожными. Генерал Сун Чже-юань, командующий 29-й китайской армией и возглавляющий северокитайскую администрацию, не мог не считаться со все возраставшими антияпонскими настроениями и своих собственных солдат и всего населения подвластной ему территории. Достаточно упомянуть о героической антияпонской борьбе китайского студенчества, которое не раз именно в Бэйпине показывало образцы высокого патриотизма.

Переговоры японцев с хэбэй-чахарским политическим советом на тему о «сотрудничестве» неизменно заканчивались «юридическим» тупиком: японцы настаивали на том, что соглашение, подписанное в 1935 году Хо Ин-цином и Умэдзу, предполагает независимость Северного Китая от Нанкина в разрешении «местных» экономических вопросов. Китайцы резонно отвечали, что если эти местные экономические вопросы связаны с заключением внешнеполитических соглашений, то они подлежат компетенции центрального правительства. Тем более северокитайские власти уклонялись от обсуждения навязывавшегося японцами проекта «совместных» японо-китайских антикоммунистических действий.

В октябре 1936 года японский посол в Китае Кавагоэ попытался поставить все основные вопросы, содержащиеся в «трех принципах Хирота», непосредственно перед центральным китайским правительством. Когда он натолкнулся при этом на целый ряд основательных контрпретензий, предъявленных Японии (контрабанда, восточнохэбэйский «режим» Ин Жу-гэна и т. д.), японская военщина попробовала применить излюбленное средство: банды японских наемников были двинуты на «завоевание» провинции Суйюань. Но на этот раз японцев ожидало горькое разочарование: их банды были разбиты китайскими войсками. Переговоры Кавагоэ с Нанкином были прерваны по инициативе Китая.

Именно с этого момента японская военщина начала подготовку к новому крупному вооруженному выступлению в Северном Китае. Японский империализм не удовлетворяется ранее достигнутыми возможностями безнаказанно нарушать таможенные права Китая и «легально» наводнять северокитайские провинции своими шпионами и всякого рода авантюристами. Японские милитаристы в своих планах отторжения Северного Китая руководствуются уже указанными чисто стратегическими соображениями и «чисто экономическими» аппетитами японской буржуазии. Железная руда, уголь и хлопок — основные богатства Северного Китая — как магнит притягивают японцев. Японские домогательства контрактов на строительство новых железнодорожных линий продиктованы и чисто военными соображениями и желанием облегчить монопольную эксплуатацию естественных богатств края.

Хотя чрезвычайно трудно провести на практике грань между самостоятельными действиями японской военщины в Китае и теми ее меропрятиями, которые получают полное одобрение со стороны японской буржуазии, следует все же отметить, что у японских правящих классов нет абсолютного единства даже в «северокитайском» вопросе. Подавляющее большинство японской буржуазии заинтересовано в прямом подчинении Северного Китая. Однако, когда встает вопрос о том, какой ценой должно быть достигнуто это подчинение, начинаются колебания и разногласия.

Превращение Северного Китая во второе издание «Манчжоу-Го», где военщина является настолько полновластным хозяином, что «притесняет» японских капиталистов, не особенно улыбается деловым кругам Японии. Это означало бы одностороннее преобразование Северного Китая в плацдарм для «большой войны», к чему стремится генеральный штаб. Эта перспектива, по существу, наиболее реальна, так как самый процесс отчуждения северокитайских провинций проводится руками военщины и по ее планам.

Военная оккупация Северного Китая, даже при благоприятном для японцев исходе (что сомнительно), грозит огромными расходами и неизбежно приведет к еще большему политическому укреплению военщины в Японии. Само по себе это является весьма существенным неудобством с точки зрения «умеренной» японской буржуазии. Кроме того это ухудшает и без того далеко не блестящие японо-американские и японо-английские отношения. Как бы благосклонно ни были настроены по отношению к Японии отдельные английские министры, нельзя затушевать тот факт, что установление японской гегемонии в Северном Китае затронуло бы в первую очередь именно экономические интересы Англии.

Поэтому значительная часть японских деловых кругов предпочла бы, чтобы военные операции в Северном Китае носили ограниченный характер и как можно скорее привели к «приличному» политическому или даже чисто экономическому соглашению с китайскими властями. В этом случае военщина не будет препятствовать «нормальной» предпринимательской деятельности, когда получение наиболее высокой прибыли ставится выше всяких стратегических соображений.

Несомненно, что такие настроения значительной части японской буржуазии усилятся еще больше, когда станет очевидна готовность китайского народа активно сопротивляться интервентам, не останавливаясь перед войной.

Последнее выступление Чан Кай-ши показывает, что нанкинское правительство отдает себе отчет в том, что китайский народ не желает еще раз покорно склонить голову перед японскими захватчиками. Если бы, по примеру прошлых лет, китайские центральные власти снова заключили кабальный договор с Японией, это было бы не просто ударом по возросшей за последнее время популярности Чан Кай-ши: это поставило бы под вопрос существование нанкинского правительства как единого центра Китая. Нечего и говорить о том, что создание отчужденности между китайским народом и правительством было бы на-руку прежде всего японским империалистам. Именно в этом направлении действует сейчас японская агентура внутри гоминдана и в центральных правительственных учреждениях Нанкина, используя для этой цели прояпонские группировки.

Если заявление Чан Кай-ши о необходимости положить конец японскому вторжению станет основой действий нанкинского правительства, оно будет поддержано широчайшими народными массами Китая. Никакие проiski японских провокаторов и шпионов не смогут поколебать устойчивость китайского центрального правительства, за которым будет стоять народ.

Последнее слово в трагических событиях, разыгравшихся в Северном Китае, принадлежит китайскому народу. Со всех концов огромной страны в ее столицу стекаются требования положить предел наглости японских захватчиков.

Китайский народ поднимается на борьбу. В его благородной борьбе за национальную независимость, за неприкосновенность родной земли, против японских самураев, носителей кровавого империалистического гнета, симпатии трудящихся всего мира, симпатии трудящихся великой и могучей страны социализма будут на стороне Китая.

Е. ЖУКОВ

Положение рабочего класса капиталистических стран*

Если в странах буржуазной демократии рабочий класс несколько улучшил свое положение по сравнению с прошедшими годами кризиса, то в странах фашистской диктатуры его положение все более и более ухудшается. Огромный фашистский, военный аппарат всей своей тяжестью давит на рабочий класс Германии, Италии, Японии и других фашистских и полуфашистских стран.

Каковы результаты фашистской «четырёхлетки» для рабочего класса Германии?

В «третьей империи» рабочее время не ограничено. Правда, фашистские «коллективные договоры» содержат особую статью, которая гласит: «Рабочее время равняется 8 часам в день», — но наряду с этим существует другая статья, допускающая 10—12-часовой рабочий день. На основании особых постановлений правительства, изданных в октябре 1936 года, каждый предприниматель вправе удлинять рабочий день по своему усмотрению. В военной промышленности, особенно на авиационных и оружейных заводах, рабочий день равен в среднем 12 часам. Не делается исключения для женщин и подростков.

Заработная плата не остановилась на наиболее низком кризисном уровне 1932 года: она еще больше снижена прямым урезыванием, а также колоссальным усилением потогонной системы и значительным ростом цен.

Даже официальная германская статистика не может утаить беспрерывного роста розничных цен на все важнейшие предметы широкого потребления. Например «Виртшафт унд статистик» за апрель 1937 года приводит следующие данные (1913 г. = 100):

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Цены на готовые товары	112,8	115,8	119,4	121,2
Стоимость жизни	118,0	121,1	123,0	124,5
„ питания	113,3	118,3	120,4	122,4
„ жилища	121,3	121,3	121,2	121,3
„ одежды	106,7	111,2	117,8	120,3

Весь доход населения от заработной платы, равнявшийся в 1929 году 30 988 миллионам марок, снизился в 1932 году до 17 086 миллионов, а в 1935 году составлял 23 745 миллионов марок. При этом число работающих в 1929 и в 1935 годах было одинаково (18 миллионов).

Общая сумма заработной платы и окладов достигла в 1936 году 26 566 миллионов марок. Но если учесть, что, по официальным данным, число занятых рабочих и служащих увеличилось в 1936 году в круглых цифрах на 1160 тысяч, то станет понятно, что заработная плата продолжала снижаться.

* Окончание. См. № 14 «Большевика».

В тех отраслях, которые не работают на оборону (например в некоторых отраслях текстильной промышленности, в табачной промышленности и др.), ставки заработной платы урезаны еще больше. Так, работники в этих отраслях получают лишь 12—15 марок за 48-часовую рабочую неделю.

Падение заработной платы ясно видно при сравнении следующих данных. Согласно «Виртшафт унд статистик» (№ 7—8, апрель 1937 года), количество проработанных часов выросло с 7,88 миллиарда в 1932 году до 14,52 миллиарда в 1936 году, что дает повышение на 98%. Общая сумма заработной платы за этот же период выросла только на 64% (с 17 086 миллионов марок в 1932 году до 26 566 миллионов марок в 1936 году).

В связи с тем, что рабочие, требуя повышения заработной платы, нередко выдвигают как один из веских аргументов бешеный рост предпринимательских барышей, — центральный орган фашистской партии «Фелькишер беобахтер» (от 27 апреля 1937 года) в статье своего главного «теоретика» по вопросам заработной платы, Ноненбруха «Прибыли и зарплата» цинично заявляет:

«Уровень заработной платы не имеет никакого отношения к прибылям, получаемым предпринимателями. И если даже предприниматели будут зарабатывать миллиарды, все равно зарплата не может быть повышена».

Дело ясное: как бы ни росли прибыли, рабочие не должны и мечтать об увеличении заработной платы!

Вместе с тем надо подчеркнуть, что при снижении заработной платы производительность труда рабочих в период фашистской диктатуры повысилась на 48%.

Особого внимания заслуживает значительный рост вычетов из заработной платы в результате повышения взносов на социальное страхование, принудительных пожертвований и т. д. Эти вычеты составляют сейчас в среднем 23% всего заработка, а до прихода фашизма к власти они не превышали 15%.

Насколько велики вычеты, показывает следующий пример. На с'езде имперской экономической палаты «Германского фронта труда» в октябре 1936 года официально сообщалось, что у рабочего делаются в среднем следующие вычеты из заработной платы: в больничную кассу, на страхование от инвалидности и безработицы — 14,2%; взносы в «Германский фронт труда» и на «национальное обеспечение» — 1,9%; взносы на национал-социалистскую партию, на противовоздушную оборону и т. д. — 1,6%; подписка на журналы, радио, газеты «Германского фронта труда» и т. д. — 3,3%; отчисления в государственные организации и общества — 1,0%; отчисления на устраиваемые ими празднества, вечера и пр. — 1,3%.

Вследствие потогонной системы число несчастных случаев возросло с 826 980 в 1932 году до 1 519 883 в 1936 году, т. е. на 83,2%. По официальным статистическим данным страховых органов «третьей империи», число тяжелых увечий в промышленности увеличилось в 1936 году на 30% по сравнению с 1935 годом¹. Несмотря на огромное ущемление несчастных случаев, общая сумма выплаченных пенсий, составлявшая в 1932 году 274,4 миллиона марок, снизилась в 1935 году до 273,1 миллиона марок².

Насколько ухудшилось при фашистской диктатуре состояние здоровья рабочих, показывает рост заболеваемости. Число дней болезни (нетрудоспособности) составляло в 1932 году 5687 тысяч, а в 1936 году оно возросло до 8500 тысяч, т. е. на 40,9%.

По официальным данным фашистской статистики, в Германии в декабре 1935 года было 2 507 955 безработных, в январе 1936 года — 2 520 499,

¹ «Виртшафт унд статистик» № 21 за ноябрь 1936 года.

² Там же.

в декабре 1936 года — 1 478 862, в январе 1937 года — 1 853 460, в марте 1937 года — в круглых цифрах 1 245 338¹.

Но эти официальные данные сильно преуменьшены. Если принять во внимание, что около миллиона безработных не получают более никаких пособий и не регистрируются как безработные, а также, что сотни тысяч людей заняты принудительным трудом в трудовых лагерях и на общественных работах, то окажется, что безработица гораздо выше. В Германии сейчас имеется 18 миллионов работающих, а лиц наемного труда числится, согласно германской статистике, 21 681 тысяча². Из производства, таким образом, выпало около 3,5 миллионов человек. Это есть фактическое число безработных в Германии.

Несмотря на неслыханный террор, на разгром профсоюзов и создание специальных фашистских организаций, имеющих целью всячески саботировать массовое движение пролетариата, рабочий класс Германии начинает давать отпор этой политике полного подчинения интересам монополистического капитала. Движение большей частью носит еще оборонительный характер, но число рабочих выступлений непрерывно растет.

Заслуживают внимания отдельные факты. В Саарской области имеются 6500 горняков, работающих в Лотарингии, т. е. на французской территории. Свою заработную плату, получаемую во франках, они меняли на марки в Лотарингии, потому что в Лотарингии марка на 30% дешевле чем в Саарской области. Фашистские власти, ссылаясь на закон о валюте, потребовали размена франков в Саарской области, что практически означало для горняков потерю 30% заработной платы. Горняки единодушно пренебрегли этим законом и в следующую получку вновь обменяли свои франки на марки в Лотарингии. Для того чтобы помешать обыску при переходе через границу, они шли организованно, по 1000 человек, демонстративно прорывая рогатки пограничной полиции. Фашистским властям пришлось отменить для горняков закон о валюте. Но все горняки были подвергнуты денежным штрафам. Это вызвало еще более сильный взрыв возмущения, и 6500 горняков спять сплоченно и солидарно выступили против денежных штрафов. Рабочие добились того, что впредь при обмене франков в Саарской области им выплачивается разница в 30%.

В Рурской области фашисты в соответствии с принципом «вождизма» на предприятиях устранили участвующих в установлении сдельных ставок уполномоченных от горняков. Годами шла ожесточенная борьба между предпринимателями и горняками за этих уполномоченных. В конце 1936 года конфликты приняли такой характер, что нужно было считаться с возможностью крупной забастовки. Это заставило областного уполномоченного по труду восстановить особым постановлением выборность уполномоченных по сдельщине. Начиная с 1 февраля 1937 года каждая бригада из 5 человек избирает уполномоченного, бригада из 10 человек — 2 уполномоченных, бригада из 30 и более рабочих — 3 уполномоченных по сдельщине.

Центральный комитет компартии Германии сообщает, что с 1 ноября 1936 года по 1 февраля 1937 года было 100 выступлений, из них: 43 — на металлургических предприятиях, 20 — на шахтах, 11 — на постройках, автострадах, аэродромах и в дорожном строительстве, 6 — на текстильных фабриках, 3 — на химических фабриках, 4 — на фабриках стекольной, керамической и фарфоровой промышленности, 10 — на коммунальных предприятиях, в каменоломнях и др., 3 — на общественных работах для безработных. При этом против снижения заработной платы было 26 выступлений, за ее повышение — 21, против потогонной системы — 14, против

¹ «Виртшафт унд статистик» №№ 3 и 5 за 1936 год и №№ 3, 5, 11 за 1937 год.

² «Фиртельярес хефте цур конъюнктур-форшунг». Ч. 3-я А., стр. 289, за 1937 год.

сверхурочных работ и работы по воскресеньям — 12, против принудительных «пожертвований» и других принудительных вычетов — 10, против повышения взносов в «Германский фронт труда» и общество «Сила в радости» — 4, за снабжение дешевыми продовольственными продуктами — 5, за фабрично-заводскую санитарию — 5, за демократические права, против заводского шпионажа — 3. Выступления закончились полным успехом в 61 случае, частичным успехом — в 13, безуспешно прошли 22, еще не закончены были к тому времени 4 выступления¹.

Данные эти, конечно, неполны, но все же они позволяют составить представление о тех ужасающих условиях, в каких живет рабочий класс Германии, и о той героической борьбе, которую ведут передовые рабочие против фашистского варварства и мракобесия. Фашизм, скрывая настоящие цифры безработицы, рассчитывает обмануть весь мир сказками о том, что в Германии нет безработицы. Фашисты полагают, что если их газеты будут кричать о великих достижениях германского народа, то удастся убедить народные массы в том, что они действительно счастливы. Однако же выступления разного рода, разной силы, размаха и глубины, о которых сообщает подпольная коммунистическая и зарубежная социал-демократическая и буржуазная печать, свидетельствуют, что германскому фашизму не удалось и никогда не удастся разгромить рабочее движение и превратить страну в фашистскую пустыню.

Ужасающее положение рабочего класса в Германии обостряет недовольство масс, обостряет внутренние противоречия и угрожает самому существованию германского фашизма.

* * *

Итальянский фашизм внешне более «рафинирован», не такой солдафонски-казарменный, как германский. Но, по существу, это тот же кровавый режим тюрьмы и виселицы, режим национального угнетения и империалистических авантур. Рабочий класс Италии живет под тяжестью фашистского режима уже почти 15 лет.

По осторожным подсчетам фашистских профсоюзов (см. статью бывшего председателя конфедерации профсоюзов промышленных рабочих Клавенцани в «Лаворо фашиста» от 2 июля 1933 года), в Италии снижение заработной платы по отдельным отраслям производства составило за время с 1927 до начала 1933 года (в %):

Металлическая промышленность	23
Химическая	20 — 25
Горная	30
Строительная	30
Стекольная	30 — 40
Хлопчатобумажная	40
Шелкоткацкая	38
Производство искусственного шолка	20 — 38

В то же время, даже по официальным данным, индекс стоимости жизни снизился всего лишь на 15—16%.

Номинальная и реальная заработная плата сильно урезана. Даже официальная статистика, далеко не отражающая действительного положения, не может скрыть правды.

Вместе с началом абиссинской войны фашистское правительство прекратило публикацию каких бы то ни было статистических данных; сейчас в официальных органах итальянского правительства некоторые, явно подтасованные данные стали появляться вновь, и даже в этих данных констатируется снижение реальной заработной платы за 1935—1936 годы²:

¹ «Дейче фолксцейтунг» № 6—7 за 1937 год.

² См. «Ревю интернациональ дю травай» за апрель 1937 года.

Г о д ы	Средняя почасовая зарплата (в лирах)	И н д е к с	
		Зарплаты (1929=100)	Стоимости жизни (июль 1927=100)
1933	1,70	84	80
1934	1,68	83	76
1935	1,67	84	77
1936	1,74	86	84

Согласно официальным данным, заработная плата поднялась с 1933 по 1936 год всего на 2%, а стоимость жизни за это время выросла на 5%.

Не следует забывать, что эта таблица, исходящая из почасовой зарплаты, не учитывает снижения зарплаты в связи с переходом на 40-часовую рабочую неделю (начавшимся с конца 1934 года).

Надо также иметь в виду, что фашистские индексы стоимости жизни явно фальсифицированы¹.

Некоторое представление о фактическом росте дороговизны могут дать официальные данные фашистской предпринимательской Конфедерации промышленности о движении оптовых цен (см. «Боллетино ди ноттиче экономике» от 10 июля 1937 года). Согласно этим данным, индекс оптовых цен поднялся с 62 в 1934 году до 80,7 в январе 1937 года и 87,6 в мае 1937 года.

Официальный индекс стоимости жизни равнялся в мае 1937 года 90 против 86 в январе того же года и 83 в мае 1936 года («Боллетино ди ноттиче экономике» от 10 июля 1937 года).

Однако, по расчетам итальянской антифашистской прессы («Нуово аванти» от 15 мая 1937 года и др.), весной 1937 года жизнь фактически вздорожала в среднем не меньше чем на 30% по сравнению с летом 1936 года.

Особенно большую роль играет в жизни итальянского пролетариата прекращение эмиграции; в связи с этим безработица в Италии рассасывается еще медленнее чем в других капиталистических странах.

По официальным данным², положение с безработицей до итало-абиссинской войны представлялось в следующем виде:

Г о д ы	Индекс производства (1929=100)	Общее количество зарегистрированных безработных	Количество безработных промышленных рабочих	Индекс числа занятых промышленных рабочих (1929 = 100)	Индекс про- работанных ими часов (1927-100)
1932	66,86	1 006 441	732 023	78,50	72,36
1934	80,92	963 678	665 750	82,89	77,89
1935 (январь—август) .	95,08	785 405*	584 592*	92,87*	69,04*

* Средняя за 8 месяцев.

Из таблицы видно, что если производственный индекс за 8 месяцев 1935 года увеличился на 38% по сравнению с 1932 годом, то число занятых рабочих за это же время выросло на 18%, а количество отработанных ими часов уменьшилось на 5%. Этим подтверждается, что в фашистской Италии,

¹ По признанию туринской фашистской газеты «Пополо делле Альпи», официальные индексы исходят главным образом из расчета цен, установленных властями на некоторые предметы широкого потребления. «Эти цифры,—пишет газета,—следует читать с умом, не забывая, что многие пищевые продукты не принимаются в расчет при выработке индекса» (Цитируем по «Нуово аванти» от 24 апреля 1937 года).

² «Боллетино ди ноттиче экономике» за сентябрь—октябрь 1935 года.

как и во всех других капиталистических странах, за годы кризиса происходила усиленная интенсификация труда.

Сокращение числа безработных на 278 000 в течение года перед началом итало-абиссинской войны (сентябрь 1934 года — 887 315 человек, сентябрь 1935 года — 609 094 человека) объясняется главным образом мобилизацией солдат и рабочей силы для абиссинской экспедиции.

Введение (с конца 1934 года) 40-часовой рабочей недели на промышленных предприятиях, с соответствующим снижением заработной платы, еще более ухудшило положение занятых рабочих. Не только снизилась заработная плата в соответствии с уменьшением рабочих часов: рабочие должны еще отчислять 1% с заработной платы в «каассу семейных надбавок», созданную для выдачи специальных пособий многосемейным рабочим, переведенным на сокращенную рабочую неделю.

С введением 40-часовой рабочей недели снова понизилась заработная плата и повысилась интенсивность труда: предприниматели старались вознаградить себя за сокращение рабочей недели, а рабочие вынуждены были соглашаться на это, чтобы хоть в какой-то степени компенсировать уменьшение своего заработка в результате сокращения рабочей недели.

В связи с ростом дороговизны еще в момент приготовлений фашизма к нападению на Абиссинию среди рабочих некоторых крупных индустриальных центров, как Турин, Генуя, Милан и др., началось движение за повышение заработной платы. Оно проявлялось в форме выступлений рабочих — нефашистов и фашистов — на собраниях фашистских профсоюзов, в форме посылки делегаций в профсоюз и к предпринимателям с требованием увеличить заработную плату и т. д.

Путем милитаризации предприятий, работающих на войну, с помощью иступленной военной демагогии и инсценировки «борьбы с дороговизной», в противовес борьбе за увеличение заработной платы, фашизму удалось до известной степени сдержать напор масс во время войны с Абиссинией. После «победы» над Абиссинией движение масс возобновилось с новой силой. Особенное влияние оказало на массы июньское стачечное движение во Франции.

Даже в национальном совете фашистской Конфедерации работников промышленности, состоявшемся в июле 1936 года, в разгар движения масс за увеличение заработной платы, в известной мере проявилось острое недовольство, существующее в массах. Почти все присутствовавшие на съезде лидеры областных фашистских профсоюзных организаций вынуждены были указать на гигантские прибыли капиталистов и на сильное брожение среди рабочих, требующих немедленного повышения заработной платы.

Достижения французских рабочих после победы народного фронта во Франции и отклик, какой эта победа вызвала среди трудящихся масс Италии, заставили фашистское правительство пойти на увеличение заработной платы на 8—10%. Но и это было сведено на-нет новым ростом цен, последовавшим за девальвацией лиры в октябре 1936 года.

Дальнейший рост дороговизны и стремительно нараставшее недовольство масс, возмущение против разбойничьей интервенции итальянского фашизма в Испании заставили фашизм пойти на вторичное увеличение заработной платы в размере от 10 до 12%; однако и оно быстро сведено на-нет непрекращающимся ростом цен в результате лихорадочной подготовки «большой войны» и политики «автаркии».

Муссолини уверял народные массы Италии, что им станет лучше, когда будет завоевана Абиссиния. Ныне Абиссиния залита кровью, но каковы результаты этой войны для трудящихся масс Италии?! Обманутым массам твердят ныне, что всему виной народный фронт в Испании и СССР: не будь этого, Италия стала бы страной молочных рек и кисельных берегов.

* * *

В Японии высшая форма капиталистической концентрации сочетается с колониальной эксплуатацией масс. В этой стране жизненный уровень рабочих не выше, чем он был в европейских странах XVIII столетия. Япония — это страна, где почти нет социального законодательства, охраны труда, где капиталисты покупают женщин для работы на своих фабриках, где рабочие и работницы, в том числе и дети, трудятся по 12—14 и больше часов в сутки.

Фабричное законодательство Японии вообще не устанавливает продолжительности рабочего дня. Правда, в законе имеется статья, гласящая: «Владелец предприятия не может заставлять лиц, не достигших 16 лет, и женщин работать больше 11 часов в день», — но этот закон остался на бумаге: рабочий день в подавляющем большинстве предприятий превышает 12—14 часов.

Согласно выборочному обследованию социального бюро министерства внутренних дел (данные опубликованы в японском буржуазном еженедельнике «Тойо кейдзай» от 23 мая 1936 года), в машиностроении на 1275 крупных предприятиях установлен 12-часовой рабочий день; на 23% всех машиностроительных заводов — 12½—13½-часовой рабочий день; на 20% машиностроительных заводов рабочий день превышает 14 часов.

На многих крупных предприятиях введен 16—17-часовой рабочий день. На одной из крупных текстильных фабрик (в опубликованном в «Джапан кроникл» от 21 января 1937 года материале обследования название компании выпущено) рабочие заняты по 19 часов в день.

В статье «Мнимое благополучие рабочих», помещенной в японском буржуазном журнале «Экономист» от 1 января 1937 года, говорится:

«Сооружаются новые фабрики и заводы. Улучшается оборудование. Однако здесь интересы капиталистов не совпадают с интересами рабочего класса. Хотя рабочие увеличивают выработку, чрезмерно напрягаясь на работе, их заработная плата не растет. К тому же на всех предприятиях, находящихся под контролем военного ведомства, предполагается снижение расценок на сдельную работу. Для рабочих это будет новым бременем».

Японские рабочие в условиях полуколониальной эксплуатации дают сравнительно высокую производительность труда. Так, согласно данным того же номера «Экономист» от 1 января 1937 года, за 1932—1934 годы при увеличении продукции на 43% число фабрично-заводских рабочих выросло лишь на 24%.

По данным ассоциации текстильных фабрикантов (опубликованным в 1936 году), одна работница давала ежегодно в период 1914—1925 годов от 18 до 20 кип пряжи, а в 1933 году — 28 кип; ткацких изделий каждый рабочий производил за период 1914—1925 годов от 20 до 25 тысяч ярдов ежегодно, в 1929 году — 39 тысяч ярдов, а в 1933 году — 58 тысяч ярдов. При этом рост производительности труда в текстильной промышленности происходит в основном за счет мускульной силы рабочих. Согласно данным буржуазного ежемесячника «Сякай сейсаку дзихо» (декабрь 1936 года), средняя энерговооруженность на одну японскую текстильщицу крайне низка и составляет лишь 0,85 лошадиной силы (в металлопромышленности — 5,6 лошадиной силы).

На японских предприятиях фактически отсутствует техника безопасности. Отсюда рост несчастных случаев. Социальным бюро министерства внутренних дел в 1935 году было зафиксировано 69 824 случая травматизма, из них 523 смертельных и 16 824 серьезных увечий (увеличение сравнительно с 1931 годом на 98%). Особенно высок процент травматизма в отраслях тяжелой индустрии.

Осакская фабричная инспекция, обследовавшая предприятия с числом рабочих свыше 100, установила, что на каждую тысячу рабочих приходится

несчастных случаев: на текстильных фабриках — 19,6, в машиностроении — 42,8, на химических заводах — 33,0, на разных других — 19,3 и т. д.¹

Тарифные ставки неуклонно снижались в течение всего периода военно-инфляционной конъюнктуры, упав в 1936 году против докризисных лет на 16,92% для рабочих и на 20,90% для работниц.

Вместе с тем несколько вырос фактический заработок (тарифная ставка плюс приработок от сверхурочных, премиальных и т. д.), что характеризует усиление эксплуатации рабочих. Это признают и сами буржуазные экономисты: «Вопреки сокращению тарифных ставок растет фактический заработок. Это происходит вследствие ночных работ, сверхурочных и интенсификации труда»².

Заработок наиболее эксплуатируемого и неорганизованного слоя японского пролетариата — текстильщиц — совершенно ничтожен. До кризиса (в 1926 году) прядельщица получала в среднем 1 иену 10 сен в день, ткачиха — 1 иену 2 сены, шолкомотальщица (1929 год) — 70 сен. Средняя ставка текстильщицы в 1935 году составляет 67 сен, а фактический заработок — 70 сен³. Согласно «Ориентал экономист» (январская книжка за 1937 год), почасовая оплата труда текстильщиц в 1936 году составляла 8 сен (у металлистов — 20 сен).

Около 80% текстильщиц получает заработную плату натурой. Работница живет в хозяйской казарме, на хозяйских харчах. За это с нее вычитают втридорога. Работница вынуждена покупать все необходимое в фабричной лавке (принадлежащей хозяину или сданной в аренду), так как часть заработной платы в принудительном порядке выдается бонами. Значительная доля заработка удерживается в виде принудительных сбережений. По правилам, сбережения должны быть выданы работнице по окончании контракта, когда она уходит с фабрики. Если работница уволена за какой-нибудь «проступок», она ничего не получает: ни сбережений, ни заработной платы.

Снижение жизненного уровня японских рабочих и усиление эксплуатации происходят не только путем прямого сокращения заработной платы и интенсификации труда, но и в результате инфляции, увеличения косвенных налогов. По данным Японского банка, розничные цены на предметы первой необходимости в декабре 1936 года поднялись против докризисных лет в среднем на 30%, на продовольственные продукты — на 32%, на одежду — на 37%.

Опасаясь нового подъема рабочего движения, буржуазная японская пресса оживленно обсуждает на своих страницах создавшееся положение:

«Нищета рабочего класса усиливается. Долго ли еще рабочие не будут видеть, что нынешнее оживление военной конъюнктуры — просто мираж? Рост налогов и сокращение сдельщины неизбежны. Золотой век рабочего класса становится сновидением прошлого»⁴.

В то же время японские военные фирмы и текстильные фабриканты увеличивают свои доходы. Так, согласно французскому бюллетеню «Информация об экономике и финансах Японии» за март 1937 года, в первом семестре 1936 года средняя прибыль на вложенный капитал в японской промышленности составляла 14,7%. Прибыль в металлообрабатывающей промышленности достигала 17%. Хлопчатобумажные компании выплатили в среднем 20-процентные дивиденды (1932 год — 15,5%, 1933 год — 18%). Прибыли некоторых компаний, например Канегафути, поднялись до 44,4%.

Рабочий класс Японии все резче и резче реагирует на ужасающую нищету масс, развивая все виды экономической борьбы и главным образом

¹ «Джапан кроникл» от 13 мая 1937 года.

² «Нихон кейдзай немпо» за 1935 год.

³ Цифры о заработной плате взяты из материалов съезда реформистского союза текстильщиков Кансайского округа.

⁴ «Экономист» от 1 января 1937 года.

стачки. Капиталисты за последнее время нередко вынуждены идти на уступки бастующим и даже сами проводят незначительное повышение заработной платы, чтобы предотвратить стачки. В I квартале 1937 года прибавка к заработной плате была проведена на 850 предприятиях, в том числе принадлежащих таким крупным компаниям, как Мицубиси (40 тысяч рабочих в доках в Кобе и Нагасаки, на заводах электроаппаратуры в Кобе, Нагасаки, Нагоя), Канегафути (около 100 тысяч рабочих), Тойе (около 40 тысяч рабочих), Дайнихон (около 30 тысяч рабочих на хлопчатобумажных и ткацких фабриках) и др. Характерно, что предприниматели проводят повышение заработной платы преимущественно под видом пособий: на дороговизну, многодетным, на свадебные подарки и т. д., — пытаясь тем самым укрепить среди рабочих все более рассеивающиеся в настоящее время иллюзии «патернализма»¹, с помощью которых японские капиталисты в течение десятилетий жестоко эксплуатируют рабочих. В подавляющем большинстве случаев повышение заработной платы не достигает в среднем и 5%. Ясно, что это не может сколько-нибудь удовлетворить рабочих, и дальнейшее развертывание борьбы за их насущные нужды неизбежно.

Расширение и переоборудование отраслей тяжелой промышленности в связи с подготовкой к «большой войне» ведут к росту числа занятых рабочих. Однако это слабо уменьшает безработицу. По официальным данным («Ориентал экономист», за май 1937 года), крайне далеким от действительности (социальное бюро министерства внутренних дел в списки безработных не включает нетрудоспособных по старости, хронически больных, уволенных вследствие стачек или закрытия фабрик, лиц, которые еще совсем не работали, и т. д.), в июле 1936 года в Японии насчитывалось 334 000 безработных.

Во время кризиса японские буржуазные экономисты (например Токидзиро) называли цифру в 2 миллиона с лишним безработных. В настоящее время они определяют число безработных в Японии в 1—1,5 миллиона.

Положение безработных в Японии очень тяжелое. Совершенно отсутствует страхование по безработице. Только с января 1937 года вступил в силу пересмотренный закон о выдаче увольнительных пособий, но под действие этого закона подпадает только ценовая промышленность (предприятия с числом рабочих 50 и более), охватывающая около 2 миллионов рабочих, в то время как в промышленности и на транспорте насчитывается свыше 6 миллионов рабочих.

Эти данные свидетельствуют о том, что Япония — «идеальная» страна для организации демпинга, страна, которая может за счет неслыханной эксплуатации рабочих, женщин и детей организовать бросовый экспорт на все мировые рынки.

В Японии, как это было и в Германии и Италии, фашисты обещают чудеса в решете, когда они возьмут власть в свои руки и окончательно расправятся с политическими врагами. Можно себе представить, какое «счастье» воцарится в стране, если у власти станут генералы Араки, Мадзаки и другие руководители военно-фашистских клик, мечтающих о еще большем порабощении обездоленного японского народа!

* * *

Идеалом для фашистов является такое положение рабочего класса, какое существует в колониальных странах.

Чтобы показать, куда стремится фашизм в этой области, приведем некоторые данные о положении рабочих хотя бы в одной колониальной стране. Для сравнения возьмем не африканские колонии, а жемчужину Британской

¹ Культивирование пережитков эпохи феодализма, когда подмастерья жили под одной крышей с хозяином, считаясь как бы его домочадцами.

империи — Индию, ту страну, от которой никак не хотят отказаться Ситрины и Бевины.

Каково положение рабочего класса Индии?

Манибен Кара (известная реформистка), анализируя на конгрессе профсоюзов в Бомбее (май 1936 года) положение рабочего класса в Индии за последние годы, подчеркнула:

«Результаты кризиса в Индии, являющейся преимущественно сельскохозяйственной страной, были более разрушительны чем в других странах как в отношении масштабов, так и продолжительности и напряженности. Вместе с тем усилия капиталистов поддерживать шатающуюся капиталистическую структуру путем наступления на жизненный уровень рабочего класса и здесь были особенно бесчеловечными, жестокими. Нет такой отрасли промышленности в Индии, где бы рабочие не подверглись атакам капиталистов в форме снижения заработной платы, увольнений, рационализации и т. д.».

На основании данных, опубликованных в прессе, и выступлений деятелей национального и рабочего движения (в Индии нет статистики заработной платы, безработицы и т. д.), можно следующим образом характеризовать положение рабочих в Индии в годы кризиса: и без того нищенская заработная плата (номинальная) в среднем была сокращена на 20—25%, а в некоторых отраслях, например в хлопчатобумажной промышленности Бомбея, — на 40—50%; за эти же годы увеличились косвенные налоги на предметы первой необходимости, что заметно снизило реальную заработную плату.

За годы кризиса широкие размеры приняла в Индии «рационализация» — попросту нажим на мускульную силу рабочих.

Левый реформист Джабвала отмечал на сессии конгресса профсоюзов в Бомбее:

«Существует внушительное и растяжимое слово «рационализация», что попросту означает безработицу для тысяч рабочих и интенсификацию труда для тех, кто остался на предприятиях. Рационализация в Индии означает лишь самую жестокую эксплуатацию физической силы рабочих».

Чтобы выполнить новые нормы, резко повышенные за последние годы (причем в большинстве случаев без всякого переоборудования предприятий), ткачи в Бомбее, Калькутте и т. д. зачастую вынуждены нанимать по одному или по два подручных, оплачивая их труд из своей нищенской заработной платы.

Годы кризиса ознаменовались также усиленным наступлением британского империализма на жалкие политические права рабочих в Индии. Был издан ряд чрезвычайных декретов и антирабочих законов (об общественной безопасности, о подстрекательстве, закон об урегулировании промышленных конфликтов и др.), имевших целью затормозить и подавить борьбу рабочего класса против наступления капиталистов, против империалистического гнета. Наконец, в 1934—1935 годах в Индии было запрещено вслед за компартией около 20 левых профсоюзов в ряде промышленных городов.

В Индии совершенно отсутствует страхование от безработицы, и выброшенные на улицу рабочие обречены на вымирание. Большинство рабочих получает меньше 20 рупий в месяц, а заработная плата некоторых не превышает 10 и 8 рупий, в то время как, по утверждению профсоюзных организаций, 30 рупий — минимум, необходимый для удовлетворения самых элементарных потребностей рабочего.

Насколько мизерна заработная плата, видно хотя бы из следующего факта. Газета Национального конгресса «Бомбей кроникл» от 21 января 1936 года утверждает, что английский горняк за один час работы получает больше чем индийский горняк за 8-часовой рабочий день. Низкий уровень заработной платы английских горняков общеизвестен; отсюда явствует, что произведенное за годы кризиса сокращение нищенской заработной платы индийского рабочего на 20—30% привело сотни тысяч рабочих буквально

к голодному существованию. Нельзя забывать, что широко практикуемые в индийской промышленности вычеты из заработной платы в виде штрафов, регулярные взятки надсмотрщикам — «джоберам», проценты по долгам, выплачиваемые подавляющим большинством рабочих ростовщикам, — все эти формы легализованного грабежа резко снижают фактическую заработную плату рабочих.

За несколько лет кризиса только в цензовой промышленности Индии было выброшено из производства около 500 тысяч рабочих. По официальным данным, число рабочих в фабричной промышленности увеличилось за последние два года примерно на 200 тысяч человек. Таким образом, даже по самым приблизительным подсчетам, 300 тысяч кадровых рабочих, выброшенных за годы кризиса из производства, остаются без работы.

С 1935 года официальная рабочая неделя в некоторых отраслях промышленности была сокращена с 60 до 54 часов. Не говоря уже о том, что новый закон не распространяется даже на все предприятия крупной промышленности и на огромное количество мелких предприятий, — введение 54-часовой рабочей недели почти повсеместно повлекло за собой соответствующее снижение заработной платы. Это обстоятельство послужило, между прочим, причиной большого количества стачек в Индии.

Послевоенные годы были годами бурного развития рабочего движения в Индии и других колониальных и полуколониальных странах. Разбуженный громом империалистической войны и Великой Октябрьской социалистической революцией, рабочий класс Индии упорно и систематически, невзирая на огромные жертвы, стремится выравнять фронт с европейским и американским пролетариатом. За последнее время в Индии произошли такие крупные классовые бои, как всеобщая стачка 60 тысяч рабочих на Бенгало-Нагпурской железной дороге, стачка 225 тысяч рабочих джутовых фабрик Бенгала, являющаяся крупнейшим выступлением рабочих Индии за ряд лет.

Так выглядит тот уровень жизни, к которому стремятся низвести рабочих фашисты Германии, Италии и других стран.

* * *

Какой вывод напрашивается из всех этих фактов? Рабочий класс капиталистических стран еще далеко не вернул потерянного за время кризиса и депрессии. Но, с другой стороны, эти годы чрезвычайно богаты и поучительны в смысле опыта борьбы против наступления капитала и фашистской реакции.

Приход к власти Гитлера со всей остротой сигнализировал о необходимости тактики единого фронта и единства. Рабочий класс ряда стран и особенно Германии и Австрии дорого заплатил за отсутствие единого фронта и единства. Тяжелый опыт германского и австрийского пролетариата многому научил рабочих Франции, Испании, Англии, Соединенных штатов Америки, Чехословакии, Польши и других стран. Эти уроки послужили толчком для объединения сил в экономической и политической борьбе. Растет единый фронт, крепнет единство профдвижения. Единое профдвижение делается основным устоем народного фронта (Франция). Профсоюзное единство ставит во весь рост вопрос о политическом единстве рабочего класса.

Хотя вожди Второго и Амстердамского интернационалов делают все возможное, чтобы сорвать единый фронт, единство профдвижения и народный фронт, — рабочие массы все крепче куют единство своих рядов.

Вновь начинает нарастать волна массовых выступлений. Стачка солидарности 100 тысяч металлистов с подмастерьями в Шотландии свидетельствует о повышении стачечной активности значительных слоев английского пролетариата. Такие стачки являются симптомами нового роста боевых настроений в массах и доказывают, что в английском пролетариате нарастает мощная волна недовольства.

Продолжающееся стачечное движение сотен тысяч рабочих тяжелой

промышленности в Соединенных штатах Америки показывает не только возросшую боеспособность широких рабочих масс, но и то, что вожди Американской федерации труда уже не в состоянии срывать стачечную борьбу, как они это делали в течение многих десятилетий, и что новые массовые союзы в тяжелой промышленности, возглавляемые Комитетом производственных союзов, играют все более решающую роль в борьбе американского рабочего класса.

Политические стачки в Польше, обострение борьбы против фашизма на Балканах, рост политического недовольства испанской авантюрой и рост экономических движений в Италии и Германии, обострение борьбы внутри господствующих классов в Японии при одновременном повороте значительных слоев рабочих к единому и народному фронту, непрекращающиеся выступления бельгийских рабочих не только против предпринимателей, но и против предательской политики лидеров правого крыла рабочей партии Бельгии — Спаака и де Мана — все это происходит чаще и чаще на основе совместных действий рабочих разных направлений.

Единство действий наиболее наглядно выражается в той волне солидарности с испанским пролетариатом, которая охватила рабочих всего мира. Международный рабочий класс помогает героическому испанскому пролетариату не только деньгами, продовольствием и медикаментами, но и бойцами. Интернациональные бригады останутся навсегда в истории мирового рабочего движения как образец действенной солидарности. Германо-итальянский фашизм, который хотел задушить в самом зародыше народную революцию и народный фронт в Испании и предотвратить возникновение народного фронта в своих странах, добивается обратных результатов: лозунги испанской революции проникают через все рогатки в Германию и Италию; героический испанский народ будит своим примером пролетариат этих стран.

Рабочее движение никогда не шло гладко, прямолинейно, как по хорошо асфальтированной дороге. Оно идет зигзагами и волнообразно, и за спадом движения следует новый его подъем. Не идет оно одинаковыми путями и сейчас. Исторические особенности каждой страны, удельный вес компартии и социал-демократии, степень организованности рабочих, сила традиций — все это влияет на характер, на ход и темпы нарастающего массового движения. Движение — пусть неравномерное, пестрое, под разными лозунгами, не всегда целеустремленное — продолжает неуклонно нарастать. Крот истории хорошо роет!

Огромные жертвы принес рабочий класс за годы кризиса и депрессии, но он приобрел за эти годы также и богатый опыт. В ряде стран, как Франция, Испания, осуществлено единство профдвижения; в Соединенных штатах Америки созданы новые мощные производственные профсоюзы; с оружием в руках пролетариат Испании борется против фашизма, национального и международного.

Трудным, но верным путем, органически сочетая экономическую и политическую борьбу идет рабочий класс капиталистических стран, собирая свои силы для решающей битвы против фашизма и капитализма. Огромную помощь оказывают ему в этом всемирноисторические победы, достигнутые на фронте социалистического строительства СССР, ликвидация безработицы, подъем жизненного уровня рабочих и колхозных масс, расцвет Страны советов. Победы социализма в СССР записаны в Сталинской Конституции, которая является «моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства» (Сталин). Всемирноисторические достижения СССР подымают на борьбу рабочих капиталистических стран и служат вдохновляющим примером того, как нужно бороться, как нужно побеждать.

А. ЛОЗОВСКИЙ

Сорок лет

(К выходу в свет IV тома повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина»)*

Вышел в свет четвертый том повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Это замечательное повествование охватывает сорок лет развития общественной мысли в России.

Первый том «Жизни Клима Самгина» начинается с эпохи восьмидесятых годов; четвертый заканчивается революцией 1917 года, приездом Ленина в Россию.

Повесть охватывает огромный срок, решающий не только для истории нашей страны, но и для судеб всего мира. За эти годы возник и развился ленинизм. В конце этой эпохи бывшая тюрьма народов, царская Россия, превратилась под знаменем Ленина—Сталина в первую в мире социалистическую страну.

Деятельность А. М. Горького является одним из замечательных и характернейших фактов этой великой эпохи. Горький пришел в литературу как буреви́ст зреющей революции. Вокруг него сразу же установилась атмосфера великой любви или великой ненависти: равнодушия вокруг имени Горького никогда не было. Сменялись исторические этапы, круто ломалось течение социально-политической жизни, но вокруг имени Горького не затихало столкновение любви и ненависти, как не затихала классовая борьба рабочих против своих угнетателей.

Уже в самое последнее время враги народа, троцкистские выродки Авербах и К^о, окопавшиеся было в советской литературе, присоединили к длинному списку тщетных попыток разномастных врагов рабочего класса свою попытку свалить или хотя бы поколебать авторитет Горького.

Нет ничего более почетного чем ненависть врагов! Она—свидетельство революционной непримиримости писателя, его неразрывной, органической связи с делом социализма.

Горький начал свою литературную деятельность до того, как сложилась партия большевиков. Естественно, что его путь как пролетарского писателя содержал известные своеобразные черты. Так, в первых своих произведениях, еще не зная типа рабочего-большевика, он сделал носителями своих идеалов романтизированных босиков или легендарных героев народных сказаний. Бывало, Горький и ошибался, но он свои ошибки исправлял и неизменно оказывался в лагере большевизма, в лагере Ленина—Сталина. «Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...»,—писал Ленин в 1909 году, опровергая пущенный буржуазной печатью слух об исключении Горького из социал-демократической партии.

«Нет сомнения,—подчеркивал Ленин в 1917 году,—что Горький—громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению».

* М. Горький «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)». Т. IV. Государственное издательство «Художественная литература». М. 1937, 461 стр. 7 р. 50 к.

Горький писал свыше сорока лет. Он много видел, много пережил, бесконечно много отразил в своем творчестве. Естественно, что у него возникла потребность оглянуться на пройденный путь, подвести итоги. Горький сделал это как художник в огромной эпопее «Жизнь Клима Самгина». Эта повесть носит подзаголовок «Сорок лет». Горький нарисовал в ней не только законченный портрет типичного представителя русской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции конца XIX и начала XX века: он дал историю русской общественной мысли за сорок лет, охватывающую годы краха и гибели крепостничества и капитализма, годы непосредственной подготовки и осуществления трех революций.

Клим Самгин является одним из самых законченных, типических обобщений у Горького. Клим Самгин — это человек с ничтожной душой, мелкий эгоист, собственник до мозга костей. Он тщеславен, лицемерен, труслив и в то же время мечтает о видной карьере, о том, чтобы «играть роль», о богатстве, известности, высоком общественном положении. Как «идеолог» (Самгин — по профессии адвокат), он прикрывает свое маленькое нутро пышными фразами, всегда заимствованными, никогда не оригинальными. В прочность убеждений Клим не верит, но он их считает необходимыми для представительства, для того чтобы «играть роль». Горький мастерски, шаг за шагом срывает с лица Самгина многократно сменяемые им живые маски. Горький разоблачает его политически и социально, разоблачает его и психологически — Самгин ко всему прочему еще подловат. Подловат в отношениях с друзьями, подловат с женщинами. Придя в комнату своей только что умершей жены, он первым делом перекладывает в свой карман деньги из ее сумки и т. д.

Горький следит за судьбой Самгина на протяжении сорока лет. Это дает ему возможность превратить свое повествование в историческую эпопею, художественное изложение истории русской общественной мысли. Он рисует разгром «Народной Воли», господство либеральных народников, декадентство и символизм, зарождение большевизма, борьбу с легальными марксистами и меньшевиками, подготовку революции пятого года, 1905 год — 9 января, декабрьское восстание, реакцию, ликвидаторство, «Вехи», увлечение реакционными религиозными исканиями, войну, февраль 1917 года. Книга должна была закончиться приездом Ленина в Россию в 1917 году.

Художественно Горький дает описываемую эпоху сквозь призму Самгина, идеологически он все время оценивает эту эпоху и своих героев с точки зрения рабочего класса.

Горький родился в 1868 году. Он рос и складывался как личность и как писатель в восьмидесятых и в начале девяностых годов. С этого периода и начинается повесть.

Детские годы Клима Самгина протекали в общественной атмосфере, созданной идейной гегемонией народников. Народники идеализировали мужика, крестьянина-собственника. Они не понимали, что социалистический идеал может быть осуществлен только путем революционной борьбы, руководимой пролетариатом.

Борьба небольшого количества интеллигентов, не связанных с народом, не знавших народа и не имевших представления о законах классовой борьбы, не могла дать желанного результата. Реакция охватила самые широкие общественные круги. Самым распространенным стало подлое изречение: «Наше время — не время широких задач». Достоевский на пушкинских торжествах в Москве обратился с призывом: «Смирись, гордый человек! Терпи, гордый человек!» Лев Толстой изобрел утопическую и реакционную теорию «непротивления злу».

В идейной жизни «прогрессивного» общества стали верховодить либеральные народники. Они сохранили в своей фразеологии живые заверения о любви к народу, декламации о его благе и его интересах, а на деле были исполнены — как филистеры по определению Гейне, — страха и надежд по отношению к самодержавию. Быстро стала расти жадная, беспринципная, запоздалая русская буржуазия, которую Горький в «Жизни Клима Самгина» отразил в лице Варавки. Варавки не верили ни в бога, ни в чорта, а только в чистоган. На вопрос маленького Клима, отчего у него такая «насекомая» фамилия, Варавка шутовски, но глубокомысленно ответил:

«Я — турок. Моя настоящая фамилия Бей — Непайкой Акопейкой — бей. Бей это — по-турецки, а по-русски значит — господин»¹.

Дворянство потеряло свою былую экономическую и культурную силу, стало безнадежно реакционным. Такие его представители, как Туробоев (если брать все тех же персонажей горьковской повести), были безнадежно больны болезнью скептического бессилия и безделья.

Идеологии этих общественных кругов носила растленный характер. Зыбкая, неверная, неустойчивая, неопределенная, она по своему социальному и политическому смыслу предоставляла желающим неограниченный выбор способов и форм предательства народа и революции. Очень характерны в этом отношении рассуждения провинциального «мыслителя», одного из персонажей романа — Томилина, на тему «кто прав?»

«— Этому вопросу нет места, Иван. Это неизбежное столкновение двух привычек мыслить о мире. Привычки эти издревле с нами и совершенно непримиримы, они всегда будут разделять людей на идеалистов и материалистов. Кто прав? Материализм — проще, практичнее и оптимистичней, идеализм — красив, но бесплоден. Он — аристократичен, требовательней к человеку. Во всех системах мышления о мире скрыты, более или менее искусно, элементы пессимизма: в идеализме их больше, чем в системе, противостоящей ему.

Помолчав, он еще замедлил ленивый свой шаг, затем — сказал:

— Я — не материалист. Но и не идеалист...» (т. I, стр. 134).

Для таких людей убеждения — только привычка, соблюдения которой «требуют приличия»; все равно, какие мысли исповедывать: всеми ими можно одинаково удобно прикрыть личный и групповой эгоизм, косную жажду покоя и ненависть к революции. Из наблюдений над такой, с позволения сказать, умственной жизнью и родилась прочная уверенность Самгина в том, что убеждения — это «системы фраз», ни к чему не обязывающие, но необходимые для карьеры. В таком отношении к идеям, к убеждениям красноречиво проявляется предательская природа людей типа Клима Самгина.

Такова была господствующая идеологическая атмосфера, когда начинал свою умственную и литературную жизнь А. М. Горький. В «Жизни Клима Самгина» она обрисована убийственными красками. Но было бы глубокой ошибкой предполагать, что русская жизнь того времени исчерпывалась только «самгинщиной» и что Горький не знал, что это только накипь. «Самгинщина» была характерна для интеллигенции, отказавшейся от революционной борьбы, предавшей революцию, поступившей на службу к Варавкам, на выучку к капитализму.

В эти же годы в России созревала настоящая, решающая революционная сила в лице пролетариата. В это время начали складываться кадры

¹ М. Горький «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)». Т. I, стр. 16. Изд. М. Л. 1923.

В дальнейшем ссылки на это произведение даются в тексте.

большевиков. Ленин выковывал разящее, нержавеющей металл оружие большевизма.

Горький сам был полярной противоположностью людей типа Самгина. Он был человеком твердых убеждений, активного, страстного характера, он рвался в бой против самодержавия и капитализма, искал соратников и быстро понял всемирно освободительную роль рабочего класса и правоту большевизма. Он с первых же шагов становится непримиримым врагом Самгиных, вызывая к себе лютую ненависть последних.

Одним из важнейших героев эпопеи является Кутузов. Кутузов — пролетарский революционер, большевик. Он «водится», по выражению Самгина, с рабочими, читает им ленинскую брошюру «О штрафах» и т. д. Кутузов честен, смел, прям, определен. Для него убеждения — не «системы фраз», а дело всей жизни. Для таких, как Клим Самгин, Кутузов был «органически непереносен».

«Возражать Кутузову трудно, он смотрит прямо в глаза, взгляд его холоден, в бороде шевелится обидная улыбочка...

Клим огорченно чувствовал, что Кутузов слишком легко расшатывает его уверенность в себе, что этот человек «насилует» его, заставляя соглашаться с выводами, против которых он, Клим Самгин, мог бы возразить только словами:

— Не хочу». (т. IV, стр. 258).

Горький и как художник, и как культурный деятель, и как политический мыслитель неизменно находил верную руководящую нить. Рисуя в своем романе декадентов, российских ницшеанцев, легальных марксистов и меньшевиков, эсеровских позеров, рисуя все усложняющуюся и ускоряющуюся общественную жизнь в России, Горький оценивает события одинаково с Кутузовым, с большевиками. Для Горького было необходимо вывести в романе Кутузова по той же самой причине, по какой он в огромной галерее типов, созданных за сорок лет, выводил пролетариев-большевиков как подлинных людей, как надежду русского народа и всего человечества.

Огненным испытанием для всех, в той или иной мере склонявших слово «революция», был 1905 год. С безошибочной меткостью Горький рисует поведение Клима Самгина в этот период, когда неизвестно было, победит ли революция или победит самодержавие. Клим Самгин себя так поставил, что многие считали его чуть ли не большевиком, а жандармы видели в нем потенциального провокатора. Сам Клим Самгин в глубине души смертельно боялся революции, настоящих революционеров ненавидел всеми силами своей душонок, мечтал о «порядке», о «твердой власти», хотя бы они исходили даже от Николая II. В то же время тщеславие рисовало ему заманчивую перспективу стать министром «русского парламента». От одного слова «министр» напрягалась вся беспринципная изворотливость Самгина, и он, по образцу предателей из II интернационала, начинал склонять слова «социализм», «рабочее движение», видя в этих фразах необходимый трамплин для осуществления своих честолюбивых замыслов.

Самгины всех мастей, начиная с меньшевиков, ликвидаторов, обрадовались поражению революции 1905 года.

Большевики во главе с Лениным рассматривали революцию 1905 года как генеральную репетицию нового и окончательного штурма твердынь старой власти. Ленин с исчерпывающей убедительностью доказал, что ни одна из причин, вызвавших революцию, не устранена. Не покладая рук, Ленин и Сталин работали над укреплением монолитной, принципиальной, боевой нелегальной большевистской партии, не отказываясь в то же время от использования легальных возможностей. Ленин и Сталин готовили

Большую пролетарскую революцию. В этом основном и решающем вопросе Горький был всецело с Лениным и Сталиным. Идеино, политически страницы «Жизни Клима Самгина», посвященные революции 1905 года и эпохе реакции, вполне созвучны с романом «Мать» — гимном большевистской партии, вызвавшим одобрительный отзыв Ленина.

И в повести «Жизнь Клима Самгина» события 1905 года оцениваются с точки зрения, с позиции большевиков. Четвертый том вышел уже после смерти писателя. Алексей Максимович не успел до конца обработать рукопись четвертого тома, но, как справедливо указывает комиссия ЦК ВКП(б) и СНК СССР по принятию литературного наследия и переписки А. М. Горького, оставшиеся недоработки «по отношению к общему объему рукописи все же настолько несущественны, что ни в малой мере, как увидит читатель, не лишают четвертую часть повести «Жизнь Клима Самгина» художественной цельности».

Это последнее крупное произведение Горького еще раз подчеркивает революционный, пролетарский характер его творчества. Идеологическая жизнь буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции в эпоху реакции приняла еще более пестрый, еще более гниловатый и тлетворный характер. Горький неумолимо обнажает истинное содержание, скрывавшееся за громкими фразами о «чистом искусстве», о «личности и обществе», об индивидуализме и т. д. Все это было внешним проявлением ненависти к народу, к революции, жажды укрепления собственнического порядка и свободы эксплуатации.

На одной из интеллигентских вечеринок, описанных в IV томе «Жизни Клима Самгина», ораторствовала рыженькая дама:

«— Ужасно много событий в нашей стране! — начала она, вздыхая, выкатив синеватые, круглые глаза, и лицо ее от этого сделалось еще более кукольным. — Всегда так было и — я не знаю: когда это кончится? Все события, события, и обо всем интеллигентный человек должен думать. Крестьянские и студенческие бунты, террор, японская война... В конце концов — страшно выйти на улицу. Я совершенно теряюсь! Чем же это кончится?..

Она — тихонько всхлинула, Орехова, глядя ее плечо, задушевно, басом посоветовала ей:

— Не волнуйтесь, милая Анна Захаровна, — вам вредно.

— Так хочется порядка, покоя, — нервно вскричала Анна Захаровна, отирая глаза маленьким платочком.

Самгин посмотрел на нее неприязненно и думая: как грубо можно исказить весьма ценную мысль» (стр. 172).

Здесь Самгин выдает с головой себя и себе подобных. Все «системы фраз», которые он натягивал, как одежду, в зависимости от моды и условий времени, — для него только средство социального обмана. Они продиктованы желанием «отболтаться» от революции и по выгоднее сделать карьеру. В глубине души он хочет того же, что и примитивная рыженькая Анна Захаровна: порядка и покоя; порядка, гарантированного жандармами, и покоя, обеспеченного капиталами, правом беспрепятственно эксплуатировать рабочих. Но рабочие уже пришли в движение; под их руководством быстро развивалось политическое сознание крестьянства, трудящихся, демократических слоев интеллигенции. Вот здесь-то и нужны были «системы фраз», различные в зависимости от того, кого нужно обмануть: для интеллигенции — о декадентстве, о «чистом искусстве», о «грядущем хаосе»; для рабочих — «социалистические» фразы из меньшевистского арсенала; для крестьян — эсеровская демагогия и т. д., и т. п. О честности, последовательности, о единстве слова и дела Самгина ни-

когда и не думали. На идеологию они всегда смотрели как на средство обмана и маскировки.

Тайные мысли Самгиных, сформулированные для себя, для собственного употребления, были высказаны вслух в сборнике «Вехи»:

«Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благоговаять эту власть, которая одна, своими штыками, охраняет нас от ярости народной...» (т. IV, стр. 187).

Это был бесстыдный призыв к предательству, к измене революционным традициям. «Вехи» провозглашали как программу то, о чем Самгины шептались по углам, что стыдились произнести вслух. Горький правильно расценил значение «Вех». В повести «Жизнь Клима Самгина» он художественно выразил то, что сделал как публицист при появлении в свет этого гнилого сборника. Естественно, что любители «Вех» ненавидели трибуна пролетарской правды — Горького.

Самгин с радостью принял лозунги «Вех». Как карьерист, он жалел только об одном: что не первый провозгласил эти «откровения». Для своих выступлений в среде интеллигенции он с великой охотой использовал проплеванные идейки «Вех»:

«Да, нас воспитывают Дон-Кихотами, — вещал он. — Начиная с детства, в семье, в школе, в литературе нам внушают неизбежность жертвенного служения обществу, народу, государству, идеям права, справедливости. Единственная перспектива, которую вполне четко и ясно указывают нам, это — перспектива библейского юноши Исаака — жертва богам отцов, жертва их традициям... к старым идолам добавлен новый — рабочий класс, и вера в неизбежность человеческих жертвоприношений продолжает существовать. Я не ставлю и не решаю вопроса: осуществим ли социализм посредством диктатуры пролетариата, как учит Ленин. Этот вопрос вне моей компетенции, ибо я не Дон-Кихот, но, разумеется, мне очень понятна мысль уважаемого и талантливейшего Платона Александровича, чувство, высказанное в словах о страшной власти равенства» (т. IV, стр. 253—254).

Победа рабочего класса несет с собой социальное равенство. Самгин всеми силами старались сохранить свое привилегированное положение. Особенную тревогу внушали им учение и деятельность Ленина.

Умный буржуа Бердников спрашивает Самгина:

«Вы как думаете о Ленине-то?

— Это — несерьезный мыслитель, — сказал Самгин.

Бердников как будто удивился и несколько секунд молча, мигая, смотрел в лицо Самгина.

— Это вы — искренно?» (т. IV, стр. 78).

Сколько бы Самгин ни прятал голову в песок, сколько бы он ни открещивался от растущего влияния большевизма, решающей исторической силой был пролетариат, вооруженный учением большевизма; самым великим мыслителем современности был Ленин. Ускоряющийся ход истории обнаруживал это все с большей и большей убедительностью.

Началась империалистическая война. Горький описывает бестолочь и беспомощность правительства и буржуазии. Народ смотрел на войну как на неслыханное бедствие, вызванное правящими классами. В массах зрело недовольство, революционный протест, который привел к февралю семнадцатого года. Картиной февральского переворота и заканчивается исполнская эпопея Горького.

Горький не успел дописать последних страниц повести, но оставленные им черновые фрагменты вполне уясняют его замысел. Февраль был очень важной вехой в развитии русской революции, но он не был целью революционной пролетарской борьбы. В «Апрельских тезисах» Ленин по приезде в Россию с особенной силой подчеркнул необходимость борьбы за социалистическую революцию, за советскую власть. Горький хотел описать речь Ленина с броневика на площади Финляндского вокзала. Даже эти фрагменты, завершающие книгу, звучат ярко и красноречиво:

«Мужик рядом с Кли[мом].

— Вот какой... прибыл. Кряжистый.

— Ну, — пускай ему бог поможет, а он — помог бы нам.

— Вид у него хозяйский.

— Пропустите! Дайте взглянуть.

А там, вокруг броневика, тесная как единое тело...

— Да здравствует с[оциалистическая] р[еволюция]!

не громко, но так, что слышно было на всей площади.

Покачнулись.

— Ага? Слышал?

Толкался, лез вперед и кричал:

— Т[оварищ] Ленин, мы готовы. Мы понимаем, товарищ — верно?

— Ильич? — Просто, — подошел и говорит: Здравствуй, Ильич! А?

Ленин.

Он как-то врос в толпу, исчез, растаял в ней, но толпа стала еще более грозной, и как бы выросла...» (стр. 459—460).

Выступление масс в качестве решающей исторической силы, провозглашение Лениным лозунга борьбы за диктатуру пролетариата было концом самгинщины. Финалом книги должна была явиться гибель Самгина:

«Конец.

— Уйди! Уйди, с дороги, таракан. И—эх, тар-ракан!

Он отставил ногу назад, размахнулся ею и ударил Самгина в живот...

Ревел густым басом:

— Делай свое дело, делай!

— Порядок, товарищи. Пор-рядок. Порядка хотите.

Мешок костей» (стр. 460).

В решающей исторической проверке Самгина оказались тараканами, которых смел с дороги исторический вихрь. «Самгинщина» получила смертельный удар в 1917 году, но не все Самгины кончились тогда: ряд подлых людей уцелел до наших дней. Их лживый язык повторяет слова о преданности социализму. Подлая способность к приспособленчеству использована ими для того, чтобы придать себе видимость честных советских граждан. Но на деле они мечтали и мечтают о реставрации капитализма. Предательство, двурушничество, шпионаж, вредительство, диверсии стали их оружием. «Самгинщина» — одна из черт психологического облика троцкистско-бухаринских фашистских бандитов.

«Жизнь Клима Самгина» вооружает нас знанием психологии и повадок наших врагов. «Жизнь Клима Самгина» помогает изучению борьбы нашей партии. Это единственная в нашей художественной литературе картина сорока лет развития русской общественной мысли, от восьмидесятых годов до революции 1917 года.

В. КИРПОТИН

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «БОЛЬШЕВИК»

Уважаемый товарищ редактор!

Прошу поместить следующие поправки к моей статье «Самый демократический избирательный закон», напечатанной в № 14 журнала «Большевик»:

1) На стр. 18, в 3-м абзаце сверху, вместо «Статья 37 «Положения о выборах» следует читать: «Статья 57 «Положения о выборах».

2) На стр. 18, абзац 4-й сверху, говорится, что депутаты Верховного Совета должны быть зарегистрированы выдвигающими их организациями.

Надо уточнить, что регистрация, разумеется, производится избирательными комиссиями, а общественные организации представляют кандидатов для регистрации.

3) На стр. 18, абзац 5-й сверху, говорится: «на языке населения избирательного округа»; правильное сказать: «на языках населения соответствующего избирательного округа» (ст. 68).

4) На стр. 20, 1-й абзац сверху, говорится, что члены избирательной комиссии не могут присутствовать в комнате, выделенной «для голосования».

Нужно было сказать, как это прямо указано в ст. 77, о комнате, выделенной для заполнения бюллетеней.

5) На стр. 20, абзац 6-й сверху, изложить в следующей редакции:

«Каждый избиратель участвует в выборах одного из двадцати пяти депутатов в Совет национальностей от союзной республики. В том случае, если избиратель живет на территории автономной республики, или автономной области, или национального округа, он участвует и в выборах одного из депутатов в Совет национальностей от соответствующей автономной республики, автономной области или национального округа. (Согласно Конституции СССР от каждой автономной республики избирается в Совет национальностей 11 депутатов, от каждой автономной области 5 депутатов и от каждого национального округа 1 депутат)».

6) На стр. 20, в 7 абзаце сверху, вместо слов: «в выборах 5-ти депутатов» — надлежит сказать: «в выборах одного из 5-ти депутатов»; в этом же абзаце вместо слов: «он же участвует в выборах 25-ти депутатов», надлежит сказать: «он же участвует в выборах одного из 25-ти депутатов»;

7) На стр. 20, 6-я строчка снизу, вместо слов: «при выборах 5-ти депутатов от Кара-Калпакской АССР», надлежит сказать: «при выборах 11-ти депутатов от Кара-Калпакской АССР»;

8) На стр. 20 последний абзац изложить в такой редакции: «Что касается голосования кандидатов в депутаты Верховного Совета Союза ССР, то кандидат может голосоваться только в одном округе. Это прямо вытекает из статьи 62 «Положения о выборах», где говорится, что «кандидат в депутаты Верховного Совета СССР может голосоваться только в одном округе».

28 июля 1937 г.

А. ВЫШИНСКИЙ

Уполномоченный Главлита № Б—25774.

Тираж 550 000 экз.

В 1 п. л. 62 000 зн. 7 печ. лист.

Изд. № 624

Редакция

А. Стецкий (редактор)

П. Поспелов

Б. Таль

П. Юдин

Материал сдан в набор 31/VII 1937 г. Подписан к печати 2/VIII 1937 г. Заказ 1208.

Типография газ. «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

П А Р Т И Й Н О Е СТРОИТЕЛЬСТВО

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва. Старая площадь, 4, здание ЦК ВКП(б), 4-й этаж, комн. 453 и 457. Тел.: 4-93-55 или ЦК, доб. 16-54, 18-12, 19-17, Тел. Управления распространения Изд-ва „Правда“ Д 3-34-27.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 месяц — р. 90 к.
на 3 месяца 2 р. 70 к.
на 6 месяцев 5 р. 40 к.

Подписка принимается: „Союзпечатью“, отделениями Издательства газеты „Правда“, почтой, письмоносцами, сельписьмоносцами, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и издательствами политотдельских газет на транспорте. Розничная продажа журнала производится во всех киосках „Союзпечати“.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ (Москва, ул. „Правды“, 24).

ВНИМАНИЕ!

По всем вопросам подписки и распространения журнала ЦК ВКП(б) „Партийное строительство“ следует обращаться в Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ (Москва, 40, ул. „Правды“, 24).

ТЕЛЕФОН Д 3-34-27

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ 1 РАЗ В МЕСЯЦ

XIX год издания

Журнал «Коммунистический интернационал» — руководящий орган ИККИ—освещает тактические и организационные вопросы секций Коминтерна.

Журнал «Коммунистический интернационал» освещает вопросы международного революционного движения, борьбу за единый пролетарский и единый народный фронт, борьбу против фашизма и войны, экономическую борьбу рабочих, борьбу угнетенных масс колониальных и полуколониальных стран.

В журнале «Коммунистический интернационал» имеются постоянные отделы: «Международное рабочее движение», «Люди Коминтерна», «Политические заметки», «Отдел критики и библиографии».

Журнал «Коммунистический интернационал» помещает статьи руководящих товарищей ИККИ и секций Коминтерна.

В журнале «Коммунистический интернационал» публикуются постановления Исполкома Коминтерна, Интернациональной контрольной комиссии и руководящих органов секций Коминтерна.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: «Союзпечатью», почтой, отделениями Издательства газеты «Правда», письмоносцами, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и издательствами политотдельских газет на транспорте. Розничная продажа журнала производится во всех киосках «Союзпечати».

ПОДПИСН. ЦЕНА:

на 1 мес.—1 р.

на 3 мес.—3 р.

на 6 мес.—6 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“